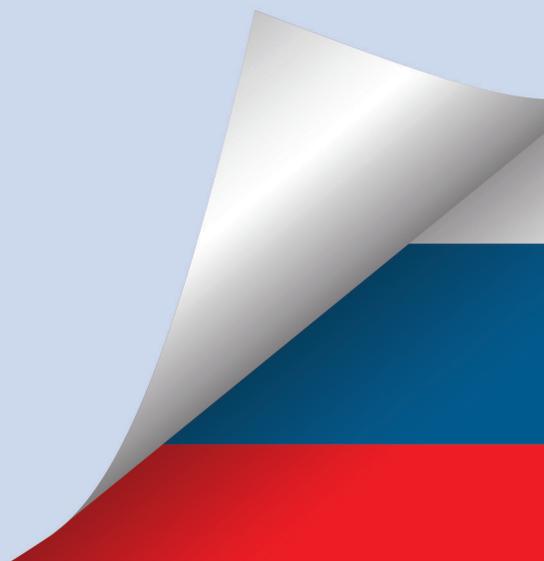

2022. Т. 14. № 1

ISSN 2219-6242 (Print)
ISSN 2219-6250 (Online)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

ISSN 2219-6250 (Online)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2022. Т. 14. № 1

Scientific Journal

SOCIOLOGY AND LAW

2022;14(1)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО

*ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор экономических наук, доцент*

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН

*проректор по науке и цифровизации Санкт-Петербургского государственного университета
гражданской авиации, доктор технических наук, доцент*

Редакционный отдел

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

доктор социологических наук, профессор

М. В. РЫВКИНА

доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

*профессор кафедры уголовного права
и таможенных расследований
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического
приборостроения, доктор юридических наук,
профессор*

В. БЕРГМАНН

*член ученого совета Европейской академии наук
и искусств, руководитель рабочей группы форума
«Петербургский диалог» с германской стороны,
доктор юридических наук, профессор*

В. М. БОЕР

*декан юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического
приборостроения, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ, почетный
работник высшего профессионального
образования РФ*

С. С. БРАЗЕВИЧ

*профессор кафедры международных отношений,
медиаологии, политологии и истории
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, доктор
социологических наук, профессор*

Н. В. БУГЕЛЬ

*профессор кафедры конституционного
и международного права Санкт-Петербургского
института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ*

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

*директор Юридического института
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

И. И. ЕЛИСЕЕВА

*заведующий сектором Социологического
института РАН (Санкт-Петербург),
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки РФ*

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

*заведующий кафедрой правового регулирования
градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ*

С. Ю. КОСАРЕВ

*заведующий кафедрой криминалистики
Гуманитарного института
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого, доктор
юридических наук, профессор*

Р. А. КОСТИН

*заместитель директора по учебной работе
Санкт-Петербургского техникума отраслевых
технологий, финансов и права,
доктор социологических наук, профессор*

А. В. МАЛЬКО

*профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Я. А. МАРГУЛЯН

*профессор кафедры социологии и управления
персоналом Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
доктор социологических наук, профессор*

А. А. МАРКОВ

*профессор кафедры рекламы и связей
с общественностью Санкт-Петербургского
университета технологий управления
и экономики, доктор социологических наук,
профессор*

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

*профессор кафедры государственного
и международного права Санкт-Петербургского
государственного морского технического
университета, доктор юридических наук,
профессор*

С. М. ОГАНЕСЯН

*профессор кафедры правоведения
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

Е. В. СИЛИНА

*профессор кафедры гражданского процессуального
права Российского государственного
университета правосудия (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, доцент*

С. А. ЦЫПЛЯЕВ

*полномочный представитель
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики,
кандидат физико-математических наук*

SOCIOLOGY AND LAW 2022;14(1)

EDITORIAL OFFICE

Chief Editor

O. G. SMESHKO

Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Chief Editor

G. A. KOSTIN

Vice Rector for Science and Digitalization St. Petersburg State University of Civil Aviation, Doctor of Engineering, Associate Professor

The Editorial Department

N. N. POKROVSKAIA

Doctor of Social Sciences, Professor

M. V. RYBKINA

Doctor of Law, Professor

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

B. BERGMANN

Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education Working Group of the Petersburg Dialogue Forum from the part of Germany, Doctor of Law, Professor

V. M. BOER

Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH

Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

N. V. BUGEL'

Professor of St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA

Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation

N. N. ZHIL'SKIY

Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV

Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN

Deputy Director for Academic Affairs of the St. Petersburg Technical School of Industry Technologies, Finance and Law, Doctor of Sociology, Professor

A. V. MAL'KO

Professor of Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN

Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

A. A. MARKOV

Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Sociology, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO

Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN

Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

E. V. SILINA

Professor of Russian State University of Justice (St. Petersburg), Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV

Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Physical and Mathematical Sciences

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

ISSN 2219-6250 (Online)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Сдано в набор 26.02.2022. Формат 60×90¹/₈.

Дата выхода в свет 28.03.2022.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 6,84. Усл. печ. л. 13,49.

Тираж 100 экз. Заказ № 748.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ – база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристайных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editoriat Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. PI No. FS77-67818 (28.11.2016)

ISSN 2219-6242 (Print)

ISSN 2219-6250 (Online)

© All rights reserved.

Web-site: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center of the St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Sent to the printer 26.02.2022. Format 60×90¹/₈.

Release date 28.03.2022.

Offset paper.

Published pages: 6,84.

Conventional printed pages: 13,49.

Circulation 100 copies. Order No. 748.

Distinguished authors and readers of the magazine!

The magazine «Sociology and Law» is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the magazine "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the magazine are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Снисаренко С. О., Абызов А. Г., Малявин С. Н.</i> Социальное предпринимательство как фактор развития российской экономики	8
<i>Ованнисян О. О., Оганисян А. О., Оганян К. М.</i> Особенности восприятия феномена геноцида армян в общественном мнении жителей Еревана в контексте 100-летия со дня трагедии (на основе анализа результатов социологических опросов).....	18
<i>Афанасьев А. А.</i> Жизненный мир российского села в правовом отношении: социологический аспект	27
<i>Круглова Е. Л.</i> Особенности методики социологической диагностики уровня финансово-экономической культуры как параметра экономической системы ..	36
<i>Кружкова Т. И., Ручкин А. В., Фетисова А. В.</i> Влияние пандемии COVID-19 на рост наркозависимости молодежи.....	45
<i>Нематова Д. Т.</i> Мировой опыт определения и измерения бедности.....	51
<i>Терехин А. С.</i> Направления и перспективы исследований социологии молодежи в условиях трансформации российского общества.....	59

Право в жизни государства и личности

<i>Трухин М. А., Ильичев Д. А.</i> Об этапах расследования и раскрытия взяточничества в сфере образования	66
<i>Зернов А. О., Старовойтов А. А., Воскресенская Е. В.</i> Правовая реформа государственной службы Российской Федерации в XXI веке.....	72
<i>Кузьмин А. В., Ушаков Н. А.</i> Нетипичные источники в системе формально-юридических источников российского права	78
<i>Шаряпова Э. А., Обухович В. Э., Таубе И. С.</i> Общественные обсуждения и публичные слушания как форма прямого волеизъявления в Российской Федерации.....	84
<i>Лазаренко Е. М., Черных А. Б.</i> Особенности правового регулирования труда работников дноуглубительного флота	89
<i>Кирюшкина Е. И.</i> Доктринальная интерпретация оскорбления представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса РФ)	97
<i>Шишкин М. Г.</i> О допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в контексте угрозы распространения социально значимых заболеваний (эпидемий, пандемий)....	105

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Snisarenko S. O., Abyzov A. G., Malyavin S. N.</i> Social entrepreneurship as factor of the Russian economy growth.....	8
<i>Hovhannisyan H. O., Hovhannisyan H. H., Oganyan K. M.</i> Features of perception of the phenomenon of the Armenian Genocide in the public opinion of Yerevan residents in the context of the 100th anniversary of the tragedy (analysis of the results of sociological surveys)	18
<i>Afanasiev A. A.</i> The life world of the Russian village in legal attitude: sociological aspect.....	27
<i>Kruglova E. L.</i> Features of sociological diagnostics methodology for measuring the level of financial and economic culture as an economic parameter.....	36
<i>Kruzhkova T. I., Ruchkin A. V., Fetisova A. V.</i> Impact of the COVID-19 pandemic on the growth of youth drug addiction.....	45
<i>Nematova D. T.</i> World experience in defining and measuring poverty	51
<i>Terekhin A. S.</i> Directions and prospects of researching the sociology of youth in the conditions of transformation of Russian society.....	59

The Law in a State and Person Life

<i>Trukhin M. A., Il'ichev D. A.</i> On the stages of investigation and disclosure of bribery in the field of education.....	66
<i>Zernov A. O., Starovoitov A. A., Voskresenskaya E. V.</i> Legal reform of the Public service of the Russian Federation in the XXI century.....	72
<i>Kuzmin A. V., Ushakov N. A.</i> Atypical sources in the system of formal legal sources of Russian law.....	78
<i>Sharyapova E. A., Obukhovich V. E., Taube I. S.</i> Public discussions and public hearings as a form of direct expression of will in the Russian Federation.....	84
<i>Lazarenko E. M., Chernykh A. B.</i> Features of labor regulation of transport workers.....	89
<i>Kiryushkina E. I.</i> Doctrinal interpretation of insulting a representative of authority (art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation)	97
<i>Shishkin M. G.</i> On the admissibility of restricting human rights and freedoms by a regulatory legal act of a constituent entity of the Russian Federation in the context of the threat of the spread of socially significant diseases (epidemics, pandemics).....	105

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.334.22

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-8-17

Социальное предпринимательство как фактор развития российской экономики

Светлана Олеговна Снисаренко^{1✉}, Анатолий Гаврилович Абызов²,
Сергей Николаевич Малявин³

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, sos60@inbox.ru^{1✉}, a.abyzov@spbacu.ru²

³ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, malyavins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

Аннотация. В статье речь идет о том, что динамичное развитие общества в пост-индустриальный период связано, с одной стороны, с массовым включением граждан в социально-экономическую активность и расширение инициативных проектов, с другой — с развитием коммуникационных технологий, позволяющих договариваться о совместной деятельности и достижении общественно значимых целей. Согласно авторской позиции, социальное предпринимательство представляет собой социальный институт, выполняющий в дифференцированной общественной структуре задачи и функции, которые ранее были случайным образом «разбросаны» по точечным видам деятельности (благотворительности, добровольчеству) наряду с политической активностью. Последняя должна быть направлена на реализацию общего блага. Предпринимательство как квинтэссенция самостоятельно осмысления и принятия решений, выходя на уровень решения общественных задач (вместе с задачей создания добавочной ценности), сегодня отражает формирование новой значимой силы, фактора, способного существенно изменить форматы решения групповых и общественных проблем в тех случаях, если рыночные и государственные механизмы не позволяют достичь целевого результата.

Ключевые слова: предпринимательское поведение, социальное предпринимательство, предприниматель, общественное взаимодействие, социальная активность

Для цитирования: Снисаренко С. О., Абызов А. Г., Малявин С. Н. Социальное предпринимательство как фактор развития российской экономики // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–17. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-8-17>

Original article

Social entrepreneurship as factor of the Russian economy growth

Svetlana O. Snisarenko^{1✉}, Anatoliy G. Abyzov², Sergey N. Malyavin³

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia, sos60@inbox.ru^{1✉}, a.abyzov@spbacu.ru²

© Снисаренко С. О., Абызов А. Г., Малявин С. Н., 2022

³ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, malyavins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

Abstract. The dynamic development of society in the post-industrial period is associated, on the one hand, with the massive involvement of citizens in socio-economic activity and the expansion of initiative projects, on the other, with the development of communication technologies that are helpful for agreeing on joint activities and achieving socially significant goals. Social entrepreneurship is a social institution that, in a differentiated social structure, performs those tasks and functions that were previously randomly “scattered” among the point types of activities — charity, volunteering, along with the main essence of political activity, which should be aimed at realizing the common good. Entrepreneurship as the quintessence of independent comprehension and decision-making, reaching the level of solving social problems (along with the task of creating added value), today reflects the formation of a new significant force, a factor that can significantly change the formats for solving group and social problems in cases where market and state mechanisms do not allow achieving the target result.

Keywords: entrepreneurial behavior, social entrepreneurship, entrepreneur, social interaction, social activity

For citation: Snisarenko S. O., Abyzov A. G., Malyavin S. N. Social entrepreneurship as factor of the Russian economy growth. *Sociology and Law. 2022;14(1):8-17.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-4-8-17>

Предпринимательство как форма проявления общественных отношений позволяет воздействовать на каждого человека и изменять его образ жизни; наряду с этим оно может способствовать повышению уровня благосостояния общества, создавая возможности для развития творческого потенциала каждого индивида и расширяя его потенциальный вклад в развитие общества.

В период бурного развития техники и технологий формировались теоретические подходы к интеграции экономического и социального в предпринимательской деятельности, развивались прикладные исследования в рамках производственной социологии, экономики, социологии труда и близких к ним смежных отраслях науки и практики управления. В этой связи можно рассматривать современное общество как сложное концептуальное пространство для анализа изменений, непрерывно и динамично происходящих в экономическом и социальном измерениях [1; 2; 3]. В связи с появлением новых способов организации производства, ведения бизнеса возникли и новые научные подходы, и отрасли знания, такие как социология предпринимательства, экономическая социология (в социологии), корпоративная социальная ответственность, управление социальным развитием организаций (в менеджменте) [4; 5; 6]. На стыке социальной и экономической науки широко изучают проблему все большей гуманизации трудовой деятельности [7; 8; 9]: смягчения жесткости товарно-денежных рамок на рынке труда, внедрения инклюзивного подхода в технологии найма, усиления социальной направленности в регулировании трудовых отношений в бизнес-структурах [10; 11].

Подходы к определению предпринимательства связывают с последовательной сменой моделей экономической деятельности: от индустриального к информационному обществу [12; 13; 14]. При этом традиционное индустриальное общество предполагало экономику физического и материального выживания с учетом таких социальных ее последствий, как социальное расслоение, абсолютная бедность и нищета.

Переход к информационному и постиндустриальному формату общественного устройства сопровождался необходимостью смягчения социальных противоречий, установления баланса между стратами, а также терминологического консенсуса.

Об этом, в частности, свидетельствует постепенный выход из научного оборота таких хрестоматийных понятий политэкономии К. Маркса, как «класс», «классовые противоречия», и их замена на более демократичные «социальные страты». Формирование новых классов отражает эволюцию человека как субъекта действия, включая действие интеллектуальное и предпринимательское [15; 16].

По мнению Ф. Уэбстера, «ловушка презентизма, то есть представления, что наше время радикальным образом отличается от всего, что было до него» позволяет снять ответственность с индивида: словно новые социальные формы случились сами собой, и человек не в силах что-либо изменить (хотя «что было сделано руками человека, то может быть этими руками и исправлено» [13, с. 365]). Стремление улучшить социальный мир позволяет опираться на концепцию преемственности и трансформировать регулятивные механизмы, исправляя «болезни» общества.

Наряду с социальными движениями XX в. глубокие изменения произошли в его социальной структуре и формировании гражданского общества. Сущностной характеристикой современного общества является его социальная детерминированность. Это находит отражение в разработке моделей и сценариев развития, концептуализации социально ориентированной рыночной экономики, капитализма «с человеческим лицом».

Социально-экономические изменения исследовал Дж. К. Гэлбрейт, показавший возникновение дисбалансов в обществе потребления и системное неравновесие между социальными группами, недостаточность рыночных сил и корпоративного менеджмента [1; 17; 18] для развития инфраструктуры, что вызывало необходимость вмешательства регулирующих структур общества в экономический рост. Согласно Дж. К. Гэлбрейту, взаимозависимость частного бизнеса и государственной экономики («сращивание капитализма и государственного империализма») играет существенную роль [17].

С позиции рассмотрения предпринимательства в его социальном измерении и значении для нашего общества можно утверждать, что в современном истолковании предпринимательство представляет собой в широком смысле деятельность по принятию управленческих решений в условиях неопределенности [19; 20]. Эту точку зрения дополняет Й. Шумпетер в его исчерпывающей характеристике субъектов предпринимательской деятельности. К предпринимателям он причисляет всех хозяйствующих субъектов, от капиталистов до крестьян и ремесленников, в качестве активных элементов производства. Понятие бизнеса Шумпетер связывает с предпринимательской функцией [21, с. 169–173] и индивидами, субъектами, которые при любой общественной формации осуществляют данную функцию в обществе [22; 23].

П. Друкер отводит особое место анализу предпринимательства как инновационной активности, рассматривает нововведение как категорию предпринимательства и акцентирует его роль во внедрении нововведений [23], показывая, что предпринимательское поведение ориентировано на поиск новых форм создания добавочной ценности [24; 25]. По мнению М. Портера, предложившего определить фирму как цепочку создания ценности, восходя в этом определении еще к взглядам Дж. Коммонса и Р. Коуза, главной задачей компании служит совершенствование внутренних бизнес-процессов таким образом, чтобы стратегия компании на рынке позволила в наибольшей мере отвечать запросам покупателей. Повышение эффективности внутренних процессов включает в себя, согласно этой концепции, прежде всего развитие стратегического планирования, ориентации цепочки создания ценности на максимальное удовлетворение потребностей общества [26].

Теоретическая модель свободного рынка в качестве естественного регулятора благосостояния возникла 250 лет назад. Исходя из главного ее постулата, «невидимая рука рынка» выступает гарантом свободной конкуренции в современной экономике, а также установления баланса в перераспределении общественных благ. Следствием реализации таких гарантий должно быть автоматическое повышение не только уровня, но и качества жизни каждого члена общества. В то же время современное состояние экономики в глобальном измерении свидетельствует о парадоксальной ситуации: накопление богатства в экономически развитых странах лишь усиливает имущественное неравенство и социальное расслоение.

Эту точку зрения подтверждает французский экономист Т. Пикетти в своем труде «Капитал в XXI веке» посредством красноречивого анализа сложившейся тенденции современного капитализма к увеличению экономического неравенства и социальной несправедливости. По его мнению, если концентрация богатства будет расти быстрее среднего уровня роста экономики, то в будущем это может привести к социально-экономической нестабильности [27].

Понимание масштабов проблемы социального расслоения и усиления неравенства находит сегодня отражение в политике государств с социально ориентированной рыночной экономикой. Их социальная политика составляет существенную статью расходов на разнообразные социальные программы для поддержки низкодоходных групп и социально неимущих слоев населения. Между тем концепция благосостояния, популярная в 70–80-е гг. прошлого века, показала свою уязвимость, превратившись, по меткому выражению американского экономиста А. Оукена, в «дырявое ведро (деньги от богатых к бедным можно перетаскивать только дырявыми ведрами)», поскольку социальные программы не могут охватить всех нуждающихся, а потому неполны и несовершенны [28].

Достойное участие в стремлении уменьшить социальное неравенство демонстрирует благотворительность во всем многообразии ее форм. Благотворительные проекты бизнеса в форме корпоративной благотворительности, непосредственные пожертвования некоммерческим организациям и благотворительным фондам отражают степень социальной и личной ответственности доноров, но, очевидно, не могут решить рассматриваемую проблему по существу. В период пандемии 2020–2021 гг. волонтерское движение показало общественную значимость индивидуальных действий и инициатив, но и добровольческие ассоциативные формы нуждаются в регулировании [29; 30].

Нельзя не обратить внимание на существенный вклад в методологию предпринимательской деятельности, обусловленный разработкой концептуальной реализации принципов корпоративной социальной ответственности. Такая стратегия бизнеса сегодня служит еще одним способом решения проблемы бедности в глобальном измерении. Государство и структуры гражданского общества призывают компании проводить социально ориентированную политику как по отношению к своим работникам, так и во внешней среде. В действительности предпринимательская практика в сфере корпоративной социальной ответственности реализуется на основе двух условных принципов, первый из которых — «не вреди», а второй — «делай добро». Многие руководители крупного российского бизнеса, в частности в сфере добычи ресурсов, проявляют заинтересованность во внесении собственного посильного вклада в решение различных социальных проблем территории локации. Достаточно обратиться к ежегодно публикуемым отчетам о лучших корпоративных практиках в рамках проводимого с 2000 г. Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) конкурса «Российская организация высокой социальной ответственности», чтобы «знать в лицо» номинантов [31].

Отдавая должное усилиям и масштабу мероприятий, организованных в рамках социально ответственной политики этих компаний, тем не менее следует признать, что увеличение прибыли, о чем беспокоятся собственники, инвесторы и акционеры, всегда будет их приоритетной стратегической целью [32; 33]. Данное обстоятельство свидетельствует об ограниченности корпоративной социальной ответственности, если его рассматривать в качестве универсального перспективного инструмента для решения актуальных социальных проблем.

Освещая вопрос о предпринимательской деятельности, нельзя не обратить внимание на новую ее форму — так называемый социальный бизнес. Мухаммад Юнус, известный банкир и мыслитель из государства Бангладеш, лауреат Нобелевской премии мира 2006 г. за усилия по созданию экономического и социального развития снизу, автор популярных изданий, внесший неоценимый вклад в разработку модели социального бизнеса и углубивший содержание термина «социальное предпринимательство» на основе собственного практического опыта, определяет социальный бизнес как «не приносящую дивидендов компанию, целью которой является решение людских проблем» [34].

В настоящее время новая фаза развития социально-экономической жизни страны, постепенно выходящей из экономической рецессии, связана с концепцией устойчивого развития. Концепция устойчивого развития, которая стала популярной в начале 2000-х гг. и взята на вооружение представителями различных государственных структур и негосударственных институтов, в частности политологами, экономистами и социологами, дает возможность органично вписать социальный бизнес и социальное предпринимательство в контекст современной общественной парадигмы [35]. Непременным условием такого роста становится интенсификация развития предпринимательских структур, как внутри национальной экономики, так и во внешнеэкономической сфере. Предприятия малого и среднего бизнеса «осваивают» законные пути производственной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, можно определить социальное предпринимательство как состояние социума, в котором предпринимательская система превращается в более гуманную сферу экономической деятельности человека, усиливая ее социальный и креативный компоненты, наполняя новым содержанием труд и традиционное предпринимательское мировоззрение. Российские исследования феномена социального предпринимательства содержат соответствующие аналитические и статистические обзоры теории и практики. Так, осмысление сущности социального предпринимательства, корпоративной социальной ответственности российских компаний, их социальных функций в качестве субъектов экономической деятельности, корпоративная благотворительность содержатся в трудах А. Ф. Векслера, Г. Л. Тульчинского, Ю. М. Беспаловой, Л. А. Темниковой, В. Н. Келасьева и других [36; 37; 38; 39; 40].

Характерные черты социального предпринимательства включают в себя создание общественно полезного продукта. Его пользователями или потребителями становятся целевые группы, которые условно можно назвать низкодоходными или социально уязвимыми. С учетом этого утверждения можно считать, что социальное предпринимательство ориентировано на поиск новых подходов в решении социальных проблем различной степени сложности. Следует сделать акцент и на том, что социальное предпринимательство предполагает создание специально оборудованных новых рабочих мест для людей с ограниченными возможностями, что, к сожалению, редко используется в малом и среднем российском предпринимательстве по целому ряду причин [41; 42; 43].

Недостаточное до недавнего времени внимание к вопросам формирования социального предпринимательства со стороны государства и общественных организаций мешало данному социальному институту развиваться в России настолько эффективно, насколько это происходит в западных странах. Еще одна причина низкой популярности идеи социального предпринимательства объясняется особенностями профессиональной подготовки специалистов для предпринимательской деятельности.

Моральные установки бизнес-образования, если о таковых можно говорить, формируются в традициях экономического императива. Этика предпринимательской деятельности носит, скорее, декларативный характер, что подтверждается особенностями менталитета отечественных предпринимателей, разделяющих по большей части убеждение в том, что альтруизму и бескорыстию нет места в прагматическом мире бизнеса. Это мнение нередко доказывают с помощью анализа результатов исследований, проводимых среди предпринимателей малого и среднего бизнеса [37; 44; 45; 46].

По мнению Ю. Э. Сивковой, в России объем научной литературы в области социального предпринимательства невелик, превалируют в основном работы обзорного характера (М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина; Г. Изотова; Ю. Благов, Ю. Арай; Н. Зверева) [47]. Вместе с тем цифровая трансформация социально-экономических отношений демонстрирует широкие возможности для развития исследований практического социально-предпринимательского поведения [48], что позволяет не только констатировать, но и регулировать формирование гражданской инициативы на индивидуальном и ассоциативном уровнях социального действия [49; 50].

Центр социального предпринимательства и социальных инноваций Высшей школы экономики занимается исследованиями российской практики социального предпринимательства, в частности анализом проблемных зон развития социального предпринимательства на основе результатов кейсов социальных предприятий из зарубежной и отечественной практик. Руководитель данного центра А. А. Московская исследует социальное предпринимательство как инновационный механизм борьбы с бедностью и организацией рабочих мест [40; 51]. Концепция поддержки и развития социального предпринимательства разработана, например, Л. Фиглиным, В. Малым, Ю. А. Усиковой [42; 52]. Характеризуя технологии вовлечения участников социального предпринимательства, добровольцев и сотрудников социальных предприятий, необходимо выделить концепции партисипативности и геймификации [53; 54; 55], несмотря на разнонаправленность их воздействия на достижение целевых результатов [56; 57; 58], позволяющих сделать порой тяжелый и непривлекательный труд более осмысленным и осознанным.

Подводя итоги, можно утверждать, что современные вызовы в ведении социального бизнеса напрямую связаны с перманентной социально-экономической трансформацией российского социума, которая находится в состоянии выстраивания и развития архитектуры регулятивных механизмов и топологии общественных связей в контексте разумного и распределенного экономического поведения [59; 60; 61]. Развитие российского общества должно опираться на фундамент опережающих социальных и экономических исследований лучших отечественных и зарубежных практик в этой области. Сможет ли российское социальное предпринимательство стать драйвером экономического роста? Время покажет.

Список источников

1. *Galbreith J. K.* Economics and the Public Purpose. Boston: Houghton Mifflin, 1973. 334 p.
2. *Schutz A., Luckmann Th.* The Structures of the Life-World / Translated from the German by R. M. Zaner and H. T. Engelhardt Jr. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1973. 335 p.
3. *Margulyan Yu., Pokrovskaja N.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // GISAP: Economics, Jurisprudence and Management. 2014. No. 5. P. 6–8.
4. *Клепикова Т. В.* Развитие социального бизнеса в России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 282–286.
5. *Дорошенко Н. Н., Капица С. И., Покровская Н. Н.* Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // Социология и право. 2013. № 4 (21). С. 20–35.
6. *Капица С. И.* Решения 3D-менеджмента для управления компанией: 15-летний опыт управленческого консультирования. СПб.: Гуманитарный фонд, 2008. 132 с.
7. *Kim S.* Participative Management and Job Satisfaction: Lessons for Management Leadership // Public administration review. 2002. Vol. 62. No. 2. P. 231–241. DOI: 10.1111/0033-3352.00173
8. *Покровская Н. Н.* Цифровая экономика как модель глобального планирования или система креативной гуманизации // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Междунар. Лихачевские научные чтения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2019. С. 519–521.
9. *Бойко С. В., Покровская Н. Н., Тамбиев С. Г.* Перспективы общества постмодернизации и проблемы социологии управления // Научная мысль. 2019. Т. 9. № 3 (33). С. 41–50.
10. *Hamel G., Prahalad C. K.* The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. No. 3. P. 79–91.
11. *Zakharov N. L., Kuznetsov A. L., Perfilyeva M. Yu.* The impact of Industry 4.0 on the labour market in Russia // Proceedings of the 2nd international scientific conference “The impact of Industry 4.0 on job creation 2019” (Trenčianske Teplice, Slovak Republic. 21.11.2019). Trenčín: Publishing House Alexander Dubček University in Trenčín, 2020. P. 454–456.
12. *Бойко С. В., Покровская Н. Н., Ходакова И. А.* Информационное общество как социально-экономическая парадигма // Научная мысль. 2020. Т. 12. № 2-1 (36). С. 39–50.
13. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
14. *Civic Engagement in a Network Society* / eds. E. Bergrud, K. Yang. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2008. 323 p.
15. *Pokrovskaja N. N., Fedorov D. A., Korableva O. N., Cappelli L.* Digital Regulation of Intellectual Capital for Open Innovation: Industries’ Expert Assessments of Tacit Knowledge for Control-ling and Networking Outcome // Future Internet. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 1–44. DOI: 10.3390/fi13020044
16. *Brusakova I. A.* About problems of management of knowledge of the digital enterprise in fuzzy topological space // Proceedings of the 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements (SCM) (St. Petersburg, 24–26 May 2017). New York: IEEE, 2017. P. 792–795. DOI: 10.1109/SCM.2017.7970726
17. *Galbraith J. K.* The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin Co., 1967. 518 p.
18. *Galbraith J. K.* The Voice of the Poor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 88 p.
19. *Asanov I. A., Pokrovskaja N. N.* Digital regulatory tools for entrepreneurial and creative behavior in the knowledge economy // Proceedings of the 2017 International Conference “Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies”, IT and QM and IS, 23–30 Sep. 2017. IEEE Explore, 2017. P. 43–46. DOI: 10.1109/ITMQIS.2017.8085759
20. *Wei F.* Relationship on farmers’ entrepreneurial capital, business model and entrepreneurial performance // North Hortic. 2014. No. 23. P. 33–39.

21. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.
22. Бурова Н. В., Коноплянник Т. М., Покровская Н. Н. Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 95–98.
23. Друкер П. Ф. Бизнес и инновации / пер. с англ. М.: Вильямс, 2007. 423 с.
24. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 12. С. 128–137.
25. Голохвастов Д. В. Формирование компетенций рыночного агента для оптимизации профессиональных навыков персонала предприятий и учреждений // Современная образовательная практика и духовные ценности общества: материалы II Междунар. конф. (6–7 февраля 2015 г.) / отв. ред. О. Б. Каверин. Череповец: филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 46–53.
26. Портер М. Бизнес и общество: конкурентоспособность и социальная ответственность // Harvard Business Review Россия. 2007. № 3. С. 72–86.
27. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.
28. Okun A. M. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1975. 124 p.
29. Гелих О. Я., Покровская Н. Н., Фёдоров Д. А. Цифровая трансформация социальных институтов: блокчейн и смарт-контрактинг в регуляции рыночного поведения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 6 (132). С. 124–128.
30. Oliveira M., Sousa M., Silva R., Santos T. Strategy and Human Resources Management in Non-Profit Organizations: Its Interaction with Open Innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market and Complexity. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.3390/joitmc7010075
31. Российский бизнес и цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик / Е. Н. Феоктистов, Г. А. Копылов, М. Н. Озерянская, М. В. Москвина, Н. И. Хофман, Д. Р. Пуртова. М.: Российский союз промышленников и предпринимателей, 2018. 200 с.
32. Покровская Н. Н. Цифровизация и смешение предпринимательских и инвестиционных функций в трудовом поведении // Трансформация труда в (де) глобализирующемся обществе: сборник ст. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 309–325.
33. Rawls J. B. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 607 p.
34. Мухаммад Юнус Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М.: Альпина Паблишер, 2019. 275 с.
35. Бойко С. В., Покровская Н. Н. Социальное прогнозирование и проблемы будущего // Научная мысль. 2021. Т. 15. № 1-1 (39). С. 27–35.
36. Векслер А. Ф., Тульчинский Г. Л. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. М., СПб.: Вершина, 2006. 335 с.
37. Беспалова Ю. М. Ценностные ориентации предпринимательства России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 1999. 199 с.
38. Келасьев В. Н., Первова И. Л., Харламова А. В. Анализ становления социального предпринимательства в Санкт-Петербурге и регионах России // Социология и право. 2019. № 3. С. 6–12. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-6-12
39. Pokrovskaia N. N. Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry / ed. R. G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5
40. Московская А. А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. 284 с.

41. Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А. Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 6–17. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-6-17
42. Фиглин Л. А., Мальй В. И. Социальный потенциал женского предпринимательства в России. Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2016. 276 с.
43. Неклюдов В. С., Клюева Ю. С. Особенности развития социального предпринимательства в России // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС при Президенте РФ. 2016. № 1. С. 41–44.
44. Бурова Н. В., Покровская Н. Н. Эволюция личных адаптационных стратегий в период посткризисного развития экономики и переориентация коммуникационной политики международных образовательных программ // Маркетинг взаимодействия и технологии пространственно-системной экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10–12 сентября 2015 г., Санкт-Петербург) / под науч. ред. Г. Л. Багиева, О. У. Юлдашевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 74–81.
45. Wei F., Alushev R. S., Pokrovskaja N. N. Global harmonization of tax regulation within digital economy of knowledge. St. Petersburg: Publishing house of SPbSUE, 2018. 79 p.
46. Куценко Д. О. Анализ политико-правовых моделей организации местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2020. № 5 (137). С. 154–165. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-5-154-165
47. Сивкова Ю. Э. Особенности развития социального предпринимательства в российском контексте: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2017. 18 с.
48. Pokrovskaja N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements, SCM 2017. IEEE Explore, 2017. P. 709–712.
49. Слободской А. Л., Терехова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 287–289.
50. Гарин А. К., Покровская Н. Н. Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра minecraft как реализация концепции распределенных сетей // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. Р. Тростинской. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 104–108.
51. Московская А. А. Потенциал третьего сектора: инновационные подходы для развития территорий (социальное предпринимательство). М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. 108 с.
52. Усикова Ю. А., Зленко А. Н., Курпоров Ю. И. Особенности государственной поддержки в сфере социального предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-4 (77). С. 263–267.
53. Секун В. И. Партиципативное управление и демократия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 70–75.
54. Капица С. И., Гарин А. К., Покровская Н. Н. Игровые регулятивные механизмы в геймификации цифрового образования и передачи знаний // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Политех-Пресс, 2021. С. 167–175.
55. Бойко С. В., Гарин А. К., Покровская Н. Н. Игровые валюты как ценностно-регулятивный механизм в условиях цифровизации коммуникаций // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 58–64.
56. Lutz C., Hoffmann C. P. The dark side of online participation: Exploring non-, passive and negative participation // Information, Communication and Society. 2017. Vol. 20. No. 6. P. 876–897. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1293129
57. Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Городская партиципативность в социологическом дискурсе // Дискурс. 2020. № 6 (4). С. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61

58. Качко Д. С. Социальное предпринимательство: проблемы и перспективы развития в России // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 3. С. 215–221. DOI: 10.18334/гр.18.3.37286
59. Покровская Н. Н. Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // Социология и право. 2012. № 1. С. 20–33.
60. Платонов В. В. Статовская Е. Ю., Статовский Д. А. Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
61. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Business, 2010. 304 p.

Информация об авторах

С. О. Снисаренко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономических систем; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. Г. Абызов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономических систем; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

С. Н. Малявин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48.

Information about the authors

S. O. Snisarenko — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. G. Abyzov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

S. N. Malyavin — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology; 48 Moyka River Emb., St. Petersburg 191186, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 14.12.2021; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 316.347

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-18-26

Особенности восприятия феномена геноцида армян в общественном мнении жителей Еревана в контексте 100-летия со дня трагедии (на основе анализа результатов социологических опросов)¹

Ованнес Оникович Ованнисян¹, Асмик Оганнесовна Оганисян²,
Каджик Мартиросович Оганян³✉

¹ Ереванский государственный университет, Ереван, Армения,
hovhannisyanhovhannes25@aspu.am

² Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна,
Ереван, Армения, hovhannisyanhasmik25@aspu.am

³ Национальный государственный университет физической культуры, спорта
и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия, koganyan53@mail.ru✉,
<https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

Аннотация. Статья посвящена исследованию, проведенному с применением метода формализованного интервью в два этапа: в 2015 и 2016 гг., с 15 марта по 15 апреля. На каждом этапе опроса приняли участие 560 жителей Еревана. Как показали результаты исследования, мозаика общественного восприятия и психологического отражения феномена геноцида армян очень сложна. Настроения сожаления, боли, депрессии, упадка, настроения жалобы, гнева, мести, надежды и оптимистические взгляды на будущее переплетаются, тесно связаны друг с другом. Эти настроения, чувства появляются рядом и быстро чередуются. По итогам социологических опросов выявлен ряд тенденций и трансформаций в общественном мнении и восприятии. Такие изменения авторы статьи объясняют тремя группами внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, влияющих на отношение граждан к геноциду.

Ключевые слова: геноцид, совершенный против армян; общественное восприятие, настроения, изменения в общественном мнении, преодоление и облегчение последствий геноцида, пути преодоления последствий геноцида

Для цитирования: Ованнисян О. О., Оганисян А. О., Оганян К. М. Особенности восприятия феномена геноцида армян в общественном мнении жителей Еревана в контексте 100-летия трагедии (на основе анализа результатов социологических опросов) // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 18–26. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-18-26>

Original article

Features of perception of the phenomenon of the Armenian Genocide in the public opinion of Yerevan residents in the context of the 100th anniversary of the tragedy (analysis of the results of sociological surveys)

¹ Исследование проведено специалистами Армянского государственного педагогического университета имени Х. Абовяна, результаты опубликованы в научном журнале “Wisdom”, а также представлены в средствах массовой информации [1; 2; 3; 4].

© Ованнисян О. О., Оганисян А. О., Оганян К. М., 2022

**Hovhannes O. Hovhannisyan¹, Hasmik H. Hovhannisyan²,
Kadzhik M. Oganyan³**

¹ Yerevan State University, Yerevan, Armenia, hovhannisyanhovhannes25@aspu.am

² Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan, Yerevan, Armenia, hovhannisyanhasmik25@aspu.am

³ Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia, koganyan53@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

Abstract. The research study was conducted in two stages, in 2015 and 2016 from March 15 to April 15 utilizing the method of formalized interview. Each phase of the survey involved 560 Yerevan residents. As the results of the research come to prove, the mosaic of the public perception and the psychological reflection of the phenomenon of the Armenian Genocide is very sophisticated. The moods of regret, pain, depression, declining moods, complaint, wrath, revenge, hope and optimistic views for future are intertwined and bound together. These moods and feelings appear next to each other and quickly alternating. As a result of sociological surveys, a number of trends and transformations in public opinion and perception were revealed. The authors explain these changes by three groups of domestic political and foreign policy factors.

Keywords: genocide, committed against Armenians; public perception, moods, changes in public opinion, overcoming and lightening the consequences of the genocide, ways to overcome the consequences of the genocide

For citation: Hovhannisyan H. O., Hovhannisyan H. H., Oganyan K. M. Features of perception of the phenomenon of the Armenian Genocide in the public opinion of Yerevan residents in the context of the 100th anniversary of the tragedy (analysis of sociological survey results). *Sociology and Law. 2022;14(1):18-26.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-18-26>

Методологические основы исследования

Введение

Общественное мнение — уникальная сфера преобразований, происходящих в социальной системе, с соответствующими настроениями, позициями, стереотипами и динамикой. Опыт свидетельствует о том, что проекты и политика, реализуемые без должного изучения общественного мнения по насущным проблемам и учета существующей динамики, часто приводят к ошибкам и нежелательным результатам, вызывают недоверие и недовольство населения. Между тем политика и тактика, основанные на изучении общественного мнения, имеют желаемую продуктивность и положительные последствия [5].

Геноцид армян, проживающих на территории исторической Армении и Османской империи, оставил неизгладимый след в менталитете и общественном сознании армянского народа. Воспоминания и последствия геноцида армян стали жизненно важной частью коллективной идентичности армян [6].

До поражения в сорокачетырехдневной войне 2020 г. на внешнеполитической повестке дня Армении компонент признания, осуждения и ликвидации последствий геноцида имел огромное значение. Одним из ключевых требований Турции и Азербайджана по разблокированию Армении и установлению с ней дипломатических отношений остается отказ армянской стороны от этой политики. В данном контексте особенно важным становится выявление, исследование взглядов и позиций, существующих в общественном мнении по анализируемому вопросу.

Цели исследования:

- выявить спектр настроений и позиций, существующих в общественном мнении относительно факта геноцида армян, спланированного и совершенного властями Османской империи в конце XIX — начале XX в.;
- выделить спектр возможных путей ослабления и смягчения его последствий;
- подготовить на основе полученных данных анализ, который может быть полезен для государственных органов, проводящих определенную политику в данной сфере.

Задачи исследования:

- выявить спектр восприятия геноцида армян, настроения, эмоциональные реакции и точки зрения среди жителей Еревана в отношении этого исторического события;
- определить динамику трансформации взглядов и настроений;
- проанализировать позиции общественного мнения и их изменения по ряду различных обсуждаемых в политических кругах вариантов ликвидации и смягчения последствий геноцида;
- оценить позиции общественного мнения относительно стран и политических структур, играющих или сыгравших определенную роль в процессе признания и осуждения геноцида армян [7; 8].

Выборка и инструменты исследования

Исследование проведено в два этапа, в 2015 и 2016 гг., среди ереванцев. Выборка составлена методом многомерного ламинирования по данным переписи 2011 г. Выборочная совокупность сформирована по: а) полу; б) четырем возрастным группам (18–30, 31–45, 46–60); в) трем уровням образования (неполному среднему, среднему и среднему профессиональному, высшему) и путем разделения на 24 группы с учетом принципа пропорциональной представленности. В каждом исследовании участвовали по 560 жителей города Еревана.

Социологическое исследование реализовано методом формализованного интервью. Сохранение методологии и инструментов исследования дает возможность выявить и проследить изменения относительно предмета исследования.

Какие настроения и чувства вызывает воспоминание о геноциде армян среди респондентов?

Вниманию участников был представлен список возможных настроений и чувств, состоящий из двенадцати вариантов. Им предложено отметить настроения и чувства, которые они испытывают, а также уточнить, в какой степени они это делают, думая о геноциде армян.

В 2015 и 2016 гг. опросы показали стабильные результаты по восьми компонентам списка настроений и чувств. Но по четырем компонентам обнаружены изменения по сравнению с исследованием, проведенным в аналогичный период 2015 г. Согласно итогам исследования, и в 2015 г., и в 2016 г. мозаика общественного восприятия и психолого-аксиологического осмысления геноцида армян как явления очень сложна. Настроения сожаления, боли, депрессии, жалобы, гнева, мести, надежды и оптимистические взгляды на будущее переплетаются и тесно связаны друг с другом. Настроения и чувства, входящие в эти группы, появляются рядом, быстро чередуясь между собой, как видно на рисунке 1.

Как и в 2015 г., в 2016 г. чувство сожаления и боли потери находится на первом месте (97,5 %): 26,1 % участников испытывают это чувство в значительной степени, 71,4 % — гораздо сильнее. Наличие и сила этого чувства примерно одинаковы не только среди мужчин и женщин, но и среди представителей всех четырех возрастных групп. По распространенности чувства сожаления и боли утраты примерно одинаковы как у респондентов, являющихся наследниками жертв геноцида, так и у ереванцев, не имевших таких потерь. Однако интенсивность проявления чувства у респондентов первой группы значительно (на 17,1 %) превысила показатели респондентов второй группы. Обратим внимание на то, что психолого-мировоззренческие выражения общественного восприятия геноцида, представленные далее в статье, отличаются своей интенсивностью среди жертв геноцида армян, потомков и родственников депортированных.

На втором месте — чувство ненависти к тем, кто организовал и совершил геноцид, наблюдается у 94,5 % участников. Показатель этого чувства примерно одинаков во всех возрастных группах. Он несколько снижается при повышении образовательного уровня респондентов:

- у респондентов с неполным средним образованием (95 %);
- у имеющих среднее, среднее профессиональное образование (96,3 %);
- с неполным высшим и высшим образованием (91,7 %).

Третье место занимает чувство стойкости и решимости жить, несмотря на катастрофу геноцида, выявлено у 93,3 %. Это настроение примерно в одинаковой степени присуще и мужчинам, и женщинам во всех возрастных группах и в большей мере выражено у респондентов, являющихся наследниками и потомками жертв геноцида. На четвертом месте — чувство решимости хотя бы частично вернуть утраченное (92,2 %). Заметнее это настроение среди респондентов 40–60 лет (95,8 %). У респондентов 18–30 лет оно составляет 90,8 %.

По интенсивности на пятом месте находится настроение, связанное с желанием улучшить и укрепить Армению ежедневным трудом (91,1 %). Данный показатель увеличивается по уровням образования: с неполным средним образованием — 85,0 %, со средним и высшим образованием — 91,3 %.

На шестом месте представлены настроения борьбы за восстановление прав и компенсацию (90,9 %). Такие настроения наиболее выражены у респондентов 31–45 лет (95,1 %) и имеющих высшее образование (93,3 %). Седьмое место занимает чувство надежды на будущее и оптимизм (88,9 %). Показатель этих настроений в большей степени характерен для женщин (91,3 %), у мужчин он достигает 86,0 %. Данный показатель примерно одинаков для всех возрастных групп и незначительно увеличивается по мере повышения образовательного уровня.

На восьмом месте располагаются настроения гнева и мести (88,4 %). Это чувство в большей мере свойственно представителям старшего поколения (61 год и старше) — 91,7 %, чем молодым (18–30 лет) — 84,2 %. Оно особенно проявляется среди жертв геноцида и их потомков, лишившихся Родины. Девятое место отведено желанию рассказать другим (представителям других народов) об армянской боли (68,2 %). По сравнению с 2015 г. указанный показатель снизился до 8,8 %. Среди женщин этот показатель составляет 70,3 %, среди мужчин — 65,6 %. С возрастом количество людей с таким настроением увеличивается (18–30 лет — 60,3 %, 31–45 лет — 69,8 %, 46–60 лет и старше — 71,3 %).

На десятом месте — неуверенность и тревога за будущее (67,3 %). По сравнению с результатами прошлого года данный показатель уменьшился на 5,8 %. В большей степени эти чувства наблюдаются у старшего поколения (46–61 год и старше) — 72,1 %, чем у людей 18–45 лет (63,4 %). Одиннадцатое место

занимает ощущение депрессии и разочарования (57,3 %). В 2016 г., по сравнению с 2015 г., этот показатель снизился на 9,5 %. Чувство депрессии и разочарования в значительной мере присуще 24,5 % опрошенных. Оно более интенсивно выражено среди возрастной группы 61 и старше. Такое чувство заметнее снижается одновременно с повышением образовательного уровня.

Завершает список настроений и чувств, связанных с геноцидом, ощущение жертвы и гонимого (56,1 %), показатель, который в 2015 г. был выше (с 11,7 %). При этом показатель такого ощущения выше у женщин (29,4 %), чем у мужчин (20,4 %). Данное чувство в значительной степени проявляется среди 25,4 % участников.

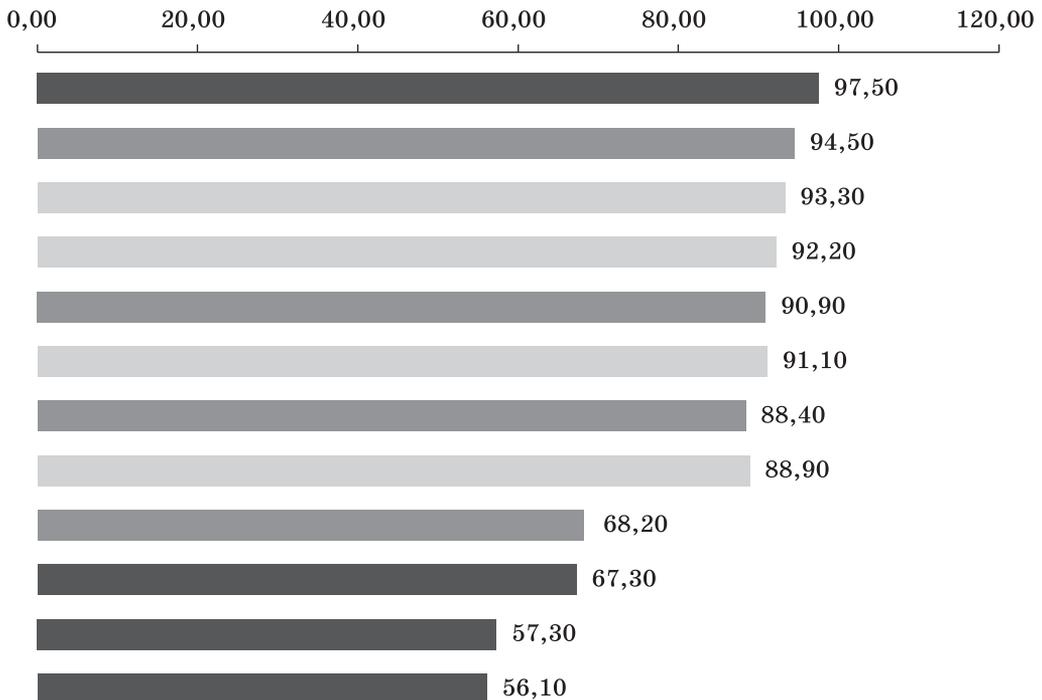

Рис. 1. Существующие в общественном мнении настроения и чувства относительно геноцида армян, %

Мировоззренческие сдвиги в психологических особенностях восприятия феномена геноцида становятся более очевидными при объединении настроений и чувств, представленных в анкете тремя кластерами:

- 1) сожаление, боль, депрессия, упадочные настроения;
- 2) жалоба, гнев, месть, настроения борьбы за компенсацию;
- 3) вера и надежда на будущее, чувства оптимизма.

Показатели настроений и чувств второй и третьей групп в целом совпадают с результатами исследования, проведенного в 2015 г. Однако заметным становится снижение показателя сожаления, боли, депрессии, комплекса жертвы и других депрессивных настроений (с 76,2 % до 69,6 %). Показатель более интенсивного выражения таких настроений снизился с 47,2 % до 35,6 %, как видно на рисунке 2.

Указанные изменения можно объяснить несколькими факторами:

- 1) культурной политикой избавления от комплекса жертвы, пропагандой многих политиков и организаций, подчеркивающих ее важность;

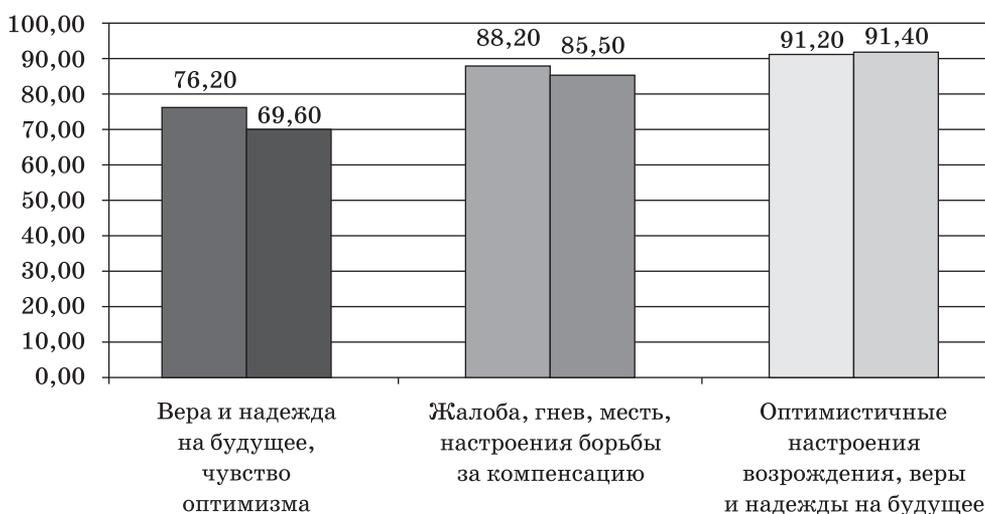

Рис 2. Сравнительная характеристика настроений, существующих в 2015 и 2016 гг. в общественном мнении, относительно геноцида армян (первые столбцы слева отражают результаты опроса, проведенного в 2015 г., вторые — в 2016 г.), %

- 2) продолжающимся процессом признания и осуждения геноцида армян разными странами и международными организациями. Это, помимо политической, является весомой морально-психологической поддержкой для армян и дополнительной гарантией безопасности и защиты [7];
- 3) четырехдневной войной, начатой Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха (со 2 по 5 апреля 2016 г.). Известно, что в критических и маргинальных ситуациях как индивидуум, так и социальный коллектив способны мобилизовать свой потенциал, чтобы избавиться от комплексов и неуверенности, чтобы демонстрировать соответствующее поведение и мышление в зависимости от ситуации.

Четырехдневная война в 2016 г. стала таким отрезвляющим и мотивационным стремлением к самоопределению для граждан Армении и Карабаха [9; 10; 11]. Тысячи добровольцев отправились в зону боевых действий, чтобы поддержать бойцов. Миллионы армян приняли участие в программах материально-финансовой поддержки армии и ее солдат. Эти настроения, возможно, отражены в результатах опроса, «полевые» работы в рамках которого проводились с 15 марта по 15 апреля 2016 г.

Варианты смягчения последствий геноцида с учетом мнения участников опроса

Участникам опроса предложено выбрать из десяти вариантов, смягчающих последствия геноцида (которые обсуждаются в политических и экспертных кругах, появляются в СМИ), два наиболее реалистичных и эффективных.

Как и в 2015 г., так и в 2016 г. на первом месте находится возвращение территорий исторической Армении (60,9 %). На втором месте — признание и осуждение Турцией факта геноцида, совершенного против армян (47 %). Третьим вариантом, по мнению общественности, может служить переселение пострадавших, их родственников и наследников на историческую родину (30 %).

Затем, по мере уменьшения количества полученных голосов, обнаружены следующие варианты:

4. Предоставление материальной и финансовой компенсации наследникам потерпевших (29,3 %).

5. Признание Карабахской Республики Турцией (22,5 %).

6. Предоставление армянской стороне в качестве территориальной компенсации выгодного местоположения, в частности предоставление выхода к Черному морю (21,4 %). Сторонников этого варианта больше среди мужчин — 24,8 % (среди женщин — 18,7 %), среди респондентов с высшим образованием (22,9 %) и среди наследников жертв геноцида и депортированных (25,4 %).

7. Предоставление финансовой компенсации армянской стороне (общественным армянским организациям) со стороны Турции (18,9 %).

8. Осуществление пропагандистских, культурных проектов для армянского общества, избавляющих от психологии жертвы (7,5 %).

9. Осуществление некоторых историко-культурных, пропагандистских проектов для турецкого общества, направленных на снятие отрицательных и анти-армянских настроений (7,1 %).

10. Предоставление некоторых привилегий (бизнес, налоги и др.) для армян в Турции (5,4 %).

Отношение различных стран, политических институтов к Армении, ее проблемам и отношение респондентов к этим структурам

Международное признание и осуждение геноцида армян предполагает тесные отношения и внимательную работу с различными международными организациями и странами [12; 13]. Каково отношение разных стран и политических организаций к Армении, ее проблемам, по мнению ереванцев?

Франция выбрана первой страной с положительным отношением среди 24 организаций и стран как в 2015 г., так и в 2016 г. (79,6 % участников опроса). На втором месте — Российская Федерация (69,8 %), на третьем — Греция (54,3 %). Уругвай, первая страна, официально признавшая и осудившая геноцид армян (1965), находится на четвертом месте (43,0 %). Пятая страна — Италия (41,4 %). В первую десятку стран и организаций с положительным отношением к Армении, ее проблемам также вошли Германия (44,1 %), Сирия (40,9 %), ООН (39,6 %), Евразийский экономический союз (35,4 %), Содружество Независимых Государств (35,0 %), Грузия (35,0 %), Европейский союз (33,8 %) и Совет Европы (33,8 %).

Среди стран с негативным отношением к Армении и ее проблемам лидируют Азербайджан и Турция (96,6 % и 95,7 % соответственно). На третьем месте — Исламское государство (60,9 %), на четвертом — Иран (32,1 %, хотя 24,3 % респондентов назвали Иран и дружественным государством), на пятом — Венгрия (21,8 %).

Каково отношение и позиция респондентов к разным странам и организациям? Самой благоприятной страной для респондентов снова стала Франция (83,0 %). Показатель взаимности положительного отношения к Франции, судя по ответам ереванских респондентов, составляет 0,96. На втором месте — Россия (77,5 %). Показатель взаимности, по оценке респондентов, чуть меньше (0,9), чем в случае Франции. Результаты опроса показывают, что участники положительнее относятся к России (77,5 %), чем эта страна к Армении и ее проблемам (69,8 %).

В первую десятку стран и организаций, завоевавших расположение и положительное отношение респондентов, также вошли Италия (61,2 %) с показателем взаимности положительного отношения 0,67; Германия (57,3 %),

где показатель взаимности положительного отношения составил 0,78; Греция (57,1 %), где показатель взаимности положительного отношения — 0,95; США (42,9 %) с показателем взаимности положительного отношения 0,5; ООН (41,1 %), где показатель взаимности положительного отношения — 0,9; Уругвай (39,5 %) с показателем взаимности положительного отношения 1,04; Беларусь (38,4 %), где показатель взаимности положительного отношения — 0,83.

Азербайджан возглавляет список стран, получивших негативное отношение участников опроса (92,7 %). На втором месте — Турция (91,4 %), на третьем — Исламское государство (65,2 %).

Показатели, полученные в результате анализа общественного мнения, не следует воспринимать как экспертные. Часто между ними наблюдаются существенные различия. Однако полученные данные, основанные на общественном мнении относительно насущных проблем, создают ценный фундамент для более глубоких научных исследований и экспертного анализа, способствуя повышению продуктивности политики в данной сфере [14; 15].

Заключение

По результатам опросов, проведенных в 2015 и 2016 гг., становится очевидным, что оптимистические настроения преодоления боли, веры и надежды на будущее (91,4 %) преобладают над настроениями жалобы, гнева, мести, борьбы за компенсацию (85,5 %) и сожаления, боли, депрессии (69,6 %). Показатели настроения и чувств первой и второй групп в целом стабильны. В связи с этим можно констатировать тот факт, что оба исследования (2015 и 2016 гг.) демонстрируют схожие результаты. Однако с 76,2 % до 69,6 % снизились показатели таких настроений, как сожаление, боль, депрессия, проявления комплекса жертвы. Показатель более интенсивного выражения этих настроений снизился с 47,2 % до 35,6 %.

Список источников

1. *Hovhannisyan H. H., Hovhannisyan H. O., Petrosyan A. A.* The specificities of the Phenomenon of the Armenian Genocide and the Psychological Impact on Public Opinion // *Wisdom*. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 14–20. DOI: 10.24234/wisdom.v2i5.27
2. *Hovhannisyan H. H., Hovhannisyan H. O., Petrosyan A. A.* Peculiarities of The Perception of The Phenomenon of The Armenian Genocide on Public Opinion // *Wisdom*. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 79–86. DOI: 10.24234/wisdom.v1i6.66
3. *Маноян М.* Интервью. Ованес Ованнисян: «Стремление преодолеть боль преобладает» // *Mediamax*. 2016. 3 мая. URL: <https://mediamax.am/ru/news/interviews/18114/> (дата обращения: 23.01.2022).
4. *Маноян М.* Интервью. Ованес Ованнисян: «Апрельская война имела отрезвляющий эффект» // *Mediamax*. 2016. 16 ноября. URL: <https://mediamax.am/ru/news/interviews/20609> (дата обращения: 23.01.2022).
5. *Погосян Г. А.* Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: Academia, 2005. 324 с.
6. *Барсегов Ю. Г.* Геноцид армян — преступление по международному праву. М.: XXI век — Согласие, 2000. 150 с.
7. *Айрапетян С.* Концепция Э. С. Маркарян о научном исследовании проблемы геноцида армян // *Философия в современном мире (посвящается 100-летию Геноцида армян): материалы конференции, приуроченной ко Всемирному дню философии UNESCO (19 ноября 2015) / отв. ред. Л. А. Казанчян.* Ереван: Изд-во «Гитутюн» Национальной академии наук Республики Армения, 2015. С. 190–215.
8. *Оганян К. М.* Методология и методы социологического исследования: учебник. М.: Юрайт, 2021. 288 с.

9. *Оганян К. М.* Влияние социальных идеалов на формирование этнических идеалов // Прикладная социология в системе управления обществом (по итогам деятельности научной школы): сборник науч. тр. Вып. 5 / под ред. К. М. Оганяна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2018. 144 с.
10. Страны, признавшие геноцидом преступления против армян в 1915 году // РИА Новости. 2019. 30 октября. URL: <https://ria.ru/20191030/1560389301.html> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Прошло больше века: какие страны и организации признали Геноцид армян // Sputnik Армения. 2019. 23 апреля. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20190423/proshlo-bolshe-veka-kakie-strany-i-organizacii-priznali-genocid-armyan-18232581.html> (дата обращения: 23.01.2022).
12. *Оганян К. М., Бранский В. П., Оганян К. К.* Теоретическое и эмпирическое обоснование социологического осмысления жизни с помощью понятия «суператтрактор» // Социология и право. 2018. № 1 (39). С. 31–38.
13. *Оганян К. М., Оганян К. К.* Возможности использования идей экзистенциализма при регулировании социальных конфликтов // Вестник Балтийский педагогической академии. 2019. Вып. 122. С. 65–76.
14. *Оганян К. М., Оганян К. К.* Социологический анализ здорового образа жизни студентов // Социология и право. 2019. № 1 (43). С. 17–30.
15. *Оганян К. М., Оганян К. К.* Социологический анализ исследования социально-профессиональной активности студентов // Социология и право. 2017. № 3 (37). С. 23–36.

Информация об авторах

О. О. Ованнисян — доцент кафедры истории философии, теории и логики; 0025, Ереван, Алека Манукяна ул., д. 1;

А. О. Оганисян — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и логики; 0010, Ереван, Тиграна Меца пр., д. 17;

К. М. Оганян — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин; 190121, Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 35.

Information about the authors

H. O. Novhannisyan — Associate Professor of the Department of History of Philosophy, Theory and Logic; 1 Alex Manoogian Str., Yerevan 0025, Armenia;

H. H. Novhannisyan — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Logic; 17 Tigran Mets Ave., Yerevan 0010, Armenia;

K. M. Oganyan — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines; 35 Dekabristov Str., St. Petersburg 190121, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Обзорная статья

УДК 316.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-27-35

Жизненный мир российского села в правовом отношении: социологический аспект

Александр Александрович Афанасьев

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, afanasiev-3a@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе различных научных концепций в понимании жизненного мира охарактеризованы социологические аспекты жизненного мира российского села (сельской жизни), построена его теоретическая конструкция (модель), которая в дальнейшем позволит исследовать правовые основы сельской жизни и пути их совершенствования. Автор приходит к выводу о том, что жизненный мир российского села можно представить в виде двойственной конструкции, которая увязывает научные теории (парадигму) жизненного мира и системы; он структурно складывается из общественного (группового) сознания на основе коммуникативного действия (поведения) индивидов и групп российского общества, направленных на взаимопонимание. Складывающийся таким образом жизненный мир российского села через функционирование системы проявляется в смыслах общественной (публичной) и личной (приватной) жизни в виде целей-принципов, которыми руководствуется человек (осознанно или стихийно) в повседневной жизни для сохранения ценностей и развития общества. Система жизненного мира села представляет собой совокупность институциональных подсистем (общественно-политических структур), в том числе правовой подсистемы, и он служит фактором развития (движущей силой) своей системы.

Ключевые слова: жизненный мир, село, коммуникация, система, теория, право, общество

Для цитирования: Афанасьев А. А. Жизненный мир российского села в правовом отношении: социологический аспект // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 27–35. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-27-35>

Review article

The life world of the Russian village in legal attitude: sociological aspect

Aleksandr A. Afanasiev

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, afanasiev-3a@yandex.ru

Abstract. Based on various scientific concepts in the understanding of the lifeworld, the presented study characterizes the sociological aspects of the lifeworld of the Russian rural areas and builds its theoretical construct (model), which will make it possible to explore the legal foundations of rural life and ways to improve them in the future. The author concludes that the lifeworld of Russian rural areas can be represented as a dual construct that links scientific theories (paradigm) of the lifeworld with the system; structurally, it consists of social (group) consciousness based on the communicative action (behavior) of individuals and groups of Russian society aimed at mutual understanding. The lifeworld of Russian rural areas that develops this way through the functioning of the system is manifested in

the meanings of public (public) and personal (private) life in the form of goal principles that guide a person (consciously or spontaneously) in everyday life to preserve values and develop society. The system of the rural lifeworld consists of several institutional subsystems (socio-political structures), including the legal subsystem, and it serves as a factor in the development (driving force) of its system.

Keywords: lifeworld, rural areas, communication, system, theory, law, society

For citation: Afanasiev A. A. The life world of the Russian village in legal attitude: sociological aspect. *Sociology and Law*. 2022;14(1):27-35. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-27-35>

Сельская территория — одна из основ экономического могущества России и важнейшая составляющая в обеспечении ее национальной безопасности и суверенитета. По прогнозам аналитиков разного направления, значение российского села для человека будет в дальнейшем только прирастать. Для понимания социокультурных процессов (экономических, политических, духовных), происходящих сегодня на сельской территории России, принятия взвешенных решений по устранению негативных явлений, закрепления положительных тенденций с помощью правовых механизмов воздействия на соответствующие общественные отношения необходим комплексный анализ состояния правовых основ жизненного мира российского села. При этом в исследовании важно учитывать не только его аспекты с историко-правовых и юридически-догматических позиций, но и с философских, социологических, которые обеспечивают правильный выбор методов и направлений любой научной деятельности.

Понятие и идея «жизненный мир человека» обязаны своим происхождением социологам. Социологическая наука в тесном взаимодействии с философией предоставили наибольшее количество разнообразных и глубоко разработанных теоретических воззрений, раскрывающих понимание жизненного мира. При их рассмотрении и анализе прежде всего нельзя не обратить внимание на идеи представления жизненного мира, существования и развития общества, разработанные Ю. Хабермасом. И не только потому, что они признаны в мире в качестве целостной теории коммуникативного действия, позволяющей объяснить социальные процессы в обществе прошлого и настоящего. Главным достоинством его социальной теории, на наш взгляд, является возможность ее трансформации на основе включения новых открытий, что позволяет ей быть всегда современной и служить ориентиром в выборе методов и направлений преодоления текущих проблем, перспектив развития общества [1, с. 60].

Системное воплощение идеи Хабермаса находят в его двухтомном труде «Теория коммуникативного действия», где жизненный мир современного общества представлен как двухступенчатая структура: «жизненный мир» и «системный мир (система)» [2]. Согласно данной теории, жизненный мир складывается из поведения индивидов и групп в обществе, направленных на коммуникацию с целью достижения взаимопонимания, устойчивости в межличностных отношениях, согласования жизненных планов групп населения, упорядочивания нормативной среды, универсализации личностей как уникальных индивидуальностей. Это происходит благодаря открытости и доверительности в общении. Понимание служит обязательным условием построения коммуникационных связей между людьми. Жизненный мир выступает движущей силой системы, которую он представляет как совокупность институциональных структур общества, где существует стратегическое поведение, ориентированное на реализацию интересов отдельных индивидов или групп посредством манипулирования другими.

Системный мир, по Хабермасу, состоящий из анонимных и деловых отношений, наблюдающихся на экономическом рынке и в государственных институтах, противостоит «жизненному миру», в котором существуют наши социальные отношения (работа, семья, друзья и др.). Эти два мира обладают качественным признаком различия, которое сводится к понятию рациональности. Жизненному миру соответствует коммуникативная рациональность, системному миру — инструментальная. Изменение типов рациональности происходит на фоне социальной эволюции. Хабермас определяет социальную эволюцию через развитие человеческих познавательных способностей, которые включают в себя как когнитивную (от лат. *cognitus* — «восприятие», «познание»), так и производственную деятельность. Зачастую в системе вопросы решаются без учета, а иногда и в ущерб налаживанию и поддержанию традиционно нормируемых и нормальных межличностных отношений. В результате в обществе проявляются отчужденные формы существования (аномалии), где находят отражение утрата смысловой мотивации и традиций, разрушение коллективной идентификации и др. В этом случае жизненный мир может стать альтернативой системе, что служит основой для изменения системы, приведения ее институциональных структур в соответствие со сложившимся пониманием общества своего развития.

Ю. Хабермас, постоянно развивая свою теоретическую конструкцию понимания жизненного мира, включил в нее идею социальных систем, причем во многом под влиянием социальной теории немецкого социолога Н. Лумана, в которой она является краеугольным камнем. Хабермас разводит понятия «жизненный мир», «объективный мир» и «повседневный (обыденный) мир». Повседневный мир он трактует как сферу, которая конструируется обыденным сознанием (из обыденных явлений, фактов). Согласно позиции Хабермаса, картину объективного мира мы создаем на основе погружения в обыденный мир с его обыденными переживаниями и общением. Следовательно, понятие жизненного мира фиксирует факт нашего пребывания в этом мире. Исследуя жизненный мир через повседневный опыт, мы тем самым конструируем объективный мир как беспристрастное описание действительности, освобожденный от субъективных (личных) переживаний. В результате происходит манипуляция (подгонка) реальной жизни под сформировавшееся понятие объективности. Поэтому жизненный мир у Хабермаса — своеобразный фон (среда), представляющий пространство наших действий или коммуникативное пространство, в котором обеспечивается коммуникация, где коммуникация становится самостоятельной субстанцией, а не просто совокупностью средств общения [3, с. 4].

Основатель трансцендентальной феноменологической теории немецкий философ Э. Гуссерль сделал вывод о необходимости создания «новой науки о духе», предметом которой будет выступать жизненный мир — фундаментальный слой сознательной деятельности человека, сфера того, что известно всем, независимо от нации и принадлежности к тому или иному культурному слою, что очевидно и принято в обществе в качестве безусловно значимых и практически апробированных оснований. Этот опыт жизненного мира (область уверенностей человека), по его мнению, имеет статус изначального, где феномены (возникающие в сознании усвоенные смыслы о предметах) начинают выступать в качестве того, что не требует доказательств [4].

В теоретической концепции немецкого философа К. Ясперса понимание жизненного мира раскрывается через понятие подлинно человеческого существования в виде «экзистенциональной коммуникации» [5]. Согласно этой концепции, человек с рождения принадлежит к какой-либо части социума (семьи, народа, государства и др.), никогда не бывает изолированным от нее в общении (соци-

альной коммуникации) и руководствуется заданными связями. Ясперс отличает социально обусловленное общение от экзистенциональной коммуникации, которую представляет как свободно избранное общение индивида с другими, основанное на осознании себя (своих желаний, возможностей и др.), в которых он стремится проявить свою индивидуальность (самобытность, неповторимость и т. п.). Хотя такое общение может привести к непониманию как себя, так и другого, но иной возможности достигнуть доверительного взаимного самовыражения не существует, а риск получить борьбу за отстаивание своих идей, хотя и требует нередко усилий, оправдан возможностью получить подлинное свободное общение в условиях привычных закрытости и недоверия. Это — «любящая борьба», где ей свойственны откровенность и самокритичность, нет места обману и расчету, а борющиеся индивиды или группы людей не используют своих преимуществ и, напротив, признают собственные слабости, недостатки. Цель такой борьбы — добиться взаимопонимания, обоюдного доверия, а не в подчинении других, при-чинении им неприятностей.

Краеугольным камнем социальной теории немецкого философа и социолога Н. Лумана служит его идея социальных систем. В ней он выделяет аспект различения между окружением (жизненным миром) и системой: «Окружающий мир есть конститутивный момент данного различия, таким образом, не менее важен для системы, чем она сама... При помощи различия системы и окружающего мира возникает возможность понимать человека как часть окружающего мира общества комплексней и в то же время свободнее, нежели при его понимании как части общества... Никто не может обдуманно и всерьез утверждать, что общество можно создать подобно человеку, увенчав головой» [6, с. 285]. В его понимании окружающий мир обладает большей комплексностью, чем любая система, он хаотичен, неупорядочен, а значит, в нем много контингентных возможностей для того же человека. Среда — совокупность всех объектов, на изменения атрибутов которой воздействует система, и, следовательно, тех объектов, атрибуты которых изменяют систему. Она является важным фактором дифференциации целостной системы и интеграции ее частей, поскольку система зависит как от внутренних факторов, так и внешних процессов.

Согласно Луману, в этом плане система признана аутопоэтической (способной воспроизводить элементы и связи между ними с помощью лишь собственных действий и операций, относящихся к системе, а не к окружающему миру, а также самореферентной (отсылка на саму себя). Н. Луман определяет операцию, позволяющую осуществлять аутопойезис в обществе как коммуникацию, а социальное действие составляет часть коммуникации. Системы конструируют смысл. Следовательно, общество у Лумана представляет собой систему, созданную смыслами при помощи коммуникации. Окружение системы — это множество элементов и их существенных свойств, которые не являются частями системы, но изменение в любом из них может стать причиной изменения состояния всей системы. Критерий границы системы зависит от того, участвует или не участвует объект в создании целостных свойств системы, состоит в характере и степени этого участия. Объекты, образующие среду, имеют неодинаковое значение для функционирования системы [7, с. 166].

Стоит согласиться с выводом В. Г. Афанасьева о том, что в теории Лумана под средой в широком смысле слова нужно понимать всю действительность, окружающую систему, а в узком — существенно необходимое окружение системы, во взаимодействии с которым система проявляет и формирует свои свойства, позволяющие ей не растворяться в среде, а функционировать относительно самостоятельно. К целостной системе относятся лишь те объекты, которые принима-

ют прямое и непосредственное участие в создании свойств целого. Взаимодействие этих объектов и создает целое со всеми его качественными особенностями. Объекты, которые, будучи внешними по отношению к системе, участвуют в формировании ее интегративных свойств опосредованно, через отдельные компоненты системы или систему в целом, относятся к среде. Отношение со средой выступает как в качестве критерия прочности и устойчивости системы, так и ее пластичности, без которой она не могла бы существовать в условиях постоянно изменяющейся среды [8, с. 151–154, 158–159].

В контексте настоящего исследования обратим внимание на то, что Н. Луман допускал в рамках действия системы общества существование политической и юридической подсистем, причем последнюю выделял в качестве самонаблюдающей для предотвращения или разрешения конфликтных ситуаций между людьми. Рассуждая о способности системы к обновлению Н. Луман, видел данный процесс не только в силу аутопойетической способности этой подсистемы (репродуцироваться посредством «различения» и «взаимопроникновения» с другими подсистемами общества), но и с помощью правоприменительного процесса, предполагающего «рефлексивность» подсистем (институтов) права, власти системы общества. В статье «Социология политической системы» Н. Луман пишет, что особенность данного института состоит в том, что он снова и снова порождает гласность и конфликтность ситуации принятия решения только как временную неопределенность, создавая для последней мотивы в целях ее же устранения [9, р. 722].

Кроме коммуникативной теории человеческого действия и взаимодействия, яркими представителями которой были Ю. Хабермас и Н. Луман, в различных философских течениях XX в. (феноменологии, экзистенциализме и др.) жизненный мир (окружающий мир) становится одним из самых популярных объектов изучения в онтологической проблематике. Так, это понятие австрийско-американский философ и социолог А. Шюц использует для обозначения мира повседневного, обыденного в своей теории действия [10].

Исследуя социологические течения, объясняющие современное понятие жизненного мира, нельзя не акцентировать внимание на работах немецкого социолога, философа, историка и политического экономиста М. Вебера. В его теории рационализации интерес представляет позиция о том, что в участники коммуникативного действия осуществляют свои планы на основании общих трактовок ситуации, и взаимопонимание между ними возможно только в том случае, если они разделяют установки, общие с их субъективным жизненным миром [11, с. 37, 45].

В понимании жизненного мира с социологических, философских и иных позиций значителен вклад многих исследователей, представляющих отечественное научное сообщество. Среди них — В. Г. Афанасьев, В. В. Миронов, А. В. Назарчук. В рамках настоящего исследования обратим внимание на рассмотрение особенностей жизненного мира российского села, складывающегося веками, тысячелетиями, эпохами, в том числе в правовом отношении, в работах М. Х. Петрулана, А. М. Большакова, Ж. Т. Тощенко и других ученых.

Юрист и сельский адвокат М. Х. Петрулан в исследовательском труде «Сельская жизнь в прошлом и настоящем, в юридическом и общественно-культурном отношении» выделил различные особенности жизненного мира российского общества на сельской территории, именуя его тождественным понятием «сельская жизнь» [12]. Значение слова «сельский», предлагаемое его современником В. И. Далем, составителем Толкового словаря живого великорусского языка,

связано с особым, противоположным городскому, укладом жизни и миром (быт, воздух, природа, «смысл», «причуды» и т. д.) населения сельской территории России [13, с. 121–122]. Отметим, что и в современном Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой под словом «сельский» понимается особый мир, «относящийся к жизни и деятельности вне городских поселений, деревенский», для части населения нашего народа, проживающего на сельской территории [14, с. 710].

Сопоставляя работу М. Х. Петрулана с идеями развития общества Ю. Хабермаса, можно обнаружить, что представление о сельской жизни (жизненном мире русского села) у Петрулана четко укладывается в предложенную концепцию жизненного мира социальной теории Хабермаса, которая увязывает научные теории (парадигму) жизненного мира и системы. Тем самым жизненный мир русского села (сельская жизнь) и его система обеспечивают как развитие части русского общества, проживающего в поселениях на сельской территории (в сельских населенных пунктах), так и сохранение веками складывающихся цивилизационных основ нашего народа (традиций, ценностей).

Крупный ученый-историк, этнограф и социолог А. М. Большаков в своих основных трудах «Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт» и «Деревня 1917–1927 гг.» представил наблюдения деревенской жизни с ее традициями, аргументированные выводы и идеи о преодолении проблем (от хозяйственных процессов до содержания духовной жизни) на пути предложенного властью преобразования в начальный период советской истории России. Исследование А. М. Большакова в аспекте выводов перекликается с социальной теорией М. Вебера. В частности, речь идет о том, что при любых реформах, преобразованиях нужно видеть и опираться на те исторически сложившиеся системы жизнедеятельности общества, которые дают положительный результат. И даже если они трудно объяснимы или не увязываются с позицией новейших идеологических воззрений, но дают положительный результат, то от них не нужно отказываться, пусть продолжают работать на пользу обществу. В связи с этим А. М. Большаков призывал не спешить всех «загонять под одну гребенку», то есть в предлагаемую новую форму советской организации ведения хозяйства в деревне — коммуну, поскольку, к примеру, форма кооперации гораздо ближе к устоявшимся традициям в жизни русского крестьянства [15, с. 82]. Он также предупреждал о том, что революционный подход в преобразовании русского села сопряжен с большими рисками потерять важное или основное [16, с. 5–6, 17].

Интересна и исследовательская работа социологов Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), выполненная в рамках гранта Российского научного фонда «Жизненный мир россиян и эволюции форм их участия в реализации общественных преобразований (1990–2010)». Теоретико-методологической основой исследования послужила концепция социологии жизни. В этом исследовании основным понятием является жизненный мир людей, структурными компонентами которого выступают общественное (групповое) сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Изложенный подход позволил раскрыть богатую палитру смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизненного мира русского села. Во многих других работах отечественных ученых жизнесмысловое сознание и поведение сельских жителей раскрыты через их деятельность в основных сферах общества (экономике, политике, культуре, быту) и в подробном анализе таких злободневных и актуальных проблем, как социальное положение сельской семьи, состояние и развитие сельской школы и сельского здравоохранения, через особенности жизненных смыслов в среде молодежи и интеллигенции [17].

Выделив основное в представленных выше научных концепциях в контексте исследования жизненного мира российского села, можно сделать следующие выводы. Жизненный мир российского села — это двойственная конструкция (модель), которая увязывает научные теории (парадигму) жизненного мира и его системы. Жизненный мир села (первичный, исходный) структурно складывается из общественного (группового) сознания в виде смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни на основе коммуникативного действия (поведения) индивидов и групп российского общества, направленных на взаимопонимание (этическое, социальное, правовое, политическое и в конечном итоге прагматическое), универсализацию личностей как уникальных индивидуальностей, устойчивость в отношениях, согласование жизненных планов, упорядочивание нормативной среды. Складывающийся таким образом жизненный мир села представляет собой своеобразный фон (самостоятельную среду, субстанцию), смысловое пространство наших действий или коммуникативное пространство, где обеспечивается коммуникация. Через функционирование системы этот мир проявляется в смыслах общественной (публичной) и личной (приватной) жизни в виде целей-принципов, которыми руководствуется человек (осознанно или стихийно) в повседневной жизни для сохранения ценностей и развития общества. Система жизненного мира российского села представляет собой совокупность институциональных подсистем (общественно-политических структур), в том числе правовой подсистемы, наряду с которой могут действовать, к примеру, подсистемы здравоохранения, образования, семьи. Подсистема, в свою очередь, состоит из структурных элементов, составляющих ее содержание. Структурные элементы подсистемы системы жизненного мира российского села могут полностью или частично входить в иную подсистему жизненного мира российского села в качестве структурного элемента.

Жизненный мир села служит фактором развития (движущей силой) своей системы. Система обладает возможностью влиять (манипулировать) индивидуумами, она ориентирована на реализацию стратегических интересов, в том числе по развитию сельских территорий через правовую подсистему, сохранение цивилизационных основ государства, зафиксированных в ментальных особенностях сельского населения. В случае решения системой (подсистемой) вопросов без учета или в ущерб налаживанию, поддержанию традиционно нормируемых и нормальных межличностных отношений, складывающихся на основе доверительности и открытости в общении, жизненный мир может быть альтернативой и противостоять системе либо ее подсистемам. В целях недопущения значительных конфликтных ситуаций система (подсистема) должна не только учитывать, но и постоянно обращаться к жизненному миру села. Свойство системы — ее возможность дифференциации, и жизненный мир села можно рассматривать как подсистему системы жизненного мира российской цивилизации (она может действовать наряду, например, с такими ее подсистемами, как правовая, здравоохранения, образования, семьи). Подсистемы системы жизненного мира российской цивилизации в части или целиком могут входить в иные ее подсистемы (к примеру, часть правовой подсистемы может входить в подсистему жизненного мира российского села). Далее жизненный мир российской цивилизации можно рассматривать как подсистему системы жизненного мира общемировой цивилизации.

Предлагаемое построение концепции (модели) жизненного мира общества можно экстраполировать и на расширение, и на построение вглубь, с учетом того, что отдельные элементы структуры системы жизненного мира села могут стать жизненным миром как таковым. Понятие жизненного мира села тождественно понятиям «мир жизни села», «мир сельской жизни» и «сельская жизнь».

В представленной концепции (модели) построения жизненного мира российского села одним из структурных элементов его системы является ее правовая подсистема, которая, по сути, определяет правовую основу жизненного мира российского села. Последний проявляет себя и влияет через такие правовые феномены, как правовая среда, правовая культура, правовая реальность и правовой менталитет, на формирование состава элементов данной правовой подсистемы (специфические правоотношения, органы власти, сельская территория, сельское население и др.), что, в свою очередь, оказывает положительное воздействие на построение и функционирование положительного права России в целом. Через повседневный опыт функционирования правовых основ жизненного мира российского села (их реального состояния) общество конструирует правовые основы объективного мира как беспристрастное описание действительности, освобожденное от субъективных (личных) переживаний (один из вариантов в форме правовой доктрины) [18, с. 65]. В результате происходит манипуляция (подгонка) правовых основ реальной жизни под сформировавшееся понятие объективности — идеального состояния правовых основ, складывающегося под влиянием жизненного мира российского села.

Список источников

1. Назарчук А. В. Ю. Хабермас: опыт философствования сквозь эпохи // Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 48–71.
2. Habermas Ju. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. 533 s.; Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. 632 s.
3. Миронов В. В. О философии, «жизненном мире» и метафизике (размышления о лекции Юргена Хабермаса) // Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 4–47.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 398 с.
5. Jaspers K. Philosophie: in 3 Bänden. Bd. 2. Existenzerhellung. Berlin, 1932. 222 p.
6. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
7. Назарчук А. В. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 156–173.
8. Афанасьев В. Г. Система и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
9. Luhmann N. Soziologie des politischen Systems // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1968. Jg. 20. H. 4. P. 705–733.
10. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева и др. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
11. Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера / пер. с нем. Т. В. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 37–60.
12. Петрулан М. Х. Сельская жизнь в прошлом и настоящем, в юридическом и общественно-культурном отношении. Вильна: тип. И. Блюмовича, 1894. 108 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. С–V. СПб.-М.: тип. Товарищества М. О. Вольф, 1909. 853 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
15. Большаков А. М. Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., знач. доп. Ленинград: Прибой, 1925. 264 с.
16. Большаков А. М. Деревня 1917–1927 гг. М.: Работник просвещения, 1927. 471 с.
17. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

18. *Афанасьев А. А.* Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 65–68.

Информация об авторе

А. А. Афанасьев — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов; 644077, Омск, пр. Мира, д. 55а.

Information about the author

A. A. Afanasiev — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theater Arts and Socio-Cultural Processes; 55A Mira Ave., Omsk 644077, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 316.334.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-36-44

Особенности методики социологической диагностики уровня финансово-экономической культуры как параметра экономической системы

Елена Леонидовна Круглова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Россия, ELKruglova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

Аннотация. Статья основана на научном исследовании, включающем в себя анализ материала, посвященного теме финансово-экономической культуры и родственных понятий (финансовой грамотности, экономической культуре, экономическому сознанию и установкам), а также описание авторской методики социологической диагностики и определение уровня финансово-экономической культуры любой социальной группы. Методика позволяет свести итоговое значение измерения финансово-экономической культуры к уровневому значению (с учетом трех уровней: высокого, среднего и низкого), что дает возможность проводить сравнительные операции и отслеживать динамику данных, исходя из предпочтительных социально-демографических данных изучаемой группы респондентов. Автором выделены детерминированные показатели финансово-экономической субъектности, которые измеряются весами, что позволяет говорить об объективности получаемых результатов. Апробирование методики проходило в рамках научно-исследовательской работы (под руководством профессора А. Г. Тюрикова) в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовая грамотность, финансово-экономическая культура, молодежь, экономическое сознание, методика

Для цитирования: Круглова Е. Л. Особенности методики социологической диагностики уровня финансово-экономической культуры как параметра экономической системы // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 36–44. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-36-44>

Original article

Features of sociological diagnostics methodology for measuring the level of financial and economic culture as an economic parameter

Elena L. Kruglova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Russia, ELKruglova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

Abstract. The presented study is a comprehensive scientific investigation that includes an analysis of existing materials on the topic of financial and economic culture and related concepts (such as financial literacy, economic culture, economic consciousness and attitudes) and a description of an original sociological diagnostics methodology for determining the level of financial and economic culture of any social group. The methodology makes it possible to reduce the final value of the measurement of financial and economic culture to a certain level value (high, medium, or low), which in turn makes it possible to compare and track the dynamics of

© Круглова Е. Л., 2022

data based on the preferred socio-demographic data of the group of respondents under investigation. The author identifies deterministic indicators of financial and economic subjectivity that are measured by weights, which is indicative of the objectivity of the obtained results. The methodology was tested as part of a research project (under the guidance of Prof., PhD. A. G. Tyurikova) at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: financial culture, financial literacy, financial and economic culture, youth, economic consciousness, methodology

For citation: Kruglova E. L. Features of sociological diagnostics methodology for measuring the level of financial and economic culture as an economic parameter. *Sociology and Law. 2022;14(1):36-44.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-36-44>

Финансово-экономическая культура — понятие, с одной стороны, еще малоизученное, с другой — включающее в себя в качестве составных элементов наукоемкие понятия. Оно тесно связано с экономической культурой, финансовой грамотностью, экономическим сознанием и установками, которые подробно рассматривали в первую очередь экономисты, а позднее к ним присоединились социологи, юристы, философы [1].

С учетом проведенного анализа методов изучения финансово-экономической культуры и родственных ей понятий можно выделить ключевые составляющие:

1. Основные подходы, используемые при разработке методики исследований:

- компетентностный — один из ведущих при организации изучения экономической культуры среди молодежи, особенно учащейся, поскольку акцент делают на результате;
- ценностный (аксеологический) — чаще всего используется в исследованиях, направленных на изучение культурного аспекта больше, чем экономического;
- практико-ориентированный — применяется в большей степени в исследованиях, имеющих практическую направленность и решающих практические задачи; позволяет внедрить научные результаты в повседневную практику;
- субъектный — предполагает учет личностных особенностей обучающихся в процессе формирования и развития у них финансово-экономической культуры; в большей степени ориентирован на постполевой этап социологического исследования;
- институциональный — рассматривает экономическую культуру как один из экономических институтов, и методика ее изучения предполагает изучение экономики через внутренние, нравственные аспекты человека как носителя данной культуры.

2. В качестве главных методов исследования финансово-экономической культуры и родственных понятий в российской практике применены анкетирование, экспертный опрос, тестирование, полевой эксперимент, метод А. Фернама («Денежная шкала убеждений и поведения»). Однако, у каждого из приведенных методов существует ряд ограничений. В таблице 1 показаны ключевые плюсы и минусы проанализированных нами исследований [2; 3; 4; 5].

Комплексное исследование финансово-экономической культуры, проведенное нами в составе научного коллектива Финансового университета при Правительстве РФ, включает в себя три социологических метода [6; 7; 8]:

- а) массовый анкетный опрос (в среде студентов);
- б) фокусированные групповые интервью с представителями студенчества;
- в) экспертные полуструктурированные интервью с представителями академической науки, менеджерами высшего звена, а также исследователями финансового поведения населения [9].

Таблица 1

Характеристика исследований

Название исследования, время проведения	Выделение отдельных компонентов анализа	Наличие экспертной оценки (экспертного анализа)	Описание единой системы анализа, возможной для применения при проведении других исследований	Комментарии в контексте исследования финансово-экономической культуры
Изучение уровня экономической культуры А. Е. Кенжибаевым (1995–1998)	Уровень самооценки и оценки со стороны. Вычисление индекса экономической культуры	Присутствует	Применение для дальнейшего общего анализа невозможно, поскольку объект исследования — руководители и специалисты предприятий	Одно из первых отечественных исследований в данной области, что, безусловно, является плюсом, но для современного этапа необходима обязательная актуализация
Оценка уровня экономической культуры жителей Украины ИС НАНУ (2005)	Экспертный опрос. Уровень экономической культуры оценивается по средневзвешенной шкале	Присутствует. Основной метод анализа	Применение возможно в лонгитюдных исследованиях, поскольку используется объективная шкала для вычисления показателя	Шкала оценки описана четко и ясно, но вычисляемый индекс строится лишь на основе экспертного опроса
Исследование финансовой грамотности PISA (2012, 2015, 2018 гг. — участие России)	Два опроса (учащихся и учителей); в результате анализа ответов сформирована 1 000-балльная шкала финансовой грамотности	Привлечение экспертов на заключительном этапе, без анализа в ходе полевого этапа	Возможно использование отдельных компонентов анализа для исследования. Полное повторение невозможно ввиду обширной географии и масштабности исследования	Наиболее полное и масштабное исследование, охватывающее общемировое пространство. В рамках настоящего исследования может быть использовано как удачный опыт при изучении более узкого понятия. Эмпирическим объектом выступали учащиеся, изучена их экономическая субъектность

Название исследования, время проведения	Выделение отдельных компонентов анализа	Наличие экспертной оценки (экспертного анализа)	Описание единой системы анализа, возможной для применения при проведении других исследований	Комментарии в контексте исследования финансово-экономической культуры
Система мониторинга, оценки уровня финансовой грамотности и защиты прав потребителей Министрства финансов России (с 2018 г.)	Включает в себя этапы PISA, а кроме того, изучение образовательных программ, финансовой грамотности потребителей, индикаторов доступности финансовых услуг и др.	Присутствует	Лонгитюдное исследование. В рамках других исследований возможно применение отдельных элементов	Комплексный и практико-ориентированный подход, связь с конечным результатом, использование иностранного опыта — элементы, которые стоит учитывать в исследовании финансово-экономической культуры
Региональные особенности экономического сознания и поведения в России (НИУ ВШЭ, 2011 г.)	Элементы полевого эксперимента, опросники по методу А. Фернама и шкалы Лайкерта	Присутствует	Затруднительно с учетом специфики выбранного метода	Представлен полный и комплексный анализ взаимосвязи экономической культуры и экономического сознания изучаемых групп населения

Источник: составлено автором.

Сочетание количественных и качественных методик, разнообразие эмпирических объектов позволяют говорить о (об):

- универсальности изучения объекта (возможность использования при лонгитюдных исследованиях, а также при исследовании иных групп респондентов);
- широте охвата изучаемых факторов (учитываются факторы, относящиеся ко всем сферам жизни общества);
- возможности сравнения и объединения полученных результатов;
- учете субъективных и объективных факторов при анализе ответов респондентов.

Фокус-групповые и экспертные исследования позволяют:

- определить причинно-следственные связи уровня финансово-экономической культуры на этапе самооценки;
- изучить сферы, которые доступны только экспертному сообществу;
- понять настрой и планы молодежи (или другой изучаемой социальной группы), а также то, что их волнует в большей степени, для оформления рекомендаций по итогам проведенного исследования.

Следовательно, апробированная методика расчета финансово-экономической культуры как параметра экономической системы актуальна, вариативна, объективна, комбинаторна, что позволяет предлагать ее для использования в лонгитюдных исследованиях и в качестве универсальной методики для разных социальных групп.

Рассмотрим подробнее каждый из примененных методов:

I. Метод массового анкетного опроса призван выявить основные тенденции относительно финансово-экономической культуры молодежи. В качестве целевой аудитории для апробации этого метода выбраны студенты Финансового университета при Правительстве РФ (московского и региональных филиалов). Основываясь на контексте институциональной матрицы (термин Д. Норта), авторы метода предложили систему показателей и индикаторов, заложенных в инструментарии для проведения массового опроса студентов. Данная система позволяет следующее:

1. Выявить социокультурные особенности современных российских студентов в соответствии с системой показателей и индикаторов.
2. Определить степень допустимости и приемлемости студентами различных нарушений в финансово-экономической деятельности как особенность финансово-экономической культуры.
3. Оценить принятие студентами трансформаций и тенденций в обществе.
4. Описать финансово-экономические установки студентов в вопросах достижения финансового благополучия и трудовых отношений.
5. Оценить готовность студентов к повышению финансовой грамотности.
6. Получить оценку влияния различных источников на формирование имеющихся у студентов знаний в области управления личными финансами.
7. Получить представления студентов о практиках в социально-экономической сфере, в частности об отношениях между работником и работодателем, о защищенности прав собственности и возможности ее защитить в судебном порядке.
8. Получить представления студентов о практиках в социально-политической сфере, а именно образ элиты и государства.
9. Изучить ожидания и прогнозы студентов посредством оценок наступления событий: а) относительно финансово-экономических рисков при взаимодействии с финансовыми институтами; б) относительно среды, в которой протекают финансово-экономические отношения.

II. Метод фокусированных групповых интервью. Для получения дополнительных интерпретаций по ряду показателей (акцент сделан на распоряжении деньгами и каналах получения компетенций в области распоряжения деньгами) использован метод фокусированных групповых интервью также со студентами Финансового университета при Правительстве РФ. Комментарии информантов обеспечили результаты анкетного опроса необходимыми иллюстрациями и пояснениями.

III. Метод полуструктурированного экспертного интервью реализует такие цели, как:

- а) объяснить взаимосвязи между экономической системой и финансово-экономической культурой населения;
- б) дать оценку распространенности ряда финансово-экономических установок, которые нельзя установить посредством анкетного опроса и фокусированных групповых интервью;
- в) получить экспертизу инструментария исследования и оценить полученные в ходе реализации данного инструментария результаты исследования;
- г) получить рекомендации относительно коррекции и формирования финансово-экономической культуры, характерной для экономики производительного типа.

Для реализации поставленных перед данным методом задач выборка экспертного полуструктурированного интервью должна включать в себя представителей академической науки, специализирующихся на вопросах развития и функционирования экономических систем (пять экспертов); исследователей общественного мнения и экономического поведения (пять экспертов); представителей бизнеса, организаций финансового сектора (пять экспертов). Полученные характеристики отражены в форме традиционного одномерного распределения ответов на вопросы и в форме простых нормированных индексов по отдельным индикаторам и показателям.

Далее для получения количественной характеристики уровня финансово-экономической культуры изученной целевой группы разработан агрегированный индекс, варьирующийся от 0 до 1, где 1 означает высокий уровень развития финансово-экономической культуры, 0 — низкий. Агрегированный индекс включает в себя дополнительные субиндексы, как показано в таблице 2.

Таблица 2

Субиндексы и коэффициенты для измерения финансово-экономической культуры

Субиндекс, S_i	Весовой коэффициент, w_i
S1. Допустимость использования нечестных приемов в борьбе с конкурентами	0,15
S2. Восприятие надежности защиты прав собственности	0,15
S3. Доверие финансовым организациям	0,10
S4. Признание государства социальным	0,05
S5. Ожидание рисков экономической нестабильности	0,15
S6. Принятие финансово-экономических трансформаций	0,04
S7. Приемлемость экономических нарушений	0,25
S8. Представления об экономических интересах элиты	0,05
S9. Представления о трудовой справедливости	0,05
S10. Эмиграционный потенциал	0,01
Итого:	1

Итак, очевидным становится следующее:

$$I_{\text{ФЭК}} = \sum_{i,j=1}^{10} S_i w_j = S_1 \times w_1 + S_2 \times w_2 + \dots + S_i \times w_j, \quad (1)$$

где S_i — i -ое значение индивидуального субиндекса;

w_j — j -ое значение весового коэффициента.

С учетом того, что разные составляющие (субиндексы) финансово-экономической культуры (ФЭК) (1) неравнозначны по своему влиянию на общий уровень ФЭК, возникла потребность их проранжировать. Так, экспертам предложено оценить вклад каждого субиндекса в общий уровень ФЭК путем распределения 100 условных баллов между ними. По окончании процедуры экспертной оценки определено среднее количество баллов по каждому субиндексу. Итоговые весовые коэффициенты получены путем деления среднего количества баллов по каждому субиндексу на 100.

Согласно консолидированному мнению экспертов, наибольшую степень влияния на общий уровень ФЭК оказывает субиндекс «S7. Приемлемость экономических нарушений» (весовой коэффициент равен 0,25); субиндексы S1 «Допустимость использования нечестных приемов в борьбе с конкурентами», S2 «Уверенность в защищенности прав собственности», S5 «Ожидание рисков экономической нестабильности» оказывают равное влияние (0,15) на уровень ФЭК; весовой коэффициент 0,1 получил субиндекс S3 «Доверие финансовым организациям»; менее значимыми оказались субиндексы S4 «Признание государства социальным», S8 «Представления об экономических интересах элиты», S9 «Представления о трудовой справедливости» (по 0,05), S6 «Готовность к финансово-экономическим трансформациям» (0,04) и S10 «Эмиграционный потенциал» (0,01).

Для интерпретации полученных результатов каждому рассчитанному субиндексу присвоено уровневое значение, свидетельствующее о сформированности того или иного показателя на высоком, среднем или низком уровнях. Уровень определяется в соответствии с полученным значением и попаданием его в выделенный диапазон, что отражено в таблице 3.

Таблица 3

Уровень финансово-экономической культуры	Уровневое значение
Высокий уровень финансово-экономической культуры	0,67–1,00
Средний уровень финансово-экономической культуры	0,66–0,33
Низкий уровень финансово-экономической культуры	0,32–0,00
Итого:	1

Характеристика финансово-экономической культуры, помимо индексов, включает в себя и дополнительные показатели, а именно:

- установки в отношении практик использования различных форм сохранения/приумножения денег;
- самооценку финансовой грамотности;
- оценку перспектив трудоустройства;
- установки в отношении заключения официального трудового договора;
- установки в отношении способов достижения финансового благополучия;
- неприемлемость нарушения закона и моральных норм;
- социокультурные ценности.

Предполагается, что перечисленные показатели несмотря на то, что не образуют итоговый индекс ФЭК, выступают наглядным проявлением уровня финансово-экономической культуры индивида.

Выводы

1. Апробированная методика позволила измерить финансово-экономическую культуру через детерминированные показатели финансово-экономической субъектности. Разработанные показатели и индикаторы определили систему субиндексов и коэффициентов для измерения финансово-экономической культуры как параметра экономической системы.

2. Финансово-экономическая субъектность определена весами, что дает возможность говорить о ее измеримости и возможности использования представленной методики для расчета уровня финансово-экономической культуры в разных социокультурных общностях и слоях.

3. Сведение итогового значения измерения финансово-экономической культуры к определенному уровневому значению. В частности, выделено три уровня: высокий (1–0,67), средний (0,33–0,67) и низкий (0,00–0,32). Это позволяет проводить сравнительные операции, отслеживать динамику данных и представлять итоговые выводы в виде таблиц и графиков для наглядной демонстрации результатов измерения.

Список источников

1. *Круглова Е. Л.* Анализ метод оценки уровня финансово-экономической культуры в российской практике // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 376–379.
2. Экономическая культура и резервы ее роста / под ред. А. В. Горшкова. Челябинск: Челябинский государственный университет, Уральский государственный экономический университет, 1999. 156 с.
3. *Ефременко Т.* Экономическая культура населения современной Украины (по материалам экспертного опроса) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 4. С. 174–194.
4. Финансовая грамотность российских учащихся (по результатам международной программы PISA-2012) // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://ioe.hse.ru/data/8F.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).
5. Ценности культуры и модели экономического поведения: научная монография / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: Спутник+, 2011. 389 с.
6. Финансовая грамотность и финансовое просвещение населения: атлас российских практик / отв. ред. Н. В. Алиперова. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2021. 177 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-355-3.2021
7. *Брыкин А. В., Кунжева Д. А., Большунова С. А.* Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 6. С. 73–80. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-73-80
8. *Тюриков А. Г., Кунжева Д. А.* Финансово грамотное поведение как ключевой критерий повышения финансовой грамотности // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 164–170. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7070
9. *Тюриков А. Г., Круглова Е. Л., Кунжева Д. А.* Свидетельство о депонировании № 2082414 «Технология оценки уровня финансово-экономической культуры как параметра экономической системы» от 7 октября 2021 г.

Информация об авторе

Е. Л. Круглова — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии; 125167, Москва, Ленинградский пр., д. 49.

Information about the author

E. L. Kruglova — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology; 49 Leningradskiy Ave., Moscow 125167, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-45-50

Влияние пандемии COVID-19 на рост наркозависимости молодежи

Татьяна Ивановна Кружкова¹, Алексей Владимирович Ручкин²✉,
Анастасия Викторовна Фетисова³

^{1, 2, 3} Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

¹ rustale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9564-7928>

² alexeyruchkin87@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3080>

³ victorovna_eburg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0346-8509>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема взаимосвязи пандемии коронавируса COVID-19 и наркопотребления среди подростков и молодежи. Авторами установлены причины, факторы развития наркозависимости в период кризиса, проведен анализ численных показателей. В качестве основного использован метод статистического анализа запросов по ключевым словам при изучении социальных сетей и поисковых систем. Для верификации и дополнения собственных данных авторами учтены результаты исследований, полученных другими учеными и сторонними организациями. В процессе настоящего исследования выявлены основные каналы и источники информации о наркотиках и прекурсорах, а также разработаны рекомендации по нивелированию значительного развития данного явления в условиях сложной социальной обстановки, вызванной пандемией.

Ключевые слова: наркозависимость, кризис, COVID-19, наркопотребление, пандемия

Для цитирования: Кружкова Т. И., Ручкин А. В., Фетисова А. В. Влияние пандемии COVID-19 на рост наркозависимости молодежи // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 45–50. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-45-50>

Original article

Impact of the COVID-19 pandemic on the growth of youth drug addiction

Tatiana I. Kruzhkova¹, Alexey V. Ruchkin²✉, Anastasiya V. Fetisova³

^{1, 2, 3} Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia

¹ rustale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9564-7928>

² alexeyruchkin87@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3080>

³ victorovna_eburg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0346-8509>

Abstract. The article examines the relationship between the coronavirus pandemic and drug use among adolescents and young people. The authors identify the reasons, factors of drug addiction development in the period of crisis, conduct analysis of numerical indicators. The method of statistical analysis of keyword queries in the study of social networks and search engines was used as the main one. To verify and supplement their own data, the authors use the results of studies obtained by other researchers and third-party organizations. The authors identified the main channels and sources of information about drugs and precursors in the course of the study. The study developed recommendations to level out the significant development of this phenomenon in a complex social environment caused by the pandemic.

Keywords: drug addiction, crisis, COVID-19, drug use, pandemic

For citation: Kruzhkova T. I., Ruchkin A. V., Fetisova A. V. Impact of the COVID-19 pandemic on the growth of youth drug addiction. *Sociology and Law*. 2022;14(1):45-50 (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-45-50>

Введение

Расстройства, связанные с употреблением наркотических средств, ведут к хроническим заболеваниям, негативно отражающимся на демографической ситуации в Российской Федерации (РФ), к росту преступности и вызывают обеспокоенность в правительстве. Распространение наркомании, как указано в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., является одной из главных угроз для здоровья нации. В частности, М. С. Каспова пишет о том, что в России насчитывается шесть миллионов наркоманов. Из них 20 % — школьники 9–13 лет, 60 % — молодежь от 16 до 30 лет [1, с. 136]. Данная категория наиболее подвержена риску заражения в период пандемии, вызванной COVID-19.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение данной проблемы необходимо для защиты интересов личности, общества и государства в целом. Направления работы в этом аспекте определены тремя уровнями противоречий:

- социальным уровнем — между уровнем защиты интересов личности и наркопреступностью как реальной угрозой благополучию человека, его стремлению к высокому уровню жизни, гражданско-правовому и профессиональному росту;
- государственным уровнем — между накопленным опытом правоохранительной деятельности в РФ, системой государственных мер в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и современной ситуацией в России, связанной с проблемой наркомании и безопасным проживанием этноса;
- международным уровнем — между накопленным опытом деятельности в области незаконного оборота наркотиков в России и проблемой национальной безопасности РФ на международном уровне.

Таким образом, очевидным и востребованным является изучение проблемы безопасности на личностном, государственном и межгосударственном уровнях, в области контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Цель настоящей статьи заключается в анализе взаимосвязи между пандемией коронавируса COVID-19 и ростом наркозависимости среди молодежи.

Методы

Авторами применены методы анализа и синтеза, проведена выборка статистических данных текстов и сообщений в сети Интернет по ключевым словам “COVID-19”, “SARS-CoV-2”, «пандемия», «наркомания».

Результаты

31 января 2020 г. — значимая дата для России, старт новой коронавирусной инфекции COVID-19 в нашей стране. Именно этой датой фиксируются первые случаи заражения на территории российского государства. В связи с резко развивающейся тенденцией распространения в тот период еще неизвестного вируса, пришедшего из Китая, было принято решение об организации срочного совещания в соответствии с Международными медико-санитарными правилами [2]. Участники совещания, являющиеся членами Комитета по чрезвычайной ситуации, не смогли выработать единой точки зрения о том, насколько опасен данный

вирус и стоит ли уже сегодня предпринимать меры для его остановки. В итоге на совещании, проходившем 22 января 2020 г., сделан вывод о том, что ситуация не является чрезвычайной. Однако вскоре, 11 марта 2020 г., членам Комитета по чрезвычайным ситуациям пришлось изменить свое мнение с учетом того, что распространение инфекции приняло глобальные масштабы и стало первой пандемией, вызванной COVID-19 [3].

Специалисты считают, что пандемия вносит свои коррективы во все сферы социума, в том числе в наркоторговлю, производство запрещенных наркотических средств. Пока очень трудно прогнозировать, к чему приведет пандемия, но динамика их купли-продажи изменится. Всею виной закрытие границ и, как следствие, отсутствие у производителей некоторых ингредиентов. Не исключен вариант полного разрушения ряда каналов наркотрафика. Конечно, пандемия ведет к изменениям в ценовой политике на рынке запрещенных наркотических средств. Причина понятна и объективна: в связи с закрытием границ многие производители остались без прекурсоров, необходимых для изготовления тех или иных веществ, соответственно, найти их нужно любой ценой. Поэтому и начинает изменяться цена на конечный товар.

Рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных наркотических средств, наблюдается в мире в целом, и Россия не стала исключением. Обусловлено это, скорее всего, сложной экономической ситуацией в стране и все более распространенным понятием «легкие деньги». К тому же средний чек на наркотики неумолимо растет, а с ним растет и выручка. Россияне все чаще стали устраивать нарколаборатории дома, несмотря на маленькие площади и отсутствие качественной вентиляции. Например, в апреле 2020 г. сотрудниками МВД в Московской области обнаружена и ликвидирована лаборатория, занимавшаяся производством нюхательного порошка, имеющего психотропные характеристики. Помимо 20 кг готового продукта оперативниками изъято более полусотни единиц лабораторного оборудования и свыше 350 кг реактивов и прекурсоров, необходимых для изготовления мефедрона. На территории Московской области по подозрению в незаконном производстве психотропных веществ задержаны трое граждан. По данному факту возбуждено уголовное дело [4]. На официальном сайте Министерства внутренних дел России дана информация о том, что только в период с середины марта 2020 г. рассмотрено более 150 материалов о задержаниях лиц, подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом запрещенных наркотических средств [5].

Кризис COVID-19 внес перемены в повседневную жизнь людей, способствуя росту оборота запрещенных наркотических средств через интернет. По данным Фонда содействия защите здоровья и социальной справедливости, 54 % опрошенных лиц [6] говорят о том, что забирать «закладку» в период пандемии стало гораздо сложнее в связи с установленным государством локдауном. Из-за того, что жители мегаполисов и городов были переведены на удаленную работу и, как следствие, улицы опустели, человек, пытающийся отыскать «что-то» в кустах или другом потайном месте, кажется подозрительным и сразу привлекает к себе внимание [7].

В период пандемии у населения в связи с ограничительными мерами и локдауном появилось немало свободного времени, достаточного не только для чтения и иных полезных дел, но и для освоения интернета. Безусловно, большая часть жителей России и мира в целом активно пользуются данной коммуникационной системой, но не всегда это происходит во благо.

Почти половина населения нашей страны — активные пользователи интернет-ресурсов, поскольку проводят в социальных сетях, по подсчетам специалистов,

2 часа и 26 минут. Это на две минуты больше, чем у пользователей в мире, по данным мировой статистики. Самым крупным игроком в мире социальных сетей является *Facebook*, насчитывающей сегодня 2,5 млрд пользователей! Однако на российском рынке лидирующие позиции занимают социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» [8]. Относительно остальных интернет-ресурсов следует обратить внимание на то, что, по исследованиям *Globalwebindex.com* [9], примерно 87 % россиян как минимум раз в месяц посещают *YouTube*, 83 % — «ВКонтакте», 56 % — *Instagram*, 54 % — «Одноклассники». Четвертую строчку в рейтинге посещений социальных сетей населением РФ занимает *Facebook* (ежемесячно посещают лишь 39 % опрошенных).

Ввиду пандемии COVID-19 у россиян, в том числе подростков и молодежи, появилось свободное время для социальных сетей, активность их посещения россиянами возросла. Если сравнивать 2019 и 2020 гг., то становится понятным, что среднее время, проведенное в социальной сети, увеличилось на 24 %. Согласно исследованиям С. Томилова, пользователи «Одноклассников» увеличили среднее время, проведенное в сети, на 24 % в год по сравнению с 2019 г. [10]. Оперативно на повышенную активность пользователей в социальных сетях отреагировали их разработчики и в новом обновлении приложения. Количество групповых звонков-конференций возросло на 70 %, личных сообщений — на 37 %, комментариев и «подарков» — на 44,7 %.

Но не только сообщениями и коллективными звонками ограничились пользователи социальных сетей: в 2020 г. резко возросло число смертей, связанных с употреблением запрещенных наркотических средств. Источник наркотрафика зачастую кроется именно в «даркнете» и мессенджерах.

Смертность в России от причин, связанных с употреблением запрещенных наркотических средств, в 2020 г. возросла на 60 % и составила 7 316 человек (в 2019 г., до пандемии, умерли 4 569 человек). Такие сведения опубликованы Росстатом в июле 2021 г. В 2016–2018 гг. в связи с употреблением наркотиков в России ежегодно умирали 4,4–4,8 тыс. человек, согласно данным Росстата.

Проведенный анализ ссылок, предоставляемых поисковыми серверами по итогам запросов, дает возможность получить представление о доступности той или иной информации, о количестве обращений к интернет-ресурсам и о степени популярности информации о психоактивных веществах. Рассмотрение статистических данных популярной поисковой системы «Яндекс» показало, что отмечается повышенный интерес к информации о психоактивных веществах синтетического происхождения. Так, в Свердловской области количество запросов по ключевым фразам «спайс», «JWH», «курительные смеси», «легал», «легальные наркотики» составило 212 429, что в расчете на 100 тыс. населения превысило общероссийский показатель на 67,6 %.

Антинаркотические ресурсы менее многочисленны, хотя в последнее время появляется все больше профессиональных и объемных русскоязычных сайтов, содержащих огромный объем профилактической информации, сгруппированной по тематическим разделам. Направленность этой информации определяется как потребителями, так и теми, кто еще не начал прием наркотических средств.

Итак, именно в период кризисов, подобных тому, который вызван пандемией коронавируса COVID-19, необходимо проводить комплексную профилактику для снижения уровня наркологической безграмотности населения. Особое внимание при проведении профилактических мероприятий стоит уделить подросткам и молодежи, поскольку именно в подростковом возрасте еще возможным представляется изменение неправильного мнения о положительном влиянии наркотиков. В таких мероприятиях необходимо принимать участие не только родителям и

педагогам. К участию должны быть привлечены сотрудники правоохранительных органов, социальные работники, что повысит качество принимаемых мер.

Выводы

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости совершенствования профилактики, направленной на предупреждение фактов потребления наркотиков среди молодежи в современных условиях, связанных в том числе с пандемией коронавируса COVID-19. В качестве мер предлагаем проводить регулярные дистанционные консультации медицинских работников.

Кроме того, все чаще интернет используется как для рекламы наркотиков, создания толерантного отношения к их потреблению, так и непосредственно при совершении преступлений, связанных с распространением наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ через специально создаваемые сайты и популярные в молодежной среде социальные сети. В последнее время наркдилеры отходят от продажи наркотиков «из рук в руки», используя в цепочке сбыта современные технические средства: через интернет происходит договоренность о продаже наркотиков, оплата осуществляется через систему электронных платежей, наркотик передается через «закладки» или отправляется через различные экспедиторские службы.

В связи с тем, что интернет выступает как коммуникативное поле, сеть активно используется в качестве интерактивного анонимного информационного канала, через который возможно общение в реальном времени на волнующие потребителей наркотиков темы (вопросы о том, сколько стоит, где достать, как употребить). Кроме того, существуют тематические группы в популярных социальных сетях. Это требует консолидации усилий не только со стороны органов государственной власти (выявления и блокирования сайтов и страниц в социальных сетях), но и социума (родителей, некоммерческих организаций и т. д.).

Список источников

1. *Каспова М. С.* Наркоситуация в условиях пандемии коронавируса: тенденции развития и правоохранительный контроль // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 136–140. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10369
2. Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2020. 11 марта. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-directorgeneral-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 26.01.2022).
3. Брюн рассказал, почему наркотики повышают риск заболеть коронавирусом // М24.ru. 2020. 8 апреля. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/08042020/113442> (дата обращения: 29.01.2022).
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6e15d3f1ba69acd08e0639594df466ecd1958d (дата обращения: 29.01.2022).
5. *Чермных В. С.* Подростковые психологические травмы: особенности развития и способы профилактики // Конкурентоспособность территорий: материалы XX Всерос. экономического форума молодых ученых и студентов. В 8 ч. Ч. 2 / отв. за выпуск Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. С. 41–44.
6. *Baeva I. A., Zinchenko U. V., Laptev V. V.* Psychological resources of modern Russian adolescents' resilience to violence in the educational environment // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 159–172. DOI: 10.11621/pir.2016.0311

7. В Подмосковье полицейские задержали троих подозреваемых в незаконном производстве психотропных веществ // МВД РФ. 2020. 10 апреля. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19952525/> (дата обращения: 29.01.2022).
8. Заявление о работе совещания Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи со вспышкой нового коронавируса 2019 г. (nCoV) // Всемирная организация здравоохранения. 2020. 23 января. URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/23-01-2020-statement-on-the-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novelcoronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/23-01-2020-statement-on-the-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novelcoronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 29.01.2022).
9. Балабошина Д. Соцсети наращивают клиентуру // Rbc.ru. 2020. 21 октября. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f8f18687a8aa9229962eb78> (дата обращения: 29.01.2022).
10. Балашова А., Скобелев В. Пользователи стали чаще лайкать и сидеть в соцсетях с компьютеров // Rbc.ru. 2020. 16 апреля. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/04/2020/5e98175d9a7947beb10bf01d (дата обращения: 29.01.2022).

Информация об авторах

Т. И. Кружкова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории; 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42;

А. В. Ручкин — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории; 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42;

А. В. Фетисова — старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории; 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42.

Information about the authors

T. I. Kruzhkova — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Management and Economic Theory Department; 42 Karl Liebknecht Str., Ekaterinburg, 620075, Russia;

A. V. Ruchkin — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Management and Economic Theory Department; 42 Karl Liebknecht Str., Ekaterinburg, 620075, Russia;

A. V. Fetisova — Senior Lecturer of the Department of Management and Economic Theory; 42 Karl Liebknecht Str., Ekaterinburg, 620075, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.03.2022

Научная статья

УДК 364.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-51-58

Мировой опыт определения и измерения бедности

Дилфуза Туланбоевна Нематова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент,
Узбекистан, dilfuzanematova58@gmail.com

Аннотация. В статье исследован мировой опыт определения бедности и измерения бедности. В частности, освещен опыт Всемирного банка по определению бедности, коэффициент Джини и индекс Тейла, проведен анализ деятельности Международного сообщества *Oxfam* и ООН по сокращению бедности. Охарактеризованы различные причины бедности в современном мире. Автором проанализирована история Международного общества *Oxfam*.

Ключевые слова: бедность, нищета, сокращение бедности, стратификация, развитие, труд, социальная защита

Для цитирования: Нематова Д. Т. Мировой опыт определения и измерения бедности // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 51–58. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-51-58>

Original article

World experience in defining and measuring poverty

Dilfuza T. Nematova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan,
dilfuzanematova58@gmail.com

Abstract. This article analyzes the world experience in defining poverty and measuring poverty. In particular, the experience of the World Bank in defining poverty and defining poverty, the Gini coefficient and the Tile index, the analysis of the activities of the international community *Oxfam* and the UN to reduce poverty are highlighted. The grouping of various causes of poverty in the modern world is shown. An analysis of the history of the International *Oxfam* Society is given.

Keywords: poverty, destitution, poverty reduction, stratification, development, work, social protection

For citation: Nematova D. T. World experience in defining and measuring poverty. *Sociology and Law. 2022;14(1):51-58.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-51-58>

На этапах развития общества, то есть в истории первобытных, традиционных, индустриальных и постиндустриальных обществ, проблема сокращения бедности была одной из самых актуальных социальных проблем. Признаны два пути сокращения числа бедных людей в мире: первый — за счет экономического развития, второй — за счет реализации эффективной социальной политики.

В 1920-е гг. стремительное развитие частного предпринимательства рассматривали как путь развития экономики стран и выхода из бедности. В период, когда определенная часть населения улучшила свое материальное благосостояние,

выйдя из бедности, материальное положение другой части людей ухудшилось, что привело к существующему уровню бедности и крайней бедности. Причина в том, что одни предприниматели разбогатели, нарушая принципы предпринимательства и разоряя остальных, а другие — разоряли конкурентов в обмен на жесткую конкуренцию. В результате граждане, обладающие способностью не быть бедными, вынуждены были бедствовать, расширяя ряды бедняков.

На наш взгляд, положительная ситуация наблюдается в странах Центральной Азии, включая Узбекистан. В XVIII–XIX вв. в среднеазиатских ханствах (среди них — Кокандское, Бухарский эмират, Хивинское ханство) ценили предпринимателей, то есть купцов и богатых. Именно за счет торговцев и богачей организовывали спонсорскую помощь нуждающимся. Богатые и торговцы давали самую большую сумму закята нуждающимся. Богатые и купцы владели лавками, раста, рынками, плодородными землями, участками для добычи полезных ископаемых, организации труда на производственных предприятиях, разводили скот. Часть имущества состоятельные люди передавали населению вместо зарплаты причастных. Например, часть пшеницы или ячменя с фермы отдавали фермеру в качестве заработной платы, а часть овец и телят коров в результате увеличения поголовья скота — фермеру в собственность. В итоге в странах Центральной Азии возник институт доверительного управления имуществом. В современной юриспруденции этот институт называют доверительным управлением имуществом [1].

По данным Всемирного банка, люди, зарабатывающие менее 1,90 долл. в день за 24 часа, считаются бедными. Глобальные взгляды на бедность можно проиллюстрировать следующим образом. В 1990-е гг. число людей, считающихся бедными в мире, составляло 1,9130 млрд (35,9 %), а в 2017 г. — 696 млн (9,3 %) [2].

Для анализа знаний и различных сведений, относящихся к проблеме бедности и ее сокращения, необходимо изучить опыт стран, рассматривающих бедность как глобальную социально-экономическую проблему и реализующих государственную политику по сокращению бедности в рамках специальной программы. Поскольку бедность по своей природе является относительным и многомерным понятием, в современном мире введена практика измерений по формулам, включая коэффициент Джини (индекс справедливости или индекс гениальности) и индекс Тейла.

В 1912 г. итальянский социолог, демограф, экономист и статистик Коррадо Джини написал известный труд «Вариативность и изменчивость признака». На основе этой работы и на основе кривой Лоуренса он разрабатывает коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества по экономическому признаку (годовому доходу, имуществу, недвижимости), используемый в странах с развитой рыночной экономикой. В основном в качестве расчетного показателя учитывают годовую норму дохода. Этот коэффициент позволяет точно оценить реальное распределение доходов в обществе или неравномерность распределения доходов среди населения [3].

Индекс Тейла, предложенный в 1967 г. голландским экономистом Анри Тейла, служит одним из способов измерения социального неравенства. Индекс Тейла, в отличие от коэффициента Джини, фрагментирован: если население разделить на группы, то индекс Тейла населения в целом может четко показать взвешенную сумму для каждой группы и социальное неравенство между группами. Индекс Тейла представляет собой процент социального неравенства, который можно объяснить делением населения на определенные группы, и позволяет нам сравнивать различные подразделения [4]. Процесс запуска, уровень неравенства и мера бедности в странах мира основаны на формулах Всемирного банка и ООН «Коэффициент Джини» и «Индекс Тейла» соответственно.

Экономический кризис 1920-х гг. и последовавшая за ним депрессия Первой мировой войны привели к резкому увеличению числа бедных и обездоленных в Западной Европе, Азии и Америке, а экономический кризис 1929–1932 гг. резко сократил спекулятивные доходы населения. В результате национальный доход пришел к единой форме измерения: доля богатых упала с 30 % до 5 %, с 24 % в 1929 г. до 20,9 % в 1941 г. В 1947 г. доля бедных в мире превысила 40 % [5, р. 199].

Борьбу с бедностью в 1950-е гг. можно связать с деятельностью социал-демократических правительств, поднявших ее до уровня государственной политики. Опыт признания бедности и сокращения бедности за государственный счет можно увидеть в США. В 1959 г., согласно официальной статистике, почти четверть населения США (23,2 %) находилась за чертой бедности. В 1960 г. социальная политика государства в стране активизировалась, но причиной этой активизации стало появление в обществе большого количества малоимущих. С 1964 по 1968 г. произошло 329 акций протеста в 257 городах США, которые переросли в беспорядки. Данный период характеризуется наиболее жестокими актами со времен Гражданской войны 1861–1865 гг. [6, р. 111]. К 1976 г. президент объявил об окончании бедности в Соединенных Штатах. С 1960 по 1975 г. пособия малоимущим увеличились более чем в два раза, а прямые денежные переводы возросли от 22,3 до 50,9 млрд долл. Для обеспечения их бесплатным питанием и медицинским обслуживанием правительство выделило в 1975 г. 107,8 млрд долл., то есть в четыре раза больше, чем в 1960 г. (27,1 млрд долл.); самые быстрорастущие расходы на социальное страхование (от 65,2 до 238,4 млрд долл.), а также от 0,5 до 12,1 млрд долл. на профессиональное образование и другие формы образования [7, р. 57, 63–64]. Общие ассигнования на эти цели увеличились с 75 млрд долл. в 1965 г. до 185 млрд долл. Почти 18,7 % валового внутреннего продукта (ВВП) в США направлено на искоренение бедности [8, р. 266]. В результате к 1974 г. доля бедных американцев возросла более чем вдвое, и, по разным оценкам, она составляла от 10,5 до 11,5 % населения. К 1976 г. 1 % самых богатых граждан владел 17,6 % национального богатства США [9, р. 152].

На наш взгляд, в 1960-е гг. социальную политику, инициированную в США Дж. Ф. Кеннеди и Л. Джонсоном, проводили и последующие президенты. Они пришли к выводу о том, что экономическое развитие возможно не только за счет социально-экономической поддержки нуждающихся, но и за счет сокращения бедности в стране. В результате США вдвое сократили бедность в стране в 1980-е гг. и стали одной из самых развитых стран мира.

Однако такая социальная политика США не может применяться единообразно во всех странах. Причина состоит в том, что страны различаются по экономическому развитию, географическому положению, природным ресурсам. Поэтому разрабатывать программы по сокращению бедности необходимо лишь на основе анализа внутренних закономерностей развития общества. Поскольку существует внутреннее сопротивление систематическому и структурному анализу социальных явлений в социологии, считаем необходимым обратить внимание на ряд фактов. Во-первых, развитие частнохозяйственных процессов сформировало у населения иммунитет против бедности. Во-вторых, неуклонное увеличение ассигнований государственного бюджета на искоренение бедности вне зависимости от ментального характера населения, с одной стороны, усиливает тенденцию к зависимости от населения, с другой — препятствует активизации общественных организаций, НКО и благотворительности. В свою очередь, это может вызвать дисфункцию в функционировании общественных институтов и временно приведет к искусственному снижению бедности.

Несмотря на государственную политику по искоренению бедности в США, в 1979 г. официально признано, что 11,7 % населения США находится за чертой бедности, а сумма субсидий, необходимых для жизни всех бедняков, в денежном выражении составляла около \$ 33 млрд. Но к 1983 г. 15,2 % населения находились за чертой бедности, что выше, чем в 1966 г. При этом «разрыв бедности» возрос в полтора раза в постоянных ценах до 47 млрд долл. [8, с. 298]. Городское население увеличивалось особенно быстро (на 232 % в 1970-е гг.) и превысило 2,5 млн человек в начале 1980-х гг. [10, р. 130]. Несмотря на беспрецедентный подъем экономики, в 1990-е гг. ситуация не изменилась. Согласно официальной статистике, к 1993 г. число бедных американцев достигло 36,9 млн человек, что на 3,2 % больше, чем в предыдущем году, и составляло почти 16 % всего населения [11, р. 143]. В 1997 г. в Евросоюзе реализуется активная социальная политика, но доля людей, живущих за чертой бедности, достигала 17 % населения (57 млн человек), а наиболее сложная ситуация была в Великобритании, где за чертой бедности оказались 22 % населения [12, р. 189].

В 2021 г. черта бедности в США составит 3,20 долл. на душу населения за 24 часа [2]. Конечно, это — показатель относительной бедности. Если проанализировать доходы представителей среднего класса в США, то самый высокий ежемесячный доход среди различных профессий принадлежит врачам и составляет 13 570 долл. Самый низкий ежемесячный доход среди профессий, равный 2 058 долл., — у садовников, как показано на рисунке 1.

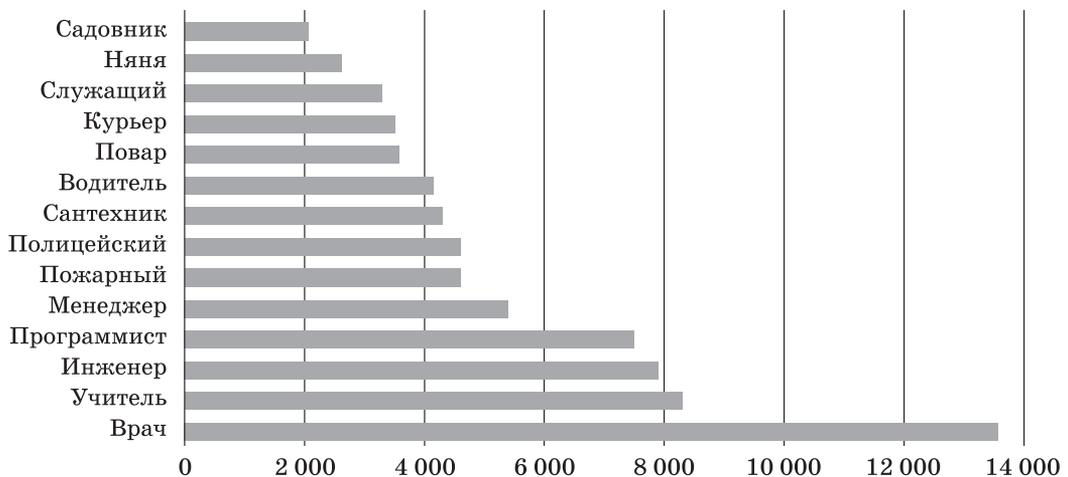

Рис. 1. Занятия и доходы представителей среднего класса в США [2]

Различные причины бедности в современном мире предлагаем сгруппировать следующим образом. К первой группе можно отнести рост врожденной и приобретенной инвалидности, увеличение числа одиноких граждан и одиноких пожилых людей, распространенность и высокую распространенность социально значимых заболеваний (гематологических, онкологических, кожно-генитальных, ВИЧ-инфекций, СПИДа и туберкулеза). Во вторую группу входят демографические причины. Среди них — перенаселенность, увеличение количества неполных семей из-за разделения семей, рост числа сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в обществе. В третью группу можно включить уровень образования населения, то есть наличие одинакового доступа к дошкольному образованию, среднему образованию, среднему специальному образованию, высшему образованию для всех, а также качество образования и профессионально-технической

подготовки. К четвертой группе целесообразно отнести отсутствие политической стабильности в стране, военные конфликты и то, что население вынуждено по разным причинам покидать места своего проживания, чтобы стать субъектом миграционного процесса. Пятая группа представлена неустойчивостью региональной экономики, то есть наблюдаются различия в экономическом развитии всех районов, перебои со снабжением населения в результате экологической ситуации в регионах и ухудшение климата. К шестой группе можно причислить взгляды на религиозные учения, пропагандирующие бедность в обществе, доминирование философских воззрений, расширение бедности в результате массового психологического программирования населения.

По мнению экспертов *Oxfam*, причинами роста бедности и социального неравенства в мире с 2015 г. являются уклонение богатых от уплаты налогов, снижение заработной платы, увеличивающийся разрыв между минимальной и максимальной заработной платой [13]. Анализируя историю Международного общества *Oxfam*, следует отметить, что оно основано в 1942 г. небольшой группой студентов Оксфордского университета в Соединенном Королевстве с образованием Оксфордского комитета помощи голодающим для обеспечения продовольствием голодающих греков во время Второй мировой войны. С 1950 г. комитет расширил свою деятельность на помощь пострадавшим от военных конфликтов и стихийных бедствий в мире, а также начал оказывать им помощь. Главная цель комитета — помочь людям в беднейших странах мира и выжить в тяжелейших условиях.

Сегодня *Oxfam* работает над улучшением ситуации, связанной с бедностью, продовольствием, чистой питьевой водой, здравоохранением и образованием, а также над оказанием гуманитарной помощи, обеспечением гендерного равенства, помощью в целях развития и борьбой с изменением климата. В настоящее время *Oxfam International* стала конфедерацией 19 организаций в 90 странах. Главный девиз комитета: «Оксфам — глобальное движение людей, борющихся с неравенством, чтобы искоренить бедность и несправедливость. Во всех регионах, от местного до глобального, мы работаем с людьми, чтобы изменить ситуацию» [14].

На наш взгляд, *Oxfam International Society* изначально основано студентами и преподавателями вузов на добровольных началах, но сегодня действует как настоящая международная организация. Конечно, такого донора можно оценить как финансовую помощь или организацию, которая помогает в разработке специальных социальных программ. Еще один аспект Международного сообщества *Oxfam* заключается в том, что оно не политизировано. Хотя организация работает в партнерстве со многими политическими организациями, ее цели не политизированы.

Организация Объединенных Наций (ООН) — еще одна международная организация, работающая над определением и сокращением бедности. ООН считает слово «бедный» оскорбительным и использует слово «наименее развитая страна» вместо слова «бедная страна», если речь идет о бедных странах. Слово бедные в общем случае остается прежним.

ООН акцентирует внимание на трех ведущих направлениях при определении наименее развитой страны (самой бедной страны). К ним относятся индекс экономической уязвимости государства, уровень доходов населения за последние три года или среднедушевой ВВП на душу населения, оценка реального качества жизни. Именно по этому показателю ООН публикует рейтинг развитых или наименее развитых стран, то есть бедных. При определении бедности люди выходят за рамки своего материального положения и страдают от слабого здоровья, без-

работицы, социальной изоляции, недоедания, голода, личной незащищенности, сокрытия показателей бедности, минимального дневного дохода, то есть дохода менее 1 долл. в день, хронической бедности, и с помощью многогранных показателей бедности [15, с. 3].

В 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию тысячелетия с участием глав государств и правительств, а вскоре Генеральная Ассамблея ООН приняла Цели развития тысячелетия (ЦРТ). Среди них — ликвидация крайней нищеты и голода. Как отражено в ЦРТ, «ликвидация крайней нищеты и голода» имеет наивысший приоритет с двумя основными целями. Первая цель состояла в том, чтобы сократить количество людей, страдающих от голода в 2015 г., зарабатывающих менее 1 долл. США в день¹ по паритету покупательной способности [15, с. 5]. Критики черты бедности в размере 1 долл. в день утверждают, что она не только произвольна, но и игнорирует другие ключевые потребности, такие как жилье, одежда и отопление, помимо продуктов питания и основных непродовольственных расходов. Кроме того, поскольку низкий уровень черты бедности (доллар США в день) не является значительным для многих стран, они неохотно работают над достижением Целей развития тысячелетия ООН [15, с. 6].

В сентябре 2015 г. лидеры мирового сообщества приняли Цели устойчивого развития (ЦУР). Это — план действий, призванный заложить основу для работы, которую необходимо выполнить к 2030 г. Под девизом «Народы, планеты, мир, сотрудничество и процветание» *BRM* продолжила путь развития, унаследованный от 17 целей и 169 ЦРТ. Помимо бедности, гендерного равенства, голода и хронических заболеваний, *BRM* имеет множество факторов. К ним относятся сильное социальное неравенство, экономический рост, достойная занятость, энергетика, использование природных ресурсов и защита окружающей среды, изменение климата, развитие населения, мир и правосудие. Они полностью отразили в *BRM* концепцию того, как вывести человечество и нашу планету на траекторию устойчивого развития к 2030 г.

Полагаем, что мировое сообщество и международные организации давно поняли, что большая часть населения мира страдает от бедности. Помимо оказания гуманитарной помощи многим странам, они разработали специальные программы по сокращению бедности для государств, в которых большую часть населения составляют бедные. Однако большинство штатов не приняли эти программы из-за того, что их политические режимы были авторитарными или тоталитарными, или из-за беспорядков в стране, а некоторые штаты не приняли программы борьбы с бедностью, назвав это вмешательством во внутренние дела государства. Вследствие роста числа малоимущих в стране ее экономическое развитие остановилось, и ситуация в стране в итоге остается хаотичной.

В заключение можно утверждать, что бедность не распространяется сама по себе. Среди причин распространения бедности — следующие. Во-первых, в результате хаотических процессов в обществе увеличивается соотношение между неравенствами и, как следствие, ускоряется процесс обнищания населения. Если соотношение между стоимостью владения имуществом, вызывающим неравенство, превысит десятикратное значение, население среднего класса достигнет черты бедности.

---

¹ Согласно теории паритета покупательной способности, на одну и ту же сумму денег, пересчитанную в национальную валюту по текущему курсу, можно купить одинаковое количество товаров и услуг в разных странах мира при отсутствии транспортных расходов и транспортных ограничений.

Во-вторых, выделение больших сумм из государственного бюджета населению для сокращения бедности не является решающей силой. В этом случае, с одной стороны, ослабляется государственный бюджет, с другой — создается ощущение зависимости от населения. В-третьих, бедность — это не просто проблема, связанная с экономикой страны. Речь идет и о росте бедности, нестабильности в стране, изменении климата, проблемах занятости, падении дохода на душу населения, покупательной способности, социальной стабильности и снижении уровня образования. В-четвертых, единственный способ решить проблему бедности — это сделать государство главным реформатором, то есть решить проблему бедности на уровне государственной политики.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/mobileact/180552> (дата обращения: 14.01.2022).
2. Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) // World Bank Group. URL: <https://povertydata.worldbank.org/poverty/home> (дата обращения: 14.01.2022).
3. Джини К. Средние величины / пер. с итал. П. А. Лисовского и Ю. П. Лисовского; науч. ред. и вступ. статья Г. Г. Пирогова и С. Д. Горшенина. М.: Статистика, 1970. 447 с.
4. Akita T., Lukman R. A., Yamada Y. Inequality in the distribution of household expenditures in Indonesia: A Theil decomposition analysis // *Developing Economie*. 1999. Vol. 37. No. 2. P. 197–221. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1999.tb00231.x
5. Thurow L. C. *The Zero-Sum Society. Distribution and the Possibilities for Economic Change*. New York: Basic Books, 1980. 230 p.
6. Lind M. *The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution*. New York: Free Press, 1995. 436 p.
7. Burlless G. Public Spending on the Poor: Historical Trends and Economic Limits // *Confronting Poverty: Prescription for Change* / ed. S. H. Danziger, G. D. Sandefur, D. H. Weinberg. New York: Russell Sage Foundation; Cambridge (Ma.), 1994. P. 57–64.
8. Kats M. B. *In the Shadow of the Poorhouse: a Social History of Welfare in America*. New York: Basic Books, 1996. 410 p.
9. Jencks Ch. Is the American Underclass Growing? // *The Urban Underclass* / Ch. Jencks, P. Peterson. (eds). Washington: Brookings Institution, 1991. P. 28–100.
10. Mincy R. B. The Underclass: Concept, Controversy, and Evidence // *Confronting Poverty: Prescription for Change* / S. H. Danziger, G. D. Sandefur, D. H. Weinberg. (eds). New York: Russell Sage Foundation, 1994. P. 109–146.
11. Chomsky N. *World Orders, Old and New*. London: Pluto Press, 1997. 343 p.
12. Moody K. *Workers in a Lean World. Unions in the International Economy*. London, New York: Verso, 1997. 342 p.
13. Торговля, глобализация и борьба против бедности: доклад // Oxfam. 2015. Март. URL: <https://oxfam.ru/biblioteka/publikatsii-oxfam-v-rossii> (дата обращения: 14.01.2022).
14. What-we-do // Oxfam International. URL: <https://www.oxfam.org/en/about> (дата обращения: 14.01.2022).
15. Руководство по измерению бедности // Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН). Нью-Йорк; Женева, 2017. 211 с. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Информация об авторе

Д. Т. Нематова — преподаватель; 100174, Узбекистан, Ташкент, Алмазарский район, Университетская ул., д. 4.

Information about the author

D. T. Nematova — senior lecturer; 4 University Str., Almazar DiSt., Tashkent 100174, Republic of Uzbekistan.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Обзорная статья

УДК 316.35

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-59-65

Направления и перспективы исследований социологии молодежи в условиях трансформации российского общества

Александр Сергеевич Терехин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Россия, alex_terekhin07@mail.ru

Аннотация. В статье охарактеризованы основные этапы, концептуальные направления и перспективы развития социологии молодежи в России. На базе анализа ряда актуальных исследований сделан вывод о необходимости изучения интернета и социальных сетей как наиболее перспективного объекта рассмотрения в контексте социологии молодежи.

Ключевые слова: социология молодежи, трансформация, концептуальное развитие, теория поколений, интернет

Для цитирования: Терехин А. С. Направления и перспективы исследований социологии молодежи в условиях трансформации российского общества // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 59–65. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-59-65>

Review article

Directions and prospects of researching the sociology of youth in the conditions of transformation of Russian society

Aleksandr Sergeevich Terekhin

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia,

alex_terekhin07@mail.ru

Abstract. The article examines the main stages, conceptual directions and prospects for the development of the sociology of youth in Russia. Based on the analysis of a number of relevant studies, it was concluded that the study of the Internet and social networks as the most promising object of consideration in the framework of the sociology of youth.

Keywords: sociology of youth, transformation, conceptual development, generational theory, internet

For citation: Terekhin A. S. Directions and prospects of researching the sociology of youth in the conditions of transformation of Russian society. *Sociology and Law. 2022;14(1): 59-65.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-59-65>

Социология молодежи представляет собой активно развивающуюся отрасль социологического знания, имеющую в своей основе широкую базу эмпирических и теоретических исследований. Молодежь, то есть объект изучения данной науки, выступает в качестве одной из тех социальных групп, активная деятельность которых, как правило, служит детерминантой масштабных социальных трансформаций.

Сегодня российская молодежь, ее деятельность в социальном пространстве по-прежнему относится к ряду ключевых факторов социальных изменений, как следствие, представляя собой один из наиболее перспективных объектов социологического анализа. Тем не менее общественные трансформации, обусловленные в первую очередь ускоренным развитием информационных технологий, а также значительный уровень включенности молодежи в использование этих технологий позволяют заявлять о необходимости выработки принципиально новой методологии в рамках исследований молодежи. Указанной проблеме посвящены работы Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова [1], В. А. Лукова [2], Т. А. Лебедевой, А. А. Субботина [3].

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки парадигмы изучения молодежи, адекватной социокультурным реалиям информационного общества. Следует отметить, что, по нашей оценке, разработка упомянутой единой методологической парадигмы характеризуется как комплексный процесс, который может продолжаться в течение длительного периода. Для выделения наиболее перспективных отраслей социологических исследований молодежи, которые проводят в настоящее время, следует составить ретроспективу развития данной отрасли социологического знания, от момента зарождения к актуальному периоду.

Отправной точкой развития молодежной проблематики в отечественной социологии принято считать работы П. Сорокина, в частности его труд под названием «Кризис современной семьи». Оценивая состояние института семьи на рубеже веков и в начале XX в., исследователь делает ряд обоснованных выводов, в том числе о влиянии изменения ценностных ориентаций молодежи на институт семьи. Кроме того, в рамках исследования П. Сорокин приходит к выводу о важности образовательных учреждений как института социализации подрастающего поколения [4, с. 38].

После революционных событий октября 1917 г. и начала построения советского государства в социологии органически сформировалась новая повестка, требовавшая рассмотрения и проблем советской молодежи. Эти задачи, по оценке В. В. Семеновской, носили прикладной характер; основной целью советского государства в отношении молодежи было создание принципиально новой системы образования, способной формировать молодежь как строителей новой социальной реальности. В соответствующий период исследования по социологии молодежи особенно тесно переплетаются с исследованиями по социологии труда. В фокусе социологических исследований при этом находятся и проблемы идеологического воспитания, поиска подходов к формированию личности представителей молодого поколения [4, с. 114].

Следующий период повышения интереса исследовательского сообщества к молодежной проблематике — середина 1930-х гг. В указанный период первое поколение молодежи, воспитанное при советской власти, вступает во взрослую жизнь. В центре внимания оказываются ценностные ориентации молодежи, а также ее образовательный уровень. Специфика научного дискурса рассматриваемого периода определялась прежде всего становлением тоталитарного государства. Тем самым молодежь воспринимали как объект направленного воздействия государства, продукт его производства; государственные институты в сформировавшейся парадигме представляли основными институтами социализации молодежи. При этом наблюдается очевидный рост образовательного уровня советской молодежи по сравнению с дореволюционным периодом; построенная в указанный период система школьного, среднего и высшего образования показывала высокие результаты. В фундаменте полу-

ченных результатов, помимо прочих факторов, находилась выстраиваемая советскими учеными система профессиональной ориентации.

Первое десятилетие после Великой Отечественной войны характеризуется своеобразной «паузой» в исследовании молодежи. Социально-политическая трансформация советского общества, начавшаяся после смерти И. В. Сталина в 1953 г. и доклада «О культе личности и его последствиях» 1956 г. обусловила начало нового витка в культурной жизни СССР. Изменения отражены и на социальных науках [5, с. 231–233].

Становление социологии молодежи как самостоятельной дисциплины в мировой науке приходится на 1960-е гг. По оценке В. В. Семеновой, ведущим фактором активизации исследований, объектом которых становилось молодое поколение, стала публикация трудов К. Мангейма и М. Мид. Для рассматриваемого периода характерен особый интерес к общественному мнению, а значит, нельзя утверждать, что в центре новых тенденций развития «марксистского обществоведения» находилась только молодежь. Тем не менее период 1960-х гг. отличается активным изучением феномена общественного мнения — значительный вклад в институционализацию социологии молодежи на данном этапе сделали Л. Н. Коган, Б. А. Грушин. Помимо этого, молодежная проблематика находит отражение в трудах В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, посвященных вопросам труда на предприятиях. В качестве важнейшей категории исследований анализируемого периода следует упомянуть труды В. Т. Лисовского, В. Н. Шубкина и Б. Ц. Урланиса, объектом рассмотрения которых выступили особенности жизненного пути различных поколений, представленных в советском обществе. Упоминания заслуживают также лонгитюдные исследования М. Титмы, наиболее существенной особенностью которых было внимание ученого к региональной специфике, стремление выявить уровень дифференциации в особенностях социальной мобильности среди жителей географически отдаленных друг от друга регионов СССР [5, с. 321].

Итак, именно в 1960–1970-е гг. советская молодежь перестала рассматриваться наукой как пассивный объект воздействия социальных институтов — в первую очередь государства — и стала рассматриваться как активный и деятельный субъект социальных отношений. Общественное мнение молодежи применительно к социально значимым событиям и явлениям, ценностные ориентации, подход к выбору профессии и последующему труду — все перечисленные характеристики социально-психологических процессов, связанных с молодежью, стали воспринимать как наиболее значимый объект изучения. Вследствие этого представляется возможным характеризовать описанный поворот дискурса как своеобразную смену парадигмы оценки учеными советской молодежи.

В контексте изучения советской социологии молодежи 1960–1970-х гг. нельзя не обратить внимание на исследования В. Н. Шубкина, посвященные ориентациям молодежи при выборе профессии; исследования проводились в Новосибирске, позднее — в Москве. Именно благодаря исследованиям В. Н. Шубкина социология молодежи стала оперировать такими понятиями, как престиж профессии, профессиональный выбор, потребность общества в кадрах и т. д. [6].

Особое место в социологии молодежи 1970-х гг. занимают исследования И. С. Кона, представителя ленинградской школы социологических исследований. Круг научных интересов исследователя крайне широк; ученый популяризировал в среде советских социологов работы Дж. Колемана, С. Эйзенштадта, Э. Эриксона и других. В фокусе внимания И. С. Кона находилась не только советская молодежь, но и западная; его исследования «студенческой революции» 1960-х гг. позволили советским исследователям проводить определенные параллели между

развитием молодежи в капиталистических странах и СССР [5, с. 499]. Наряду с ограниченно плюралистическим характером развития социологии молодежи в СССР в анализируемый период следует учитывать и иное направление научной мысли. По данным, приведенным М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги, ряд исследований направлен на поиск новых способов директивного воздействия государства на сознание молодежи, более эффективных способов пропаганды и прямого формирования личности, отвечающей требованиям советского строя.

Направление социологических исследований молодого поколения в целом не изменилось к началу «перестройки». Между тем изменения произошли в сознании молодежи: накопившиеся за период «застоя» объективные социальные противоречия отражались в опросах общественного мнения, активно проводившихся в указанный период. Исследования второй половины 1980-х гг., по оценке В. В. Семеновой, носили сугубо прагматический характер; фундаментальные исследования ценностных ориентаций данной социальной группы отошли на второй план, уступив место исследованию острых социальных проблем — материального состояния и социальной защиты, бездомных, потребительского поведения граждан и т. д.

Выявленная тенденция развития социологии молодежи была центральной в данном разделе социологической науки и в 1990-е гг. Значительная часть исследований последнего десятилетия XX в. посвящена болезненным трансформациям советского и российского общества, которые можно отнести не только к молодежи, но и к иным социальным слоям.

Особенности современной социологии молодежи, по оценке Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, обусловлены продолжением трансформационных процессов российского общества, в частности его информатизацией. Исследователи отмечают ряд проблем российской молодежи, делающих ее изучение особенно актуальным. К первой группе проблем относится неопределенность возможностей реализации потенциала данной категории населения; вторая группа проблем связана с конфликтом поколений и отсутствием понимания устремлений молодежи со стороны широких слоев общества, ее ценностных ориентаций; отсутствие «усредненного портрета» молодого человека в сознании старшего поколения. Наконец, третья группа проблем вызвана необходимостью смены методологической парадигмы социологии молодежи в связи с переходом к информационному обществу и изменениями, происходящими в социальной реальности в целом [1, с. 231]. Для российской социологии молодежи сегодня характерен субъектный подход, то есть социальная группа воспринимается, скорее, как активный субъект социального процесса, своими действиями формирующий социальную реальность, нежели как объект воздействия со стороны социальных институтов. Становится очевидным, что Ю. А. Зубок и В. И. Чупров характеризуют молодежь как самоорганизующегося полисубъектного актора.

Перспективные направления исследований молодежи обусловлены характером трансформационных процессов в нашем обществе. Представляется возможным выделить четыре главных направления трансформаций:

1. Комплекс поколенческих трансформационных процессов, связанный с превращением юношей и девушек, рожденных после 2000 г., в полноценных социальных акторов.
2. Комплекс трансформационных процессов, обусловленных переходом России к информационному обществу.
3. Комплекс социально-политических процессов, в рамках которого молодежь выступает основным актором запроса на перемены.
4. Пандемия COVID-19 как фактор, оказывающий влияние на все перечисленные процессы.

Первый из перечисленных социальных процессов описан в ряде исследований, теоретической основой которых прежде всего выступает теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува. Из данной категории следует выделить исследования В. В. Радаева, делающего вывод о протекании в России процесса фундаментальной трансформации социальной реальности в связи с естественной сменой поколений [7]. Так, поколение миллениалов, рожденных в 1980–1990-е гг., превращается в группу основных социальных акторов, а поколение Z, рожденное после 2000 г., начинает играть все более активную роль в жизни российского общества. Таким образом, социально-демографические исследования поколенческой динамики представляют собой одно из перспективных направлений в рамках изучения социологии молодежи.

Общие характерологические черты так называемого поколения Z — нынешней студенческой молодежи — часто становятся объектом социологических и психологических исследований. По мнению Т. А. Лебедевой и А. А. Субботина, определивших указанное поколение как «цифровое», характер действий представителей этого поколения в социальной реальности обусловлен в первую очередь глубокой включенностью представителей данного поколения в использование социальных сетей и других способов интернет-коммуникации [3].

Характер поведения молодежи в интернет-пространстве и мультимедийное пространство в целом — особенно актуальные объекты рассмотрения социологической науки. К. В. Кузнецова выделяет блогеров в качестве категории интернет-акторов, оказывающей наибольшее влияние на ценностные ориентации молодежи [8]. С. Г. Землянухина описывает интернет как фактор, формирующий отдельную социальную реальность с иными основами социокультурных коммуникаций. В качестве отдельного риска исследователь выделяет расширение маргинальной группы молодых людей 15–24 лет, представители которой не имеют места учебы или работы, не включены в социальное производство. Их деятельность сводится прежде всего к имитации наличия социальной жизни, что выражено в определенном характере самопрезентации в социальных сетях [9].

А. К. Кожевников и В. А. Масликов на основании метаанализа зарубежных и отечественных эмпирических исследований влияния интернета на формирование ценностных ориентаций молодежи резюмируют, что интернет предстает в качестве эмансипирующего фактора, независимо от характера культуры государства, в котором он используется. Молодые пользователи интернета в связи с широким доступом к разнообразным учебным, публицистическим и развлекательным материалам развивают в себе навык к самостоятельному осуществлению выбора потребляемого контента, что влечет за собой развитие эмоционального индивидуализма, усвоение соответствующих ценностей. По оценке исследователей, большая часть отечественных ученых склонна оценивать влияние интернета на формирование ценностных ориентаций молодежи негативно, однако авторы отмечают недостаточное количество эмпирических исследований для подтверждения соответствующих выводов [10].

Исследования интернета и социальных сетей представляют собой еще одно перспективное направление исследований молодежи. В частности, пандемия COVID-19, один из существенных краткосрочных факторов социальных изменений в современной России, в контексте рассмотрения проблем молодежи оказывает влияние в первую очередь на характер взаимодействия индивидов друг с другом. Значительная доля учебы, работы и иных занятий, подразумевающих социальные интеракции, перенесена в интернет-пространство, что уже оказывает существенное, преимущественно негативное влияние на социализацию молодежи. Например, студенты, вынужденные обучаться дистанционно, жалуются на падение

своей мотивации и результативности учебы, что выявлено в рамках эмпирического исследования, проведенного нами во второй половине 2020 г. [11].

Перспективным направлением исследований молодежи представляется рассмотрение указанной категории как актора в социально-политическом пространстве. Так, Д. А. Огородов отмечает, что, несмотря на миф об аполитичности российской молодежи, именно она служит основным актором запроса на институциональные перемены в современной России [12]. Указанные изменения, по мнению А. В. Селезневой и Д. Е. Антонова, обусловлены доминированием в сознании молодежи постматериалистических ценностей — свободы самовыражения и творчества, что, в свою очередь, сказывается на особенностях политического участия молодых людей, слабо интересующихся электоральными процессами, но активно участвующих в функционировании институтов гражданского общества [13]. Социально-политический климат России и роль молодежи в динамике развития данных сфер жизни общества можно признать важным объектом изучения в рамках социологии молодежи.

Таким образом, трансформации российского общества, обусловленные прежде всего его активной информатизацией и дигитализацией, открывают широчайшие возможности для исследований в рамках социологии молодежи. Представляется, что формирование параллельной социальной интернет-реальности должно повлечь за собой начало принципиально нового этапа развития социологии молодежи, имеющей в своей инструментарии сформированные методы, направленные не только на анализ привычной социальной реальности, но и на изучение интернет-пространства.

Список источников

1. *Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Социология молодежи. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2009. 322 с.
2. *Луков В. А.* Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 5–16.
3. *Лебедева Т. В., Субботин А. А.* Цифровое поколение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 985–995. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-985-995
4. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 696 с.
5. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
6. *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. 240 с.
7. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
8. *Кузнецова К. В.* Влияние интернета на формирование ценностей молодежи // Форум молодежной науки. 2020. № 3. С. 20–25. DOI: 10.35599/forumn/01.03.04
9. *Землянухина С. Г.* Факторы формирования системы ценностных ориентаций российской молодежи // Гуманитарный научный журнал. 2020. № 1. С. 59–67. DOI: 10.24411/2078-9661-2020-10009
10. *Кожевников А. М., Масликов В. А.* Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 149–158.
11. *Терехин А. С.* Влияние дистанционного обучения на мотивацию студентов бакалавриата // Социология и право. 2020. № 4. С. 65–69. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-65-69
12. *Огородов Д. А.* Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования) // Вестник Российской международной академии туризма. 2020. № 3. С. 26–33.

13. Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21

Информация об авторе

А. С. Терехин — аспирант кафедры управления персоналом; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а.

Information about the author

A. S. Terekhin — Postgraduate Student of the Department of Personnel Management; 30–32 Griboedov Channel Emb., St. Petersburg 191023, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 22.03.2022.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 343.352

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-66-71

Об этапах расследования и раскрытия взяточничества в сфере образования

Максим Анатольевич Трухин¹✉, Дмитрий Анатольевич Ильичев²

¹ Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, alt-ime@mail.ru✉

² Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю, Хабаровск, Россия, mvd27@mvd.gov.ru

Аннотация. Статья посвящена первоначальному и последующему этапам расследования и раскрытия взяточничества в сфере образования. Повышение уровня благосостояния каждого человека и общества в целом зависит от уровня и качества получаемого образования. Переустройство общества неизбежно связано с реформами в сфере образования. Взяточничество существенно затрудняет продвижение социально-экономических реформ в нашей стране, становится препятствием на пути формирования нового демократического общества. Возникают новые способы совершения преступлений данной категории, которые еще не исследованы, что затрудняет их выявление и раскрытие. Практика борьбы с этим негативным явлением в сфере образования дает основание полагать, что по подозрению во взяточничестве задерживаются лица, не впервые совершающие такого рода преступления. Однако в процессе расследования уголовных дел им вменяется, как правило, лишь тот эпизод преступной деятельности, который задокументирован при задержании с поличным. Это указывает на необходимость совершенствования методики выявления и раскрытия взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество в сфере образования, расследование, раскрытие преступления, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Трухин М. А., Ильичев Д. А. Об этапах расследования и раскрытия взяточничества в сфере образования // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 66–71. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-66-71>

Original article

On the stages of investigation and disclosure of bribery in the field of education

Maksim A. Trukhun¹✉, Dmitriy A. Il'ichev²

¹ Altai institute of economy — branch of St. Petersburg university of technologies of management and economy, Barnaul, Russia, alt-ime@mail.ru✉

² Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia, mvd27@mvd.gov.ru

---

© Трухин М. А., Ильичев Д. А., 2022

Abstract. The article is devoted to the initial and subsequent stages of investigation and disclosure of bribery in the field of education. An increase in the level of well-being of society and of each person individually depends on the level and quality of the education received. The reorganization of society is inevitably associated with reforms in the field of education. Bribery significantly complicates the advancement of socio-economic reforms in our country, becoming an obstacle to the formation of a new democratic society. There are new ways of committing these crimes that have not yet been investigated, which complicates their identification and disclosure. The practice of combating bribery in the field of education gives reason to believe that persons who are not the first to commit these crimes are being detained on suspicion of bribery. However, in the process of investigating criminal cases, as a rule, they are charged only with the episode of criminal activity that is documented during the arrest in the act. This indicates the need to improve the methodology for identifying and disclosing bribery.

Keywords: bribery in the field of education, investigation, crime detection, operational-search measures

For citation: Trukhin M. A., Il'ichev D. A. On the stages of investigation and disclosure of bribery in the field of education. *Sociology and Law. 2022;14(1):66-71.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-66-71>

Существующая следственная и оперативно-розыскная практика в отношении средств и методов выявления взяточничества в сфере образования сохраняет определенную консервативность. Используются прошедшие испытание временем и закреплённые опытом методы получения первоначальной информации, ее проверки, возбуждение уголовного дела, тактики проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Разработана практика раскрытия и расследования преступлений данной категории. Как известно, установление истины по делу осуществляется в направлении от коррупционного поведения должностного лица к фактам или эпизодам криминального проявления. На основе сложившихся обстоятельств в процессе противодействия взяточничеству в сфере образования можно выделить и охарактеризовать ряд устоявшихся ситуаций.

Первая ситуация: факт дачи взятки произошел, и желаемые требования выполнены.

В этом случае оперативный сотрудник устанавливает круг предполагаемых взяткодателей, посредников и начинает непосредственную работу относительно данной категории людей. Лиц приглашают в ОВД, где с ними проводят беседу по склонению к написанию собственноручного объяснения о факте взяточничества. Написанные таким образом объяснения в дальнейшем признают в процессе расследования уголовного дела как поданные без принуждения о факте передачи взятки, и на этом основании к уголовной ответственности указанных лиц не привлекают. Следует учитывать, что в основу доказательства факта взяточничества будут положены свидетельские показания взяткодателя, а также совокупность косвенных доказательств.

Практика показывает, что опрошенных взяткодателей до принятия решения о возбуждении уголовного дела должно быть как можно больше, поскольку это существенно облегчит процесс доказывания.

Вторая ситуация: предполагается передача взятки.

В результате исследования обстоятельств противодействия указанному уголовному деянию мы пришли к выводу о том, что в основном задерживают взяточников и привлекают к ответственности, если передают им вознаграждение, проводя такое оперативно-розыскное мероприятие, как оперативный эксперимент.

Задерживают их либо мгновенно, либо после получения вознаграждения. На денежные знаки наносят специальное вещество и при этом заполняют специальный документ. Производят исследование купюр, в итоговый документ вносят сведения о характерных признаках денежной наличности. Деньги копируют с использованием оргтехники, чтобы прикрепить копии к составляемому документу.

В процессе осуществления диалога с подозреваемым необходимо навязывать свои условия передачи денежной наличности, но ситуация может развиваться и по другому сценарию, о чем необходимо знать и всегда учитывать это обстоятельство.

Существуют разновидности передачи вознаграждения:

- без посредников, друг другу;
- положить деньги куда скажут;
- посреднику;
- перевод денежной наличности на счета определенных лиц либо на пластиковые карточки.

В рассматриваемой ситуации очень важно принять меры к обеспечению сохранности предмета взятки, так как при его утрате будет отсутствовать объективная сторона преступления. Возникают и случаи, когда о фактах взяточничества становится известно в результате расследования уголовного дела по событиям, не относящимся к сфере образования. Такая практика широко не распространена в работе следственных подразделений.

В работе следственных подразделений выделяют два направления. Первое направление возникает, если происходит расследование в рамках уголовного дела и необходимо реагировать на появляющиеся факты противоправной деятельности помимо установленной объективной стороны деяния. Второе направление характеризуется тем, что оперативные подразделения передают в следственные органы результаты оперативно-розыскной деятельности с признаками взяточничества в сфере образования.

А. Д. Константинов пишет о том, что в рамках общей схемы проверочных мероприятий могут проводиться следующие действия:

1. Предварительная проверка заявлений или сообщений путем ознакомления с поступившими материалами, а также посредством проведения ОРМ.
2. Необходимо ознакомиться и изучить деятельность соответствующего учреждения, в котором работают должностные лица и приняты искомые решения.
3. Особенно тщательно изучают должностное положение (статус) и деятельность подозреваемых в коррупционной сделке лиц [1, с. 312].

Следует отметить, что проведение проверочных мероприятий в таких ситуациях характеризуется сложностью и многоплановостью. Возбуждению дела предшествует значительная работа по сбору и оценке информации. Перед сотрудниками оперативных подразделений стоят сложные задачи не только по выявлению факта взяточничества, но и обеспечению доказательственной базы.

При организации проверок, по мнению С. В. Зуева, возможны варианты действий оперативных служб и следствия:

- истребование соответствующих документов;
- оперативная разработка, возбуждение по проверочным материалам уголовного дела, немедленная выемка документов;
- при решении вопросов о правильности и законности действий должностных лиц, других участников коррупционной сделки возможно получение консультаций у специалистов;
- до возбуждения уголовного дела возможно получение объяснений у должностных лиц. При истребовании документов и в ходе получения объяс-

нений сложно скрыть от опрашиваемых должностных лиц истинные причины проводимой проверки. Поэтому следователь и оперативные работники должны минимизировать противодействие. В этом случае необходимо возбудить уголовное дело, чтобы изъять требуемые документы, предмет взятки, наложить аресты на банковские счета подозреваемых и т. п. [2, с. 19].

Завершающим этапом проверки служит тактическая операция непосредственного задержания взяткополучателя с поличным. Исследование показало, что существует ряд правовых проблем при осуществлении данного тактического действия.

Первая проблемная ситуация связана с процессом задержания и доставления взяткополучателя в орган расследования после того, как произошло преступное событие. Само по себе задержание оперативно-розыскным законом не регулируется. Складывается интересная ситуация, при которой могут развиваться разные события, например, если лицо, получившее вознаграждение, откажется добровольно проследовать с правоохранителями. По действующему законодательству, в частности на основании уголовно-процессуального законодательства, это сделать не представляется возможным, поскольку в данном случае речь идет об оперативно-розыскных правоотношениях, а специальным законом это не регламентировано.

Исследованию указанной проблемы посвятили свои работы В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров, Н. С. Железняк, А. Ю. Шумилов. Так, А. Ю. Шумилов называет процесс задержания и доставления после совершения преступления захватом, характеризуя его как «одну из выработанных оперативно-розыскной практикой мер пресечения преступления; специальной операцией по задержанию изучаемого лица», поясняя, что «отдельные специалисты считают задержание самостоятельным ОРМ» [3, с. 99].

Бесспорно, изучаемая проблематика является жизненно обоснованной применительно к сфере образования. Некоторые страны бывшего союзного государства давно решили эту проблему и внесли соответствующие положения в свои оперативно-розыскные законы. Так, в ст. 11 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Казахстан данное оперативно-розыскное мероприятие определено как «преследование лица, совершающего или совершившего преступление»; в ст. 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Азербайджанской Республики — «выслеживание и задержание людей, совершивших преступления» и т. д.

Нам видится более правильной позиция А. Е. Чечетина, который предлагает дополнить ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нормой, предоставляющей право сотрудникам оперативных подразделений при осуществлении ОРМ производить захват лиц, покушающихся на совершение преступления либо находящихся в розыске [4, с. 87–88]. По нашему мнению, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно предусмотреть основания задержания лица в ходе ОРМ, категории лиц, подлежащих задержанию, и срок задержания. Это, с одной стороны, позволит эффективнее применять меру задержания для решения задач оперативно-розыскной деятельности, с другой — обеспечит соблюдение законных прав и свобод задерживаемого лица.

Предлагаем внести следующее дополнение в ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «Производить кратковременное задержание, а также доставление в органы власти лиц, если они, по имеющимся сведениям, готовят, совершают, совершили преступление, либо скры-

ваются от органов дознания, следствия и суда, уклоняются от уголовного наказания. Кратковременным задержанием признается ограничение свободы передвижения физического лица на срок не более 3 часов, а в случае необходимости установления личности — не более 48 часов, исчисляемых с момента доставления, а лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления».

Вторая проблемная ситуация, с которой сталкиваются оперативные подразделения, связанные с фиксацией преступной деятельности лиц, совершающих взяточничество в сфере образования, сводится к возможности участия следователя в проведении ОРМ. Исследование уголовных дел данной категории показало, что в 97,0 % случаев фиксацией преступной деятельности лиц после проведенного оперативно-розыскного мероприятия занимались оперативные подразделения, лишь в 3,0 % случаев следователь участвовал в осмотре места происшествия после проведения оперативного эксперимента. В результате опроса 93,0 % оперативных сотрудников указали на то, что после получения лицом вознаграждения очень важным является проведение процессуально грамотного осмотра места происшествия следователем, который в дальнейшем будет проводить предварительное следствие по данному уголовному делу. В свою очередь, сотрудники следственных подразделений, принявшие участие в анкетировании, указали на то, что многие трудности и неудачи предварительного следствия и судебного разбирательства по делам о взяточничестве в сфере образования возникают вследствие упущений на начальной стадии производства уголовного дела, в частности при осмотре места происшествия. То, что не сделано в первые дни и часы, иногда невозможно наверстать, восполнить, несмотря на долгие месяцы напряженной, кропотливой работы [5, с. 67]. Поэтому, на наш взгляд, будет тактически целесообразным участие следователя в проведении ОРМ, а именно при осмотре места происшествия по делам о взяточничестве в сфере образования в целях закрепления результатов оперативного эксперимента или наблюдения.

К признакам, которые указывают на возможность взятки со стороны лиц, вовлеченных в сферу образования, относятся:

- случаи незаконного перевода на другой факультет или в другое учебное заведение;
- оказание посреднических услуг по поступлению в учебные заведения;
- незаконное получение места в общежитии учебного заведения;
- систематическое предоставление академических отпусков;
- необоснованное или по надуманным основаниям восстановление в учебном заведении;
- незаконное предоставление путевок в дошкольное образовательное учреждение помимо имеющейся очередности;
- сокрытие фактов недостойного поведения в общежитии или учебном заведении;
- необоснованное улучшение жилищных условий и обеспечение необходимым инвентарем в общежитии учебного заведения;
- распространение курсовых, дипломных работ, контрольных и лабораторных заданий за денежное вознаграждение с гарантией защиты или положительной оценки;
- факты сдачи экзаменов и зачетов отдельно от учебной группы;
- оказание посреднических услуг по сдаче экзаменов и зачетов;
- поддержание неделовых контактов с должностными лицами сферы образования и т. д.

Одним из обстоятельств, способствующих совершению взяточничества в сфере образования, является поверхностная практика подбора, расстановки и воспитания педагогических кадров. На кафедрах и в циклах учебных заведений наблюдаются проявления nepoтизма. Распространены случаи, когда родственники работают в подчинении друг у друга, на административные и преподавательские должности принимают лиц не только малокомпетентных, но скомпрометировавших себя на прежней работе, поддерживающих неделовые контакты со студентами, покровительствующих неофициальным репетиторам, склонных к пьянству.

Значительное влияние на «засоренность» учебных заведений неспособными и не желающими работать с отдачей студентами оказывает получение образования на платной основе. Учебное заведение в большей степени не заинтересовано в отчислении неуспевающих студентов, что создает атмосферу решения вопроса об успеваемости того или иного студента любой ценой, в том числе при помощи взяточничества. Дополним, что к специфическим обстоятельствам, способствующим взяточничеству, относятся нелегальное репетиторство, несовершенство единого государственного экзамена и правил приема, нарушения правил приема в учебное заведение и испытаний, протекционизм и существование «ректорских» списков.

Список источников

1. *Константинов А. Д.* Коррупцированная Россия. М.: Олма-Пресс, 2006. 633 с.
2. Расследование преступлений коррупционной направленности: учеб. пособие / под ред. С. В. Зуева. Челябинск: ИЦ Южно-Уральского государственного университета, 2014. 41 с.
3. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М.: Шумилова И. И., 2004. 363 с.
4. *Чечетин А. Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: ИД Шумиловой И. И., 2006. 180 с.
5. *Корневский Ю. В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1974. 112 с.

Информация об авторах

М. А. Трухин — кандидат юридических наук, доцент, директор; 656011, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 106е.

Д. А. Ильичев — кандидат юридических наук, генерал-майор полиции, начальник; 680000, Хабаровский край, Хабаровск, Уссурийский бул., д. 2.

Information about the authors

M. A. Trukhin — PhD in Law, Associate Professor, Director; 106e Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656011, Russia;

D. A. Il'ichev — PhD in Law, Major General of Police, Head; 2 Ussuriyskiy Blvd., Khabarovsk, Khabarovsk Krai, 680000, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 342.31

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-72-77

Правовая реформа государственной службы Российской Федерации в XXI веке

Антон Олегович Зернов¹, Александр Александрович Старовойтов²,
Елена Владимировна Воскресенская³✉

^{1, 2} Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия

¹ anton.zernov@bk.ru

² aastarovoitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9776-4044>

³ elenvoskr@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

Аннотация. В статье речь идет о том, что в 2020 г. в Российской Федерации (РФ) осуществлена конституционно-правовая реформа, вследствие которой стали очевидными в сфере государственного строительства ряд проблем, требующих пристального научного исследования. Среди них — перспективы реформирования государственной службы России. По мнению авторов, в современных условиях внешнеполитического давления и внутренней экономической напряженности предъявляются повышенные требования к аппарату власти. Неоднократно в посланиях Президента РФ было указано, что низкое качество власти служит причиной торможения на пути реформ в различных сферах общественной жизни. Трансформационные явления в отношении государственной службы являются ключевыми структурными реформами. С учетом этого авторами статьи рассмотрен вопрос о повышении эффективности пройденного большого пути становления и формирования института государственной службы, а также о перспективах его совершенствования.

Ключевые слова: государственная служба, конституционное право, борьба с коррупцией, картелирование, государственные закупки, цифровизация

Для цитирования: Зернов А. О., Старовойтов А. А., Воскресенская Е. В. Государственная служба Российской Федерации в XXI веке // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 72–77. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-72-77>

Original article

Legal reform of the Public service of the Russian Federation in the XXI century

Anton O. Zernov¹, Alexander A. Starovoitov², Elena V. Voskresenskaya³✉

^{1, 2} Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

³ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ anton.zernov@bk.ru

² aastarovoitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9776-4044>

³ elenvoskr@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

© Зернов А. О., Старовойтов А. А., Воскресенская Е. В., 2022

Abstract. State-building in the context of the constitutional and legal reform that has taken place puts forward a number of problems that require in-depth scientific research, one of which is the prospects for reforming the civil service of Russia. Today, in the conditions of internal economic tension and foreign policy pressure, the requirements for the government apparatus are increasing. The fact that the low quality of government is a brake on the path of reforms in various spheres of public life has been repeatedly pointed out in the Messages of the President of Russia. Transformations of the civil service are among the key structural reforms. A long way has been passed in the formation and formation of the institute of public service, the authors of the article touch upon the issue of increasing its effectiveness.

Keywords: public service, constitutional law, anti-corruption, carteling, public procurement, digitalization

For citation: Zernov A. O., Starovoitov A. A., Voskresenskaya E. V. Public service of the Russian Federation in the XXI century. *Sociology and Law. 2022;14(1):72-77* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-72-77>

Историко-правовой анализ государственной службы позволяет в первую очередь осознать состояние государственной службы в России сегодня, поскольку такое состояние обусловлено длительным путем генезиса правовых норм и нормативных правовых актов, которые развивались вместе с обществом. Право часто отвечало на уже сформированный в обществе социальный заказ относительно регулирования определенных общественных отношений. С учетом этого отрицание влияния научного прогресса и консервативный подход к получению государственных услуг со стороны граждан не является жизнеспособным в современных реалиях.

Основы правового регулирования государственной службы России сегодня обеспечивает прежде всего Конституция Российской Федерации (РФ), которая закрепляет базовые принципы функционирования государственной службы. В главе 2 Основного Закона страны речь идет о правах человека и гражданина, представляющих собой необходимую для эффективной реализации собственных функций правовую базу государственной службы, в ст. 10 — о разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную, в ст. 32 — о праве на равный доступ всех граждан к государственной службе и т. д. [1].

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации» посвящен государственной службе и после Конституции РФ является наиболее значимым нормативным правовым актом. Так, Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ гласит о том, что в России предусмотрено наличие двух видов государственной службы: военной и гражданской. Остальные виды не указаны, но предполагается их наличие (государственная служба иных видов) [2].

Одной из самых актуальных проблем государственной службы как в России, так и в мире в целом, является коррупция. Государственная служба призвана защитить права граждан, будучи «лицом» государства, поэтому коррупционные дела всегда вызывают бурную реакцию в обществе [3]. Проблемы коррупции ввиду их актуальности выступают в качестве предмета исследований для многих ученых-правоведов.

По нашему мнению, среди предусмотренных в законодательстве мер по борьбе с коррупцией наиболее эффективны создание механизмов общественного контроля за работой органов власти, устранение необоснованных запретов и ограничений в сфере экономики, повышение оплаты труда и социальных гарантий государственным и муниципальным служащим, антикоррупционная пропаганда, обеспечение независимости средств массовой информации (СМИ), ужесточение требований к государственным служащим и др. [4].

Одно из самых неблагоприятных проявлений коррупции — картелирование. Существование картелей (в их сегодняшнем правовом понимании) началось с 1991 г., с первых антиконкурентных соглашений между недобросовестными участниками рынка. На практике выявление и противодействие такой деятельности является крайне сложным, равно как и закрепление понятия этого противоправного явления таким образом, чтобы отразить всю полноту его сущности в нормативном правовом акте, было непростой задачей. К основным задачам Федеральной антимонопольной службы (ФАС) в 2010-е гг. относилась борьба с картелями. В 2019 г. ФАС возбуждено 944 дела об антиконкурентных соглашениях и запрещенных согласованных действиях, из них 424 дела — о картелях. Для выявления и противодействия данному преступному явлению ученые предлагают введение «большого цифрового кота» в систему государственных закупок [5, с. 94].

Влияние цифровизации на государственную службу становится заметным уже сегодня. Так, внедрена упомянутая система государственных закупок. Одним из важнейших инструментов государственного управления служит государственный заказ, который занимает значительное место в системе национальной и экономической безопасности РФ. Однако существующая система государственных закупок не способна эффективно применяться как институт государственной политики. Не находят решения на протяжении длительного времени проблемы функционирования контрактной службы.

Следует обратить особое внимание на систему государственных закупок, которая требует анализа и оценки. Необходима модернизация этой системы на каждой стадии осуществления закупок, должны быть учтены задачи стратегического развития государства ввиду такого значимого аспекта, как интересы непосредственных участников контрактных взаимоотношений в зависимости от масштабов, объема и сущности полномочий: малого и среднего бизнеса, мелких заказчиков. Защите подлежат интересы добросовестных и профессиональных поставщиков. Современная экономическая ситуация в стране для эффективной нейтрализации возникающих сегодня угроз, как экономической, так и национальной безопасности, требует изменения взгляда на контрактную систему в целом, что позволит решать с применением института государственного заказа более глобальные задачи, связанные с экономическим развитием России [6, с. 203].

Представители научного сообщества полагают, что противодействие коррупции может базироваться исключительно на комплексном подходе, который в равной степени затрагивал бы и нормотворческую деятельность, и работу с правовым сознанием (населения и государственных служащих) [7, с. 72; 8, с. 292].

В числе существенных проблем — развитие кадрового потенциала государственной службы. К главным трудностям в первую очередь относятся низкий уровень оплаты труда и отсутствие возможности применять развитую систему льгот, что ведет к оттоку эффективных государственных служащих в организации частного сектора экономики. Только при решении этих проблем уровень социально-экономического развития России повысится, поскольку формирующий его трудовой потенциал пополнятся высококвалифицированными кадрами [9, с. 110].

Представляется, что среди ключевых проблем государственной службы — недостаточно положительное представление о ней в обществе. Преодоление данной трудности видится возможным посредством организации деятельности, направленной на укрепление связей между государственными органами и населением, повышение доверия общественности к государственным служащим. Например, обратимся к сфере таможенной и пограничной служб. Границы с государствами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) открыты, и их незаконное пересечение и контрабанду можно предотвратить только при поддержке

местного населения. Большое значение имеют анализ отношений общественных структур к деятельности органов государственной власти, исследование имиджа государственной службы, мониторинг и оценка уровня удовлетворенности субъектами, которые обращаются за оказанием государственных или муниципальных услуг. Это послужит основой законодательства, связанного с совершенствованием и повышением эффективности деятельности государственных органов.

Второе направление реформирования видится в необходимости осуществления взаимодействия, направленного на развитие более тесных и устойчивых отношений с представителями СМИ. Так, в обязанности государственных служащих, имеющих компетенции по взаимодействию со СМИ, следует включить поддержание благоприятных отношений с различными представителями медиасектора. Необходимо проводить и работу над увеличением степени прозрачности деятельности государственной службы [10, с. 236].

В-третьих, не менее остро стоит проблема этики государственной службы в России. Специфика деятельности государственных служащих всегда будет проецировать на них особые этические нормы и принципы, связанные с выполнением профессиональной деятельности. Исходя из этого, можно заключить, что неуклонно должно быть обеспечено соблюдение принципов государственной гражданской службы: законность, гуманность, беспристрастность, ответственность, справедливость государственных служащих, что отражает уровень морального здоровья нашего государства [11, с. 295]. На практике трудности возникают также в рамках соотношения трудовых и административных отношений [12, с. 378].

В-четвертых, цифровизация активно влияет на кадровую составляющую государственной службы. Для осуществления эффективного управления карьерным продвижением предлагаем создать систему, позволяющую государственным органам и государственному служащему разрабатывать трекинг карьеры, учитывающий возможные перспективы и векторы достижения поставленных целей [13, с. 46].

Не менее важным является тот факт, что профессиональное развитие тесно связано с профессиональной компетентностью. Оценка профессиональной компетентности, как и оценка соответствия сотрудника занимаемой должности, должна обеспечивать основания для выявления векторов дальнейшего профессионального развития. Считаем целесообразным выделение отдельного блока профессионального развития государственного служащего, закрепление взаимосвязи между модулем профессионального развития и модулем личностно-профессиональной диагностики и оценки. Предлагаем внедрить в основу личностно-профессиональной оценки модель метакомпетенций, имеющую взаимоисключающие и совместно-исчерпывающие элементы. Это позволит выстроить конструктор (набор) компетенций, который будет содержать как инварианты (личностно-профессиональные), так и вариативные компоненты (отраслевые, специальные, должностные и др.), а также даст возможность упорядочить обширный спектр предложений образовательных продуктов [14, с. 88].

Однако цифровизация государственной службы должна проходить с адаптацией под тренды цифровой экономики системы образовательных возможностей профессиональной подготовки и переподготовки государственных служащих, включая мотивацию их на самостоятельное активное профессиональное развитие. Подобные трансформации и их последовательность следует отразить в нормативных правовых актах, в том числе связанных с реализацией государственных программ и национальных проектов [15, с. 74]. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время государственная служба находится в преддверии глубоких институциональных изменений, обусловленных тенденциями цифровизации и борьбы с коррупцией.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: федер. закон от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О системе государственной службы в Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Парламентская газета. 2003. 31 мая.
3. *Зернов А. О., Гневко А. В., Воскресенская Е. В.* Актуальные проблемы государственной службы в Российской Федерации // Социология и право. 2020. № 1 (47). С. 60–65. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-1-60-65
4. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
5. *Ахматов Х. А., Егоров М. О., Давиденко А. В.* Цифровое противодействие электронному картелированию в сфере государственных закупок // Известия вузов. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 4 (42). С. 92–97.
6. *Ахмелкин И. М.* Система государственных закупок в экономической безопасности России. Цели, угрозы, решения // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 203–206.
7. *Кулуева Ф. Г.* Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1 (65). С. 71–75.
8. *Воскресенская Е. В., Зернов А. О.* Взаимосвязь налоговой системы и уровня коррупции в российском государстве // Экономика и управление. 2020. № 3. С. 291–296. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-3-291-296
9. *Боаченко Т. А.* Развитие кадрового потенциала государственных гражданских служащих // Вестник науки и образования. 2019. № 21-1 (75). С. 109–111.
10. *Прокопьева М. Н.* Проблемы формирования положительного отношения к государственной службе в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 12 (52). С. 234–248.
11. *Николадзе Т. Р.* Проблема этики государственно-гражданской службы в современной России // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7. С. 294–297. DOI: 10.33619/2414-2948/44/39
12. *Аипова Е. А.* Институт государственной гражданской службы в России: современные проблемы // Контентус. 2019. № 11. С. 377–381.
13. *Бондаренко В. В., Юдина В. А.* Моделирование индивидуального трекинга карьеры государственных гражданских служащих в условиях цифровой экономики // Государственная служба. 2019. № 2 (118). С. 44–51. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-2-44-51
14. *Лаврова Т. Б.* Кадровое обеспечение государственной службы: вопросы цифровой трансформации // Карельский научный журнал. 2020. № 4 (33). С. 85–88. DOI: 10.26140/knz4-2020-0904-0021
15. *Костина С. Н., Банных Г. А., Воронина Л. И.* Профессионализация публичных служащих в условиях цифровизации: кейс Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 73–85.

Информация об авторах

А. О. Зернов — магистрант юридического факультета; 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43;

А. А. Старовойтов — доктор юридических наук, профессор, профессор юридического факультета, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43;

Е. В. Воскресенская — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. O. Zernov — Graduate Student of the Law Faculty; 57/43 Sredniy Ave., V. O., St. Petersburg, 199178, Russia;

A. A. Starovoytov — Doctor of Law, Professor, Professor of the Law Faculty; 57/43 Sredniy Ave., V. O., St. Petersburg, 199178, Russia;

E. V. Voskresenskaya — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-78-83

Нетипичные источники в системе формально-юридических источников российского права

Андрей Владимирович Кузьмин^{1✉}, Никита Александрович Ушаков²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ ak78rus@gmail.com✉

² ushakov.law@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о месте нетипичных источников в иерархической системе формально-юридических источников российского права. Авторы рассматривают нетипичный формально-юридический источник права как форму выражения санкционированного государством нормативного правового предписания. Данный источник права отличается нетрадиционной легализацией (решения Конституционного суда РФ), неопределенной *apriori* юридической силой (международные договоры и акты межгосударственных организаций) или неопределенными *apriori* содержанием и условиями легитимизации (правовой обычай), занимает незначительное место в регулятивной системе и правоприменительной практике.

Ключевые слова: источник права, нетипичный источник права, форма права, международный договор, правовой обычай, Конституционный суд РФ

Для цитирования: Кузьмин А. В., Ушаков Н. А. Нетипичные источники в системе формально-юридических источников российского права // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 78–83. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-78-83>

Original article

Atypical sources in the system of formal legal sources of Russian law

Andrey V. Kuzmin^{1✉}, Nikita A. Ushakov²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ ak78rus@gmail.com✉

² ushakov.law@gmail.com

Abstract. The article considers the place of atypical sources in the hierarchical system of formal-legal sources of Russian law. The authors consider atypical formal-legal source of law as a form of expression of normative legal, state-sanctioned legal prescription, characterized by non-traditional legalization (decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation), undefined *apriori* legal force (international treaties and acts of interstate organizations) or uncertain *apriori* content and conditions of legitimization (legal custom), which occupies a small place in the regulatory system and law-enforcement practice.

Keywords: source of law, atypical source of law, form of law, international treaty, custom, Constitutional Court

For citation: Kuzmin A. V., Ushakov N. A. Atypical sources in the system of formal legal sources of Russian law. *Sociology and Law*. 2022;14(1):78-83. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-78-83>

© Кузьмин А. В., Ушаков Н. А., 2022

Одной из ключевых в теории государства и права, да и в целом в практической юриспруденции, является проблема системности источников права. Правоприменительное решение основывается на точном и неукоснительном следовании требованиям норм права. Определенный интерес в связи с этим представляет вопрос о разрешении коллизий норм и их закрепления в праве, который вызван прежде всего отсутствием единого подхода к иерархии источников права.

Проблема, связанная с разрешением коллизий норм, закрепленных в нормативных правовых актах, решается, на первый взгляд, просто: по общему правилу, действует акт, имеющий большую юридическую силу, исходя из статуса субъекта правотворчества и момента принятия. Однако при этом не всё становится очевидным. Так, не всегда работает общее правило *Lex posterior derogat legi priori*, то есть приоритета акта, принятого позднее, а действует правило *Lex specialis derogat generali* — приоритета специальной нормы над нормой общей.

Более того, применимая норма права необязательно формулируется в нормативных актах. В России, например, она может быть выражена в постановлениях Конституционного суда РФ, международных договорах и конвенциях, правовых обычаях. В необходимости наличия четкой системы источников права видится определенная теоретическая проблема правоприменения. Следует исходить из понимания системы источников права как динамичной и свойственной каждому государству исключительно в уникальной конфигурации иерархических, системно-структурных и функциональных связей.

Эффективность правоприменительной деятельности во многом зависит от использования в качестве ориентира ясного и формально определенного основания для правоприменения. Если возникает спор о правомерности выбора одного из ряда конкурирующих друг с другом предписаний, то эффективность правоприменительной деятельности оказывается невысокой: вместо рассмотрения дела по существу правоприменитель вынужден затрачивать усилия на определение юридической силы применимого источника права, который содержит соответствующую норму или ее часть. Если речь идет о различных источниках права, то эффективность снижается еще заметнее.

В этой связи для государства важным представляется четкое структурирование системы источников права, в рамках которой у правоприменителя должен быть алгоритм выбора правового предписания, подлежащего применению в спорном правоотношении. Возможность встраивания в эту систему нормативных правовых актов не создает особых проблем правоприменителям, поскольку речь идет о типичности, стандартности данного вида источников права. Однако другие источники права в условиях использования их в рамках правоприменительной или шире — в правореализационной деятельности не могут продемонстрировать аналогичные качества. Им присущи субсидиарный характер применения, отсутствие четких правотворческих процедур их формирования, неофициальность выраженных в них юридических норм, наличие в них индивидуальных норм [1, с. 9].

Следовательно, в систему источников права необходимо включать (а значит, и распределять в рамках вертикальных и горизонтальных связей этой системы) как типичные (нормативные правовые акты), так и нетипичные (иные) источники права. К последним будем относить решения Конституционного суда РФ, международные договоры и правовые обычаи, оставляя вне рассмотрения иные источники, претендующие на регулятивность, но имеющие вопросы к нормативности (например, гражданско-правовые договоры). С учетом этого всё более актуализируется проблема определения места таких источников в рассматриваемой системе.

Разрешить указанную проблему может законодательное закрепление иерархии источников права. Более того, возможность этого, очевидно, предусмотрена ст. 71 Конституции РФ, относящей к сфере исключительной компетенции российского государства «федеральное коллизионное право». Однако действующее отечественное законодательство не в полной мере справилось с решением данной проблемы. Конституцией РФ в ст. 15 закреплено правило о высшей юридической силе Основного Закона страны, подчиненности Конституции РФ законов и иных правовых актов. Определено и место международных договоров в российской правовой системе: они имеют приоритет над законом. Статья 76 устанавливает подчиненность федеральных законов федеральным конституционным законам и подчиненность законодательства субъектов федерации федеральным законам. Статьей 90 предусмотрено, что «Президент РФ издает Указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам», а статьей 115 — возможность отмены постановлений и распоряжений Правительства РФ Президентом РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ. Статья 120 Конституции РФ определяет, что «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственно-го или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом».

Вопрос о том, являются ли постановления Конституционного суда РФ источником права, в настоящее время решен однозначно. Решения Конституционного суда РФ по многим параметрам обладают нормативной юридической силой, поскольку создают правовые последствия в отношении неопределенного круга лиц, то есть фактически — силой источника права. Более того, качества источника права, присущие решениям Конституционного суда РФ, позволяют судебной власти принимать участие в нормативном регулировании общественных отношений. Представляется логичным не рассматривать постановления и определения Конституционного суда РФ как разноуровневые источники права, а представить их в системе источников права в качестве единого уровня источников — решения Конституционного суда РФ.

Отдельной проблемой выступает восприятие решений Конституционного суда РФ как актов, содержащих нормы, носящие общеобязательный характер. И суды, и иные правоприменители ссылаются не только на положения резолютивной части решений Конституционного суда РФ, но и на содержащиеся в них правовые позиции. Так, в постановлении Конституционного суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П указано, что постановления Конституционного суда РФ обязывают всех правоприменителей, включая другие суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного суда РФ.

В связи с этим Н. Н. Кулешова обращает внимание на общеобязательность таких правовых позиций «для всех без исключения субъектов права». Она исходит из равенства юридической силы решений Конституционного суда РФ и содержащихся в них правовых позиций [2, с. 45]. Следует отметить, что правовая позиция (содержание, точнее — элемент содержания) и решение (форма) как таковые представляют собой очевидное единство формы и содержания права. Вследствие этого в качестве источника права логично рассматривать именно решение Конституционного суда РФ, а не правовые позиции, содержащиеся в нем.

Использование правовых позиций Конституционного суда РФ в судебных решениях по гражданским, уголовным и административным делам в основном сводится к следующим вариантам: 1) аргументация правовой возможности суда со ссылкой на конкретное решение Конституционного суда РФ: «правовая позиция <...>, выраженная в постановлении от 30.11.2012 г. <...>, предполагает, что...» [3]; 2) общая отсылка к неконкретизированной правовой позиции Конституцион-

ного суда РФ для укрепления юридической состоятельности основания принимаемого решения: «Конституционным Судом РФ неоднократно выражалась правовая позиция, согласно которой...» [4]; 3) оценка применимости правовой позиции в деле: «Ссылка в апелляционной жалобе на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2011 № 272-О-О не имеет правового значения, поскольку заявитель ошибочно толкует изложенную Конституционным Судом правовую позицию...» [5]; 4) указание на непосредственное применение правовой позиции Конституционного суда РФ: «следует признать, что <...> не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлениях от...» [6]. Дополним, что отсылка к правовым позициям Конституционного суда РФ, хотя и присутствует в различной форме в решениях судов общей и арбитражной юрисдикции, чаще выступает важным аргументом мотивировочной части такого акта, нежели основанием итогового решения по делу.

Следующим нетипичным источником отечественного права служит международный договор, место которого в системе источников права четко предусмотрено ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. При этом возникает ряд вопросов о том, что означает понятие «общепризнанные принципы и нормы», кем они «общепризнаны», где зафиксированы, почему содержание (нормы) и форма (международные договоры) смешаны в формуле указанной статьи Конституции РФ; что включает в себя понятие «правовая система», каково ее юридическое значение, в отличие от системы источников права. Без ответов на данные вопросы сложно сформировать систему источников национального права, обеспечить эффективное ее использование в правоприменительных и иных правореализационных целях.

Кроме того, в новейшей отечественной конституционной, международно-правовой практике и в теоретической науке до формирования в 2020 г. легальной формулы приоритета национального права над международным представлены различные мнения. В частности, В. А. Канашевский считал нормы международных договоров не источником национального права, а предлагал «применить к международным договорам термин “регулятор” при характеристике его места в системе актов внутреннего права» [7, с. 64].

Тем не менее, не отвлекаясь на дискуссионность и проблемность поставленных вопросов, можно четко установить место международного права в системе источников отечественного права. По утверждению С. Ю. Марочкина, «ратификация и официальное опубликование придает таким договорам юридическую силу Федерального закона» [8, с. 55]. Вместе с тем договоры, которые подлежат утверждению в ином порядке (например, межправительственные или межведомственные договоры), обладают не силой закона, а силой соответствующего нормативного правового акта. Это нашло подтверждение в постановлении Пленума Верховного суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. (в редакции от 3 марта 2015 г.). В нем говорится о том, что применение международных договоров не должно происходить автоматически, поскольку их обязательность в одних случаях признается Федеральным законом, в других — иными актами. В постановлении Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. (в редакции от 5 марта 2013 г.) сделан акцент на многоуровневости данного источника права, дифференциации по юридической силе на межгосударственные, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера. Исходя из этого, становится логичным, что «международный договор занимает планку на ряд выше нормативных правовых актов органа, которым данный международный договор был заложен в систему источников конституционного права» [9, с. 133–134].

В практике отечественных судов нормы международного права используются обычно в мотивировочной части. Например, в следующей формулировке: «Таким

образом, данные международно-правовые нормы <...> подтверждают безусловное право истца на...» [10]. Или в рамках прямого указания на подчиненность правоотношений нормам конкретных международных договоров: «Спорные правоотношения <...> подчиняются нормам международного права — Варшавской Конвенции 1929 года...» [11].

Следующий нетипичный источник российского права нетипичен прежде всего ввиду редкой применимости. Формальная определенность обычая подтверждена в постановлении Пленума Верховного суда РФ № 25 от 23 июня 2015. В нем установлено, что формой выражения обычая может выступать как письменно оформленный документ, так и абстрактное восприятие существования обычая в практике регулирования общественных отношений.

В контексте анализа отечественной судебной практики можно рассматривать пять наиболее типичных вариантов использования конструкции обычая как источника права в судебных решениях. В одних случаях отсылка к обычаю не создает регулятивной основы. Например, при упоминании обычая в информативных целях, с указанием на исковую или контрисктовую аргументацию через апеллирование к обычаю или указанием на отсутствие обычая в качестве регулятора конкретного правоотношения. В других случаях, напротив, отсылка отражает факт существования мини-нормативной системы. Это находит отражение в том случае, если суд раскрывает содержание обычая, если обычай используется в качестве дополнительного аргумента, усиливающего норму закона или договора либо если в судебном решении указано на соответствие обычаю действий одной из сторон процесса [12]. Между тем в судебных актах нами не обнаружен пример использования правового обычая в качестве единственного юридического основания при принятии итогового решения.

По итогам исследования проблематики, связанной с местом нетипичных источников российского права в нормативной системе, целесообразно констатировать следующее:

1. Нетипичный формально-юридический источник права — форма выражения санкционированного государством нормативного правового предписания, отличающегося нетрадиционной легализацией (решения Конституционного суда РФ), неопределенной *a priori* юридической силой (международные договоры и акты межгосударственных организаций) или неопределенными *a priori* содержанием и условиями легитимизации (правовой обычай), занимающего незначительное место в регулятивной системе и правоприменительной практике.

2. Место нетипичных источников в системе формально-юридических источников права определено содержанием санкционирующей воли на формирование системы правовых регуляторов общественных отношений: акты Конституционного суда РФ находятся в иерархии на втором месте после Конституции РФ. Далее расположены межгосударственные договоры РФ и акты межгосударственных организаций, созданные на основе таких договоров. Правовой обычай занимает наиболее низкое место в иерархии формально-юридических источников права.

Список источников

1. Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 7–16.
2. Кулешова Н. Н. Особенности и практика реализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации судами общей юрисдикции // Юридическая гносеология. 2016. № 3. С. 42–49.

3. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 12 марта 2013 г. № 33-819/2013 // Судебные решения РФ. URL: <http://old.судебныерешения.рф/bsr/case/4888711> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Определение Терского районного суда Кабардино-Балкарской Республики о передаче дела на рассмотрение дела по подсудности от 16 сентября 2019 года № 2-514/2019 // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/45166566> (дата обращения: 14.01.2022).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 11 ноября 2016 г. № 33-19702/2016 // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/21015650> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Постановление Можайского городского суда Московской области от 25 августа 2020 г. № 5-457/20 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/21015650> (дата обращения: 14.01.2022).
7. *Канашевский В. А.* О квалификации международного договора как источника внутреннего права // Российский юридический журнал. 1999. № 2 (22). С. 57–64.
8. *Марочкин С. Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1998. 199 с.
9. *Кабанова О. В.* Международные правовые акты — источники конституционного права России // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 129–138.
10. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12 декабря 2017 года по делу № А56-61972/2017 // Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/941c41b4-e36c-478f-972b-023a23e43a06> (дата обращения: 14.01.2022).
11. Решение Тверского районного суда города Москвы от 28 октября 2015 года по делу № 2-3893/2015 // Судебные решения РФ. URL: <http://old.судебныерешения.рф/bsr/case/7956765> (дата обращения: 14.01.2022).
12. *Кузьмин А. В.* Правовой обычай: практика российских судов общей юрисдикции // Theory and Practice of the restoration of rights. 2016. № 1 (6). С. 26–41.

Информация об авторах

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. А. Ушаков — аспирант; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. V. Kuzmin — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. A. Ushakov — Postgraduate Student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 34.047

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-84-88

Общественные обсуждения и публичные слушания как форма прямого волеизъявления в Российской Федерации

Эмма Алексеевна Шаряпова¹, Владислав Эдуардович Обухович²,
Иван Сергеевич Таубе³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ sharyapova.emma@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

² o.v.e.blues@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8767-3990>

³ ivan.taube@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2592-1490>

Аннотация. В статье освещены вопросы формирования гражданского общества вокруг градостроительной деятельности. Закрепленные в градостроительном законодательстве понятия «общественные обсуждения» и «публичные слушания» вызывают интерес у теоретиков, градостроителей не только потому, что это — обязательный этап при принятии градостроительных документов, но и в связи с тем, что всё чаще граждане обращаются к своему праву на прямое волеизъявление в форме общественных обсуждений и публичных слушаний. Авторами предложены возможные пути повышения гражданской активности местного населения муниципального образования.

Ключевые слова: градостроительство, строительство, местное население, граждане РФ, публичные слушания, общественные обсуждения

Для цитирования: Шаряпова Э. А., Обухович В. Э., Таубе И. С. Общественные обсуждения и публичные слушания как форма прямого волеизъявления в Российской Федерации // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 84–88. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-84-88>

Original article

Public discussions and public hearings as a form of direct expression of will in the Russian Federation

Emma A. Sharyapova¹, Vladislav E. Obukhovich², Ivan S. Taube³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia

¹ sharyapova.emma@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

² o.v.e.blues@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8767-3990>

³ ivan.taube@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2592-1490>

Abstract. The article raises questions of the formation of civil society around urban planning. The concepts of “public discussions” and “public hearings” enshrined in urban planning legislation are of interest to theorists and urban planners, not only because this is an obligatory stage in the adoption of urban planning documents, but also because more and more often citizens are turning to their right to direct expression of will in the form of public discussions and public hearings. The authors tried to analyze and suggest possible ways to increase the civic engagement of the local population of the municipality.

© Шаряпова Э. А., Обухович В. Э., Таубе И. С., 2022

Keywords: urban planning, construction, local population, citizens of the Russian Federation, public hearings, public discussions

For citation: Sharyapova E. A., Obukhovich V. E., Taube I. S. Public discussions and public hearings as a form of direct expression of will in the Russian Federation. *Sociology and Law. 2022;14(1):84-88* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-84-88>

Появление в градостроительном законодательстве таких понятий, как «общественные обсуждения» и «публичные слушания», является своевременным и значимым потому, что через эти понятия реализуется конституционное право граждан на благоприятные условия жизни. Понятийно-категориальный аппарат не содержит ни в одном правовом акте значений данных понятий. Поэтому предлагаем называть их формами прямого волеизъявления.

Это объясняется тем, что в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) рассмотрено понятие «публичные слушания», ему посвящена одна из статей. В указанном законе перечислены формы прямого волеизъявления граждан, однако в перечень публичные слушания не вошли. При этом в ст. 25 установлена еще одна форма созыва граждан по принятию проектов генеральных планов и внесения изменений в них, по принятию Правил землепользования и застройки и внесения изменений в них, а также по проектам планировки территорий и внесения изменений в них. Обратим внимание на то, что в ст. 25 понятия «общественные обсуждения» и «публичные слушания» разделены союзом «или». Это означает, что допустимо наличие одного из видов волеизъявления граждан, а также приемлемы оба понятия.

Градостроительным кодексом Российской Федерации (РФ) закреплена обязательность проведения общественных обсуждений и публичных слушаний при принятии таких важных документов, как Генеральный план, Правила землепользования и застройки, планировка территорий. Это объясняется и одним из принципов градостроительного законодательства: участием граждан в градостроительной деятельности. Перечисленные градостроительные документы принимают, кроме городов федерального значения, органы местного самоуправления. Значимость этих документов для местного населения муниципального образования объясняется тем, что в Генеральном плане содержится План стратегического развития муниципального образования на длительный срок, Правила землепользования и застройки аккумулируют в себе основные требования и ограничения относительно земельных участков при застройке в данном муниципальном образовании, а планировка территории указывает на точечное формирование развития города в форме объекта капитального строительства. Данные документы жизненно важны для местного населения, поскольку строительство объектов транспортной, социальной инфраструктуры, иные виды отражены и в схемах, и на картах.

Значимым является принятие такого документа территориального развития, как Генеральный план. Территориальное развитие в последние годы в России претерпевает концептуальное изменение. Это вызвано в первую очередь направлением строительства жилых домов в рамках комплексного и устойчивого развития территории, которое предполагает не только обеспечение граждан комфортным, качественным и доступным жильем, но и жильем с благоустроенной инфраструктурой. Благоустроенность придомовой территории не первый год является одним из требований для строительных компаний. Однако комфортное и устойчивое развитие территории предполагает не только это. Современные требования, предъявленные к девелоперам, состоят в наличии социальной инфраструктуры

(больниц, поликлиник, школ, детских садов и т. д.), а также транспортной, что предполагает близость остановок и комплекс видов транспорта с несколькими маршрутами. Закрепленные разными по форме правовыми актами требования к строительству создают дополнительные сложности для строительных компаний, поскольку без этого невозможен ввод в эксплуатацию жилого дома. Политика государства, предусматривающая комплексное и устойчивое развитие территории, направлена на реализацию права граждан на благоприятные условия жизни.

Обсуждение строительства того или иного объекта капитального строительства сопряжено с интересами местных жителей и их благополучием. Поэтому эффективное и грамотное проведение общественных обсуждений и публичных слушаний служит одним из вопросов градостроительной конфликтности. Зачастую данная форма изъяснения проходит формально. Это объясняется многими причинами, в том числе и низкой явкой граждан. Попытаемся рассмотреть и проанализировать понятия «общественные обсуждения» и «публичные слушания», выявить разницу между ними и предложить пути совершенствования, ведущие к повышению гражданской активности местного населения.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и Градостроительном кодексе РФ отсутствует определение понятия «публичные слушания». М. С. Шайхуллин определяет данное понятие как «возможность граждан влиять на содержание принимаемых муниципальных правовых актов», как «важное средство муниципальной демократии» [1].

Публичные слушания и общественные обсуждения представляются схожими, но не идентичными институтами. Так, основное отличие общественных обсуждений от публичных слушаний, как указано министром строительства и ЖКХ России Михаилом Менем, состоит в заочном характере этой формы выявления мнения граждан [2], что прослеживается при сравнении процедур их проведения. Проект, рассматриваемый на общественных обсуждениях, размещают на официальном сайте уполномоченного органа местного самоуправления. Не предусмотрена организация собраний с очным присутствием его участников при проведении общественных обсуждений, в то время как при проведении публичных слушаний такие собрания обязательны.

Рассмотрение Генерального плана на очных собраниях сопровождается рядом проблем, существенно снижающих круг потенциальных участников публичных слушаний. Во-первых, публичные слушания проводятся один раз, и они ограничены по времени. Часто слушания проходят в рабочее время. Аналитические данные свидетельствуют о том, что более трех четвертей муниципальных образований в России проводят такие слушания исключительно в рабочее время. Во-вторых, место их проведения может находиться в значительном удалении от места жительства некоторых граждан. Более того, эти обстоятельства затрудняют, а иногда и исключают участие в публичных слушаниях инвалидов и лежачих больных.

В-третьих, подразумевается, что публичные слушания проводят в помещениях, что ограничивает число посетителей с учетом размеров таких помещений. Если даже для проведения публичных слушаний выбирать помещение, предназначенное для массовых мероприятий (например, актовый зал школы, культурного центра и др.), с учетом того, что в соответствии с Градостроительным кодексом РФ участниками могут быть все, кто проживает на территории, в отношении которой подготовлен проект Генерального плана или изменений в Генеральный план, такое помещение может не вместить всех желающих.

Общественные обсуждения, напротив, видятся более удобной формой выявления мнения граждан, с учетом возможности проведения их дистанционно

с использованием интернета. Участнику общественных обсуждений не придется «подстраивать» свой распорядок дня, брать отгул на рабочем месте. Однако существует мнение, что проведение общественных обсуждений в режиме онлайн, без очного этапа, нарушает права и законные интересы лиц, не владеющих информационными технологиями либо не имеющих к ним доступа. Кроме того, по мнению общественников, внедрение информационных платформ для организации общественных обсуждений в электронном виде приведет к дополнительным тратам бюджета муниципального образования [3].

С первым тезисом можно согласиться с оговорками. Сегодня большинство россиян имеют доступ к сети Интернет. По данным установочного исследования проекта *WEB-Index*, в феврале-ноябре 2020 г. интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались в среднем 95,6 млн человек или 78,1 % населения всей страны старше 12 лет. В среднем за день в интернет выходили 87,1 млн человек или 71,1 % населения России [4].

Высокий рост пользователей интернета среди россиян отмечается и на официальном уровне. Так, в сообщении информационного агентства ТАСС приведены слова главы Роскомнадзора Андрея Липова о том, что количество пользователей интернетом в России в 2021 г. достигло 124 млн человек, что составляет 85 % от населения страны [5]. Таким образом, большинство потенциальных участников общественных обсуждений способны пройти указанную процедуру. Для остальных органами муниципального образования могут быть организованы специальные площадки, где им будут обеспечен доступ к соответствующим информационным платформам и даны необходимые консультации по работе с ними. В качестве таких мест могут быть использованы многофункциональные центры (МФЦ), общественные библиотеки, обеспеченные доступом к интернету, иные оборудованные помещения.

Указанная форма предпочтительна и в сложившихся эпидемиологических условиях. Так, при определении места проведения публичных слушаний, в целях соблюдения требований к социальной дистанции между их участниками, местным органам власти следует выбирать просторные и хорошо проветриваемые помещения, которых может не оказаться на территории муниципального образования.

В качестве примера реализации принципа ответственности органов государственной власти субъектов РФ за обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека выступает Закон города Санкт-Петербурга от 7 июня 2021 г. № 247-55. В целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) указанным законом внесены изменения в законодательные акты Санкт-Петербурга в сфере градостроительной деятельности, предусматривающие возможность проведения не только публичных слушаний, но и общественных обсуждений в установленных законом случаях, что должно обеспечить возможность участия в обсуждении градостроительной документации жителей города без риска для их здоровья [6].

Ввиду изложенного предлагаем использовать общественные обсуждения как единственную форму выявления мнения граждан. Особое значение общественные обсуждения и публичные слушания имеют для реализации государственных задач по комплексному и устойчивому развитию территории. Это — новое понятие, предполагающее в первую очередь комплексное развитие транспортной инфраструктуры и социальной инфраструктуры. Являющиеся необходимыми при строительстве такие виды инфраструктуры предполагают учет потребностей в строительстве соответствующих объектов, необходимых для общества, а также учет мнения населения муниципального образования.

Список источников

1. *Шайхуллин М. С.* Конституционно-правовые гарантии местного самоуправления в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 304 с.
2. В России предложили заменить публичные слушания на общественные обсуждения // РИА Новости. 2017. 3 августа. URL: <https://ria.ru/20170803/1499673868.html> (дата обращения: 11.02.2022).
3. ОП РФ считает, что в общественных обсуждениях по вопросам градостроительства через Интернет должна быть очная стадия // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/1147693/> (дата обращения: 11.02.2022).
4. Аудитория интернета в России в 2020 году // Mediascope.net. 2021. 12 января. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 11.02.2022).
5. Число пользователей интернета в России достигло 124 млн // ТАСС. 2021. 19 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 11.02.2022).
6. Дайджест «Коронавирус COVID-19» // Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского. URL: https://pl.spb.ru/readers/covid_19/page_3.php (дата обращения: 11.02.2022).

Информация об авторах

Э. А. Шаряпова — кандидат философских наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;

В. Э. Обухович — магистрант второго курса факультета судебных экспертиз в строительстве и на транспорте; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;

И. С. Таубе — магистрант первого курса факультета судебных экспертиз в строительстве и на транспорте; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Information about authors

E. A. Sharyapova — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia;

V. E. Obukhovich — Master Student, Faculty of Forensic Examinations in Construction and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia;

I. S. Taube — Master Student, Faculty of Forensic Examinations in Construction and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-89-96

Особенности правового регулирования труда работников дноуглубительного флота

Елена Михайловна Лазаренко¹, Антонина Борисовна Черных²✉

¹ ООО «ПК», Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ e_lazarenko@mail.ru

² antonina_komar@mail.ru✉

Аннотация. Авторами установлено, что в действующем законодательстве, в правовом регулировании трудовых отношений работников морского и речного транспорта, наблюдаются пробелы и противоречия, в частности при регулировании труда работников дноуглубительного флота. В статье рассмотрены проблемы установления квалификационных характеристик некоторых из них, а также особенности условий труда работников дноуглубительного флота. Выявлены пробелы в сфере правового регулирования труда отдельных категорий работников, в том числе связанные с выполнением дноуглубления как вида гидротехнических строительных работ.

Ключевые слова: дноуглубительный флот, квалификационные требования, вредные и (или) опасные условия труда, правовое регулирование

Для цитирования: Лазаренко Е. М., Черных А. Б. Особенности правового регулирования труда работников дноуглубительного флота // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 89–96. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-89-96>

Original article

Features of labor regulation of transport workers

Elena M. Lazarenko¹, Antonina Borisovna Chernykh²✉

¹ PC LLC, St. Petersburg, Russia

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ e_lazarenko@mail.ru

² antonina_komar@mail.ru✉

Abstract. The current legislation has gaps and contradictions in the legal regulation of labor relations of workers of sea and river transport, in particular when regulating the labor of workers in the dredging fleet. The article discusses the problems of establishing the qualification characteristics of some of them, as well as the peculiarities of the working conditions of workers in the dredging fleet. The gaps in the norms of the current legislation of the legal regulation of labor of certain categories of workers, in particular, those associated with the performance of dredging fleet workers directly dredging, as a type of hydrotechnical construction work.

Keywords: dredging fleet, qualification requirements, harmful and (or) dangerous working conditions, legal regulation

For citation: Lazarenko E. M., Chernykh A. B. Features of labor regulation of transport workers. *Sociology and Law*. 2022;14(1):89-96. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-89-96>

Недавно мы стали свидетелями и непосредственными участниками изменений, внесенных в Основной Закон государства — Конституцию Российской Федерации (РФ).

При обсуждении вносимых поправок Президент РФ Владимир Путин неоднократно отмечал, что в Основном Законе страны необходимо отразить роль человека труда в российском обществе, потому что он стоит в центре процветания любого государства и общества. Это нашло поддержку у народа, если учитывать состоявшееся голосование и, как итог, одобрение вносимых поправок.

Тем самым становится очевидным, что устранение пробелов и дальнейшее совершенствование законодательства в аспекте правового регулирования труда отдельных категорий работников, в частности работников дноуглубительного флота, отвечает запросам нашего общества и является актуальной задачей. Особенность труда указанной категории работников заключается в совмещении ими трудовых функций работников водного транспорта (плавсостав) с одной стороны и работников, выполняющих специализированную функцию, то есть дноуглубление (вид гидротехнических строительных работ), — с другой.

Вопросы правового регулирования труда работников транспорта нашли отражение в действующем законодательстве: Трудовом кодексе (ТК) РФ [1], Кодексе внутреннего водного транспорта РФ [2], Кодексе торгового мореплавания РФ [3]. Изучению этих проблем посвящены работы Г. Г. Иванова [4], Г. С. Скачковой [5], Н. Н. Снежанской [6]. Однако исследованием вопросов, связанных с особенностями правового регулирования работников дноуглубительного флота, никто из юристов ранее не занимался. К нормативно-правовым актам, регулирующим эту сферу трудовых отношений, можно отнести отраслевые нормы. Среди них — «Правила безопасности труда при эксплуатации средств навигационного оборудования и проведении гидрографических работ» [7], «Технология промерных работ при производстве дноуглубительных работ» [8], «Техническая инструкция по производству морских дноуглубительных работ» [9].

Работники дноуглубительного флота являются плавсоставом судна транспортного средства, и на них распространяются нормы главы 51 ТК РФ «Особенности регулирования труда работников транспорта». При приеме на работу к указанным работникам предъявляются особые требования относительно состояния здоровья и ограничений по возрасту. Членам экипажей судов для занятия должностей капитанов судов и других лиц командного состава судов выдают квалификационные документы по соответствующим специальностям. Такой категории граждан не разрешена работа по совместительству, связанная с управлением судна.

Работники дноуглубительного флота — это экипаж судна, и на них распространяются нормы главы IV «Экипаж судна. Капитан судна» Кодекса торгового мореплавания РФ:

- требования к дипломированию членов экипажа;
- требования к состоянию здоровья;
- требования к гражданству члена экипажа.

Кроме того, установлено, что никто из членов экипажа не может быть принят на работу на судно без согласия его капитана. Если правоотношения в сфере управления судна и статуса члена экипажа урегулированы действующим законодательством, то особенности, связанные с выполнением работниками дноуглубительного флота непосредственно дноуглубления как вида гидротехнических строительных работ, в незначительной степени отражены в нормах действующей

щего законодательства. Косвенно упоминаются они в Уставе службы на судах Министерства речного флота РСФСР [10; 11] и отраслевых нормах: «Правила безопасности труда при эксплуатации средств навигационного оборудования и проведении гидрографических работ» [12], «Технология промерных работ при производстве дноуглубительных работ» [8], «Техническая инструкция по производству морских дноуглубительных работ» [9].

Обособленным субъектом правоотношений при производстве дноуглубительных работ выступает капитан судна дноуглубительного флота (капитан-багермейстер). Правовой статус капитана-багермейстера, как и капитана судна гражданского морского флота иного назначения, закреплен в Главе IV Кодекса торгового мореплавания РФ. В отношении трудовой функции по управлению судном права и обязанности капитана-багермейстера такие же, как и у капитанов всех видов гражданского морского флота.

Однако необходимо отметить, что ввиду особенностей работы дноуглубительного флота права и обязанности капитана его судов должны отражать профессиональную специфику. Некоторые из них закреплены в «Технической инструкции по производству дноуглубительных работ», утвержденной Министерством транспорта РФ [9]. Так, перед началом дноуглубительных работ капитан-багермейстер должен выбрать способ определения местоположения земснаряда на разрабатываемой прорези при помощи радионавигационных систем; в зависимости от производственных условий — способ завозки и перекладки рабочих якорей. Он обязан организовать завозку и перекладку рабочих якорей с наименьшими затратами времени, а, если позволяют условия, то и без прекращения работы земснаряда.

Перед началом дноуглубительных работ капитан-багермейстер должен проверить работоспособность технологических контрольно-измерительных приборов. Он обязан также следить за исправным действием технологических контрольно-измерительных приборов и за соблюдением вахтенными помощниками инструкций по их обслуживанию. В период производства работ капитан-багермейстер и его помощники обязаны руководствоваться прогнозами погоды относительно данного района, заблаговременно принимая меры, предусмотренные в «Наставлении по обеспечению навигационной безопасности работы дноуглубительного флота» [13].

Указанные выше обязанности капитана-багермейстера, хотя и упомянуты в отраслевом законодательстве, но не закреплены в отдельном нормативном документе. Разработка типовой должностной инструкции капитана-багермейстера, закрепление ее в соответствующем профстандарте устранили бы пробел в действующем законодательстве, послужили бы гарантом защиты прав исследуемой категории работников.

С точки зрения неурегулированности правоотношений нельзя не обратить внимание и на работников гидрографической (промерной) партии дноуглубительного флота — начальника и техника гидрографической партии. Их основное рабочее место находится на судне, поэтому к ним в полной мере относятся все требования, предъявляемые к экипажу, перечисленные выше. На них в равной мере распространяются и положения Конвенции 2006 г. о труде в морском судостроении [14].

Кроме того, в соответствии с положениями Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (1974), протоколами и поправками к ней работники гидрографических партий обязаны пройти базовую тренажерную подготовку (как и остальные члены экипажа) по ряду программ. К ним относятся:

- 1) первая помощь;
- 2) выживание на море;

- 3) борьба с пожарами, включая работу с дыхательными аппаратами;
- 4) действия в аварийных ситуациях.

Часть своей деятельности сотрудники гидрографических партий проводят в акватории водного объекта, на участке работ с использованием геодезических приборов и маломерных судов, которыми чаще всего самостоятельно и управляют.

В перечень должностных обязанностей начальника гидрографической партии входят свойственные только работникам гидрографических партий дноуглубительного флота обязанности:

- осуществление контроля за выполнением программы мероприятий по метрологическому обеспечению земкаравана;
- участие в подготовительных работах, осуществление разбивки участка (объекта), выставление створов (при необходимости);
- организация и участие в совместных с региональными службами гидрографии, обслуживающими заказчика, промерах глубин «до» и «после» дноуглубительных работ на объектах, а также в случаях необходимости, и на свалке грунта;
- организация и выполнение промеров, иных работ с участием представителей производственно-технической службы организации, в случае отсутствия региональной службы гидрографии у заказчика;
- осуществление периодического операционного контроля за точностью и качеством разработки участков в пределах установленных габаритов объекта для выполнения работ в соответствии с установленными допусками и принятие решения по его результатам [15; 16].

К сожалению, нам не удалось найти типовые инструкции ни начальника, ни техника промерной гидрографической (промерной партии). Сегодня работодатели самостоятельно разрабатывают должностные инструкции, что не гарантирует защиту работникам от включения в них избыточных, а порой и чуждых трудовых функций. Требуют пересмотра и квалификационные требования к образованию работников гидрографических (промерных партий). В настоящее время требования к работникам гидрографических партий изложены в приказе Минздравсоцразвития РФ от 16 февраля 2009 г. № 48 «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников гидрометеорологической службы». Среди прочего указаны требования к квалификации: высшее профессиональное образование по специальности «Гидрометеорология», «Прикладная гидрометеорология» или высшее профессиональное образование в области физико-математических, естественных наук, техники и технологии; профессиональная переподготовка по направлению профессиональной деятельности; стаж работы на должностях, замещаемых специалистами с высшим профессиональным образованием, не менее 3 лет [11].

С учетом описанной выше трудовой функции указанные требования вызывают большие сомнения, поскольку не отражают в целом спектр знаний, навыков и умений, которыми, по нашему мнению, должны обладать работники гидрографических партий дноуглубительного флота. Следует отметить, что ранее, в СССР, на эти должности принимали лиц, имеющих квалификацию «штурман-багермейстер», то есть лиц, обладающих знаниями как в области судовождения, так и в области геодезии, гидрографии [17]. Согласно законодательству СССР в штате дноуглубительного флота существовали не гидрографические, а промерные партии; должности их работников называли «начальник» и «техник промерной партии» соответственно [17].

Самой «таинственной» с точки зрения нормативного регулирования является должность начальника земкаравана. Чтобы лучше изучить квалификационные

требования, предъявляемые к начальнику земкаравана и условиям его труда, следует прежде всего понять, что собой представляет земкараван. Земкараван — это «маленькая флотилия». Он состоит из земснаряда, грузоотвозных шаланд и специальных теплоходов (завозней). Рабочее место начальника, как правило, расположено на земснаряде.

К начальнику каравана, как и к работникам гидрографической (промерной) партии, предъявляются аналогичные требования, связанные с местом работы. Начальник земкаравана является руководителем среднего звена, представителем администрации судовладельца на месте производства работ. В круг его обязанностей входят организация работ, техническое и материальное обеспечение работы земкаравана.

Служебные взаимоотношения начальника земкаравана с капитаном-багермейстером имеют двойственную природу. С одной стороны, как лицо, находящееся на судне, начальник земкаравана обязан подчиняться распоряжениям капитана-багермейстера в пределах его полномочий, с другой — распоряжения начальника земкаравана обязательны для всех капитанов судов земкаравана. Очевидной становится коллизия норм. Работники, находясь в реактивной ситуации выполнения трудовых обязанностей, могут испытывать сложности при выборе обязательности подчинения распоряжениям. Такого рода коллизия должна быть устранена при составлении типовых должностных инструкций в профессиональном стандарте.

Обратим внимание на еще один факт ущемления трудовых прав исследуемой категории работников. В настоящее время должность начальника каравана не внесена ни в один нормативный акт, относящий его труд к работе во вредных и (или) опасных условиях труда и, как следствие, дающий право на досрочный выход на пенсию. Данный пробел в законодательстве вызывает справедливое возмущение работников, поскольку начальники земкараванов трудятся в сложных и опасных условиях труда. Речь идет о вибрации, шуме, магнитном излучении, высоких и низких температурах, качке, штормах, взрывоопасности. Выработываемость начальников земкараванов в связи с перечисленными вредными факторами наступит значительно раньше среднестатистических сроков, а средняя продолжительность их жизни, к сожалению, значительно меньше, чем у других «управленцев».

Работу на дноуглубительном флоте можно назвать работой с тяжелыми условиями труда. На работников дноуглубительного флота распространяются предусмотренные трудовым законодательством гарантии и компенсации для граждан, условия труда которых признаны опасными (сокращенная продолжительность рабочего времени, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, повышенный размер оплаты труда, обязательные предварительные и периодические медосмотры, обеспечение средствами индивидуальной защиты). Размеры, порядок и условия предоставления гарантий и компенсаций лицам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, устанавливаются в порядке, предусмотренном ст. 92, 117 и 147 ТК РФ. Гарантии и компенсации таким работникам могут быть предусмотрены коллективным договором, соглашением, локальными нормативными актами, трудовыми договорами с работниками (ч. 1 ст. 219 ТК РФ). Вместе с тем не все вопросы в этой области урегулированы в полной мере.

На некоторых акваториях, где проходили сражения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., до сих пор извлекают мины и снаряды. В годы действия советского законодательства работникам, занятым в этой сфере, выплачивали соответствующие надбавки «за взрывоопасность» [3]. Действующее же законодательство аналогичных требований, как и соответствующих критериев оценки условий труда, не содержит.

Кроме того, в настоящее время право работников на льготное пенсионное обеспечение реализуется в том числе на основании Списка производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день, утвержденный постановлением Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 25 октября 1974 г. № 298/П-22 и Инструкции о порядке его применения, утвержденной постановлением Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 21 ноября 1975 г. № 273/П-20.

Приведенные выше документы, с одной стороны, морально устарели, с другой — не отражают особенностей работы дноуглубительного флота. Так, в списке указаны должности плавсостава (в разделе «Транспорт») и должности работников гидрографических партий (в разделе «Геолого-разведочные и топографо-геодезические работы»). Иными словами, в первом случае учтены только вредные факторы условий труда, характерные для земснаряда как вида транспортного средства, во втором случае — вредные факторы условия труда, характерные для вида полевых работ. Однако в приведенных документах ни для одной из перечисленных должностей не предусмотрено, что местом работы является не просто судно, а земснаряд, и работающие на нем люди круглосуточно подвергаются воздействию не свойственных другим судам вредных факторов: шума и вибрации. Из этого следует, что оценка условий труда работников дноуглубительного флота произведена однобоко, лишь с учетом тех или иных условий труда.

Проведение специальной оценки условий труда в порядке, определенном Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ [18], вызывает некоторые трудности. Это связано в первую очередь с естественными условиями труда на разных участках акватории, такими как преобладающие ветра (качка), различные по твердости грунты (вибрация), географическое расположение (температура и влажность).

Таким образом, в России правовое регулирование трудовых отношений работников дноуглубительного флота — составной части работников морского и речного транспорта — нуждается в кардинальном обновлении нормативно-правовой базы. Требуется разработать и утвердить профессиональные стандарты начальника земкаравана, капитана-багермейстера, начальника и техника промерной (а не гидрографической партии), устанавливающие требования к работникам дноуглубительного флота, учитывающие особенности их труда. Принятие этих профессиональных стандартов необходимо, поскольку именно они определяют набор деловых качеств соискателей, позволяют соблюсти баланс интересов между работниками и работодателями как при заключении трудового договора, так и при исполнении обязанностей по нему в дальнейшем.

Требуется проведение комплексной оценки условий труда всех работников дноуглубительного флота, отражение их в нормативно-правовых актах, служащих основой для организации мероприятий по охране здоровья работников, установления справедливой системы оплаты труда, размера, порядка, условий предоставления гарантий и компенсаций лицам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 13.12.2021).

2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 13.07.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22916/ (дата обращения: 24.11.2021).
3. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: федер. закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.11.2021).
4. *Иванов Г. Г.* Правовое регулирование морского судоходства в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Морские вести России, 2009. 496 с.
5. *Скачкова Г. С.* Некоторые особенности регулирования труда иностранцев — членов экипажа судна, плавающего под Государственным флагом РФ // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 2. С. 297–330.
6. *Снежанская Н. Н.* Специфика содержания трудового договора работников транспорта // Юрист. 2012. № 13. С. 27–32.
7. Правила безопасности труда при эксплуатации средств навигационного оборудования и проведении гидрографических работ. РД 31.84.05-89 (утв. Минморфлотом СССР 1 июля 1991 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101040/ce18f9764f1b6e219973da27d752069939956c2e/ (дата обращения: 23.11.2021).
8. Технология промерных работ при производстве дноуглубительных работ. РД 31.74.04-79. М.: ЦРИА «Морфлот», 1980. 108 с.
9. Техническая инструкция по производству морских дноуглубительных работ. РД 31.74.08-94. М.: Департамент морского транспорта, 1994 // Gostrf.com. URL: <http://gostrf.com/normadata/1/4294845/4294845296.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).
10. Устав службы на судах Министерства речного флота РСФСР // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101184/ (дата обращения: 24.11.2021).
11. Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания: приказ Минтранса России от 20 сентября 2016 г. № 268 (зарегистрирован в Минюсте России 7 октября 2016 г. № 43967) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205742/ (дата обращения: 25.11.2021).
12. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников гидрометеорологической службы»: приказ Минздравсоцразвития РФ от 16 февраля 2009 г. № 48 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85898/ (дата обращения: 09.11.2021).
13. Наставление по обеспечению навигационной безопасности и работы дноуглубительного флота. РД 31.74.07-95. М.: Департамент морского транспорта, 1995 // Gostrf.com. URL: <http://gostrf.com/normativ/1/4294845/4294845294.htm> (дата обращения: 26.11.2021).
14. Конвенция 2006 г. о труде в морском судоходстве: заключена в г. Женеве 23 февраля 2006 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021).
15. Технология промерных работ при производстве дноуглубительных работ и при контроле глубин для безопасности плавания судов в морских портах и на подходах к ним. РД 31.74.04-2002 (утв. Минтрансом РФ 1 января 2002 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXR&n=387811> (дата обращения: 25.11.2021).
16. Должностная инструкция начальника гидрографической (промерной) партии ЗАО «Балттехфлот». СПб., 2007. 3 с.
17. Страницы истории треста «Севзапморгидрострой». Опыт строительства крупнейших объектов в Северо-Западном регионе. Проблемы строительства и эксплуатации причальных сооружений: юбилейный сборник / под ред. Ю. Н. Фомина. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. картограф. фабрики ВСЕГЕИ, 2001. 145 с.

18. О специальной оценке условий труда: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения: 25.11.2021).

Информация об авторах

Е. М. Лазаренко — юрисконсульт; магистрант (направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»; направленность «Правозащитная деятельность»); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. Б. Черных — кандидат социологических наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. M. Lazarenko — legal adviser; undergraduate (Direction of training 40.04.01 “Jurisprudence”; Focus “Human rights activities”); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. B. Chernykh — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 27.12.2021; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 342.9:343.63

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-97-104

Доктринальная интерпретация оскорбления представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса РФ)

Екатерина Игоревна Кирюшкина

Управление Министерства внутренних дел России по Калининградской области,
Калининград, Калининградская область, Россия, kategrashchenko@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения теоретико-правовых и практических аспектов категории оскорбления представителя власти. Автором обоснована мысль о том, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за оскорбление представителя власти, созданы законодателем в целях повышенной защиты чести и достоинства представителей власти. По мнению автора, в связи с развитием общественных отношений в данной сфере, появлением новых видов, способов совершения подобного деяния требуется внесение изменений в ст. 319 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, преступление, состав преступления, представитель власти, честь, достоинство, публичное оскорбление

Для цитирования: Кирюшкина Е. И. Доктринальная интерпретация оскорбления представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса РФ) // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 97–104. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-97-104>

Original article

Doctrinal interpretation of insulting a representative of authority (art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ekaterina I. Kiryushkina

Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad region, Kaliningrad,
Kaliningrad region, Russia, kategrashchenko@mail.ru

Abstract. The article attempts to consider the theoretical, legal and practical aspects of insulting a representative of authority. The authors substantiate that the criminal law providing for liability for “insulting a representative of authority” was created by the legislator in order to increase the protection of the honor and dignity of representatives of the authorities they represent. According to the author, in connection with the development of public relations in this area, the emergence of new types, methods of committing such an act, it is necessary to amend Art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Criminal law, crime, corpus delicti, representative of authority, honor, dignity, public insult

For citation: Kiryushkina E. I. Doctrinal interpretation of insulting a representative of authority (art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Sociology and Law*. 2022. 14(1): 97-104 (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-97-104>

Нормальное состояние общественного порядка и поддержание общественной безопасности является одним из важных направлений государственной политики, обеспечивающим спокойствие и защищенность граждан. Выполнение именно данных функций относится к обязанностям сотрудников правоохранительных органов. Граждане нашей страны должны чувствовать себя защищенными от различного рода противоправных угроз и посягательств на их нормальное и спокойное существование. Деятельность сотрудников правоохранительных органов по обеспечению защищенности граждан — это структурная часть обеспечения общественного порядка, а поэтому должна вызывать поддержку и уважение как со стороны населения, так и со стороны государства. Безусловное успешное выполнение правоохранительными органами своих функций напрямую зависит и от степени защиты их безопасности от различного вида преступных посягательств. С этой точки зрения уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за оскорбление представителя власти в соответствии со ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), создана законодателем в целях повышения защиты чести и достоинства представителей власти.

Следует отметить, что количество уголовных дел об оскорблении представителей власти является самым многочисленным среди преступлений против порядка управления. Между тем еще большее количество таких фактов остаются латентными.

Известно, что честь и достоинство любого человека неприкосновенны, и об этом говорится в международных нормативных актах и нормативных актах РФ, в частности во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., где указано, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...», «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве» [1, с. 14]. При этом в указанной декларации определено понятие «достоинство» как неотчуждаемое моральное качество, которое просто принадлежит, и «ничего не требуется для того, чтобы заслужить его» [2, с. 104]. В Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. также указано, что честь и достоинство являются высшей ценностью общества и государства [3]. В данном контексте международным правовым документам соответствует и ст. 21 Конституции РФ, в которой четко определено, что достоинство личности — абсолютная ценность любой личности, охраняемой государством.

УК РФ до 2009 г. предусматривал норму, закрепленную в ст. 130 «Оскорбление», которая являлась общей по отношению к специальным нормам. В их числе — оскорбление участников судебного разбирательства (ст. 297 «Неуважение к суду»), оскорбление представителя власти (ст. 319), оскорбление военнослужащего (ст. 336). С одной стороны, оставление в УК РФ нормы об оскорблении представителя власти в свете декриминализации ст. 130 УК РФ говорит о повышенной уголовно-правовой охране представителей власти. С другой — отсутствие общей нормы, раскрывавшей ранее понятие «оскорбление», вызывает проблемы в правоприменительной практике в связи со сложностями установления объективных и субъективных признаков данного деяния. Особенность объекта рассматриваемой нормы состоит в том, что посредством защиты чести и достоинства того или иного представителя власти осуществляется защита интересов государственного управления и авторитет государственной власти.

Относительно первоочередности охраны и признания правоотношений основным и дополнительным объектами в науке разгорелись такие же споры, как и при определении таковых в ст. 317 УК РФ. В частности, А. Н. Красиков считает, что «некорректно называть дополнительным объектом права и свободы человека,

признанные Конституцией Российской Федерации высшей ценностью, страдающие в двуобъектных преступлениях» [4, с. 13]. Аналогичную точку зрения высказывает и М. Е. Матросова, отмечая, что «ущерб авторитету либо нормальной деятельности органов внутренних дел может быть причинен только опосредованно — путем отрицательного воздействия на честь и достоинство их сотрудников в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей. Следовательно, прежде всего, вред причиняется личным интересам сотрудника как представителя органов власти, а уже во вторую очередь правильной деятельности самих органов либо их авторитету» [5, с. 43].

Полагаем, что в данном случае происходит смешение важности объектов уголовно-правовой охраны с их очередностью. Считаем, что система объектов преступления, при которой интересы государственного управления являются основным объектом, а честь и достоинство конкретного представителя власти — дополнительным, не умаляет, а наоборот, повышает степень защиты конкретного индивида. Этот вывод подтверждается и санкцией уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 319 УК РФ.

Неоднозначна в науке интерпретация и других признаков этого состава. Исходя из того, что понятия «честь» и «достоинство» не определены ни одним нормативным актом, а являются, скорее, этически-философскими понятиями, их понимание вызывает сложности в юридической и иной литературе.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «честь» определено как «общественно-моральное достоинство, то, что вызывает и поддерживает общее уважение, чувство гордости» [6, с. 154]. Под достоинством понимается «совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважения к себе» [6, с. 707]. М. А. Цанава шире толкует исследуемые понятия и рассматривает честь как «охраняемый уголовным законом социально-нравственный статус гражданина, определяемый уровнем развития, как общества, так и состоянием социальной среды, где протекает жизнедеятельность данного лица, а также уровнем развития самой личности» [7, с. 13]. Под достоинством данный автор понимает «внутреннюю, субъективную сторону чести, и определяет его как самооценку нравственных, моральных, духовных и других качеств личности, тесно связанных с оценкой этих качеств обществом» [7].

По сути, под понятием «честь» имеется в виду то, что о человеке думают в обществе, как окружающие оценивают его; «достоинство» характеризует внутренние свойства человека, его представления о себе, о своих моральных качествах. Несомненно, данные понятия связаны с макро- и микросредами, в которых находится человек. Поэтому представления о поведении человека в субкультуре среде, нравы, обычаи которой отличаются от общепринятых понятий, не могут считаться защищаемыми законом в той степени и в том понимании, в которых они предусмотрены в гражданском и уголовном законе. Например, государством признано поощряемым поведение лица, совершившего преступление, но содействовавшего его раскрытию правоохранительными органами, но данное поведение противоречит преступным «нравам» и «понятиям» преступной среды. Некоторые формы поведения, выражающиеся в употреблении определенных слов, жестов, форме поведения, противоречащие общепринятым нормам приличия, являются «нормальными» для, например, представителей молодежных субкультур. Поэтому вопрос как о чести и достоинстве определенных лиц, а тем более представителей власти, так и о внешнем выражении формы оскорбления, можно признать сложным и в юридической науке, и в правоприменительной практике. Как справедливо пишет Н. А. Егиазарян, «оскорбление представителя власти наглядно

демонстрирует искажение ценностно-нормативной системы виновного лица, его пренебрежение к охраняемым общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения порядка управления, что, в свою очередь, не может не отразиться на обществе, в котором все взаимосвязано» [8, с. 93]. Следует учитывать, что оскорбительность действий виновного зависит от конкретного времени, сложившихся традиций и уровня развития общественных отношений.

С точки зрения отношения потерпевшего к чести и достоинству, по сравнению с честью и достоинством рядового гражданина, исследуемые понятия дополняются еще и тем, что представитель власти, являясь не только человеком, гражданином, а еще и представителем государства, оценивает отношение окружающих к себе именно как к представителю власти и внутренне ощущает себя представителем государства, действующим от его имени и в его интересах. Неслучайно, согласно Уголовно-процессуальному кодексу (УПК) РФ, преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, в отличие от преступлений против чести и достоинства личности, не относится к категории дел частного обвинения. При этом публичная форма оскорбления унижает честь и достоинство представителя власти, авторитет государства не только в собственных глазах, но и глазах окружающих, что повышает общественную опасность преступления. Помимо чести и достоинства вред причиняется еще и служебной репутации сотрудника.

В отличие от деловой репутации рядового гражданина, служебная (профессиональная) репутация сотрудника органа внутренних дел связана с исполнением им задач, поставленных перед ним государством, и имеет публичный характер. Неслучайно в правоприменительной практике в приговорах судов указано на подрыв именно профессиональной репутации того или иного представителя органа внутренних дел и на дискредитацию репутации правоохранительных органов в целом. В отличие от ст. 317 УК РФ, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, признают исключительно представителей власти, исполняющих свои должностные обязанности, но, к сожалению, их близкие потерпевшими по данной статье не являются. Комментируя эту ситуацию, нельзя не согласиться с другими исследователями в том, что честь, достоинство, репутация близких иногда дороже собственных. Думается, что подобный подход законодателя является неэффективным на современном этапе общественно-политического развития нашего государства. Остается лишь догадываться о мотивах.

Напомним, что исполнение должностных обязанностей должно соответствовать закону, не нарушать его нормы и процедуру исполнения определенных действий (например, задержание виновного, пресечение правонарушений).

В этой связи уместно обратиться к следующим материалам судебных дел и доводам суда. Так, Московский районным судом г. Санкт-Петербурга 27 мая 2019 г. вынесен приговор в отношении С., который умышленно оскорбил участкового уполномоченного полиции группы участковых уполномоченных полиции УМВД России по Московскому району г. Санкт-Петербургу, одетого в форменное обмундирование, назначенного на указанную должность приказом начальника УМВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга №... от 6 апреля 2017 г., в связи с исполнением им своих служебных обязанностей по охране общественного порядка, являющегося должностным лицом правоохранительного органа, постоянно осуществляющего в соответствии со ст. 2, 12, 13 Федерального закона РФ № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» (с изменениями и дополнениями), № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и должностной инструкцией участкового уполномоченного полиции группы участковых уполномоченных полиции № отдела полиции УМВД России

по Московскому району г. Санкт-Петербурга, утвержденной 26 сентября 2017 г. начальником УМВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга, функции представителя власти, наделенного в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, и правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, возложенные на него указанным законом, публично выразил вербально в неприличной форме, в присутствии гражданских лиц в указанном месте свою личную отрицательную оценку личности как представителя власти и в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, а также высказал в его адрес в неприличной форме оскорбительные выражения, противоречащие общепринятым нормам человеческой морали. Тем самым гражданин С. дискредитировал деловую и профессиональную репутацию участкового уполномоченного полиции группы уполномоченных полиции № отдела полиции УМВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга и авторитет органов внутренних дел в целом [9].

Еще больше сложностей возникает при определении признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Его усложняет наличие такого объекта, как интересы государственного управления, публичность, форма выражения.

Поскольку ст. 319 УК РФ не дает определения оскорбления, то, исходя из исторического принципа толкования, рассмотрим состав, опираясь на его определение, содержащееся в ст. 130 УК РФ, утратившей силу. Форма оскорбления может быть различной: чаще всего встречается устная (словесная) форма, выраженная в употреблении ненормативной лексики, противоречащей нормам морали, формулируемая в судебных приговорах как «высказывание в адрес потерпевшего в неприличной форме оскорбительных выражений»; письменная, путем совершения оскорбительных действий (пощечины, непристойного жеста и т. д.). При квалификации действий виновного следует учитывать, что письменное оскорбление существенно отличается от словесного.

Реже используется такой способ оскорбления, как физическое воздействие. В данной форме его иногда нелегко отличить от иных насильственных действий, которые причиняют или могут причинить физическую боль. Например, это может быть выражено в бросании в сотрудника правоохранительного органа различных предметов (тухлых яиц, несвежих овощей, испачканных грязью предметов), пощечине. В отличие от нанесения побоев, виновный в данном случае не стремится причинить физическую боль, а желает унижить честь и достоинство представителя власти при исполнении им своих обязанностей. На это отличие неоднократно обращали внимание исследователи данной проблемы [10, с. 399].

В судебно-следственной практике возникают сложности и при определении так называемой неприличной формы оскорбления. Установление «неприличности» формы вызывает определенные трудности и в теории, и на практике. «Неприличность» формы напрямую зависит от норм нравственности, морали, культуры, сложившихся в определенном обществе в определенное время. Так, еще в 70–80-е гг. прошлого столетия употребление термина «мент» носило уничижительный характер, в 90-е гг., после выхода на экраны ряда кинофильмов и книг, содержащих данный термин в его положительном значении (например, в произведении Н. Леонова «Матерый мент»), этот термин стал привычным, не оскорбляющим достоинство сотрудников правоохранительных органов. Иногда при расследовании приходится назначать судебные лингвистические экспертизы, определяющие форму совершенного преступления. Действия преступника должны носить также персонифицированный характер, то есть должны быть адресо-

ваны лицу либо определенной группе лиц (например, тому или иному наряду сотрудников полиции, состоящему из двух или трех человек), при этом выражать явную отрицательную оценку личных, профессиональных, служебных или должностных качеств потерпевшего, как в его собственных глазах, так и в глазах окружающих. Общие высказывания виновного, не направленные в адрес определенного лица или определенной группы лиц (наряда полиции, пресекающего хулиганские действия виновного), как, например, высказывание «все полицейские — гады», нельзя рассматривать в качестве оскорбления представителя власти и квалифицировать по ст. 319 УК РФ.

По содержанию неприличные высказывания могут соответствовать действительности либо быть вымышленными, заведомо ложными, но данный факт не влияет на квалификацию. В частности, С. В. Тасаков пишет: «Определение неприличной формы является вопросом факта, в каждом конкретном случае устанавливается исходя из обстоятельств дела, личности потерпевшего, его субъективного восприятия, господствующих в обществе предписаний морали. Неприличная форма должна относиться не только к внешней стороне поведения, но и к содержанию действий и слов, составляющих оскорбление» [10, с. 398]. Особые сложности данное положение вызывает в связи с тем, что в официальной документации, а также в судебном процессе, в том числе и приговорах, повторение нецензурной лексики недопустимо. Поэтому следователи и судьи обязаны описать в «приличной» форме совершенные виновным действия. Чаще всего в приговорах подобные описания содержат устоявшиеся фразы: «высказал в неприличной форме оскорбительные выражения, противоречащие общепринятым нормам человеческой морали».

Еще одним обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, является публичность действий виновного, что подразумевает оскорбление представителя власти в присутствии посторонних лиц: одного или нескольких, как знакомых, так и посторонних. На квалификацию преступления количество присутствующих лиц не влияет. В конкретных уголовных делах и судебных решениях необходимо установить и указать присутствующих при оскорблении лиц.

Так, в приговоре Московского районного суда в отношении гражданки Н. говорится о том, что она..., пребывая в состоянии алкогольного опьянения, из хулиганских побуждений, выражающихся в пренебрежительном отношении к исполнению должностных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел, умышленно оскорбила старшего инспектора (по делам несовершеннолетних) отделения по делам несовершеннолетних отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних УМВД России по Московскому району Санкт-Петербурга (ФИО) в связи с исполнением ею своих должностных обязанностей по охране общественного порядка, являющуюся должностным лицом правоохранительного органа, постоянно осуществляющим функции представителя власти, публично выразив вербально в неприличной форме, в присутствии гражданских лиц (ФИО и ФИО) в указанном месте свою личную отрицательную оценку личности (ФИО) как представителя власти и в связи с исполнением ею своих должностных обязанностей, а также высказала в ее адрес в неприличной форме оскорбительные выражения, противоречащие общепринятым нормам человеческой морали. Тем самым гражданка Н. дискредитировала деловую и профессиональную репутацию старшего инспектора отделения по делам несовершеннолетних отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, авторитет органов внутренних дел в целом [11].

Мы согласны с мнением Н. А. Егиазарян, полагающей, что «оскорбление может быть нанесено и заочно, при отсутствии потерпевшего. При этом виновный должен с уверенностью предполагать, что о его действиях будет сообщено лицу, которое он хочет оскорбить» [8, с. 94]. Однако считаем, что употребление термина «сообщено» не совсем корректно. Правильнее будет употребить термин «стало известно», поскольку оскорбление может быть совершено путем использования сети Интернет, различных мессенджеров, СМС-сообщений и т. п.

Итак, с точки зрения объективной стороны, состав преступления, предусмотренный ст. 319 УК РФ, можно признать формальным, то есть общественно опасное деяние является оконченным в момент совершения действий, с момента высказывания публичных оскорблений в адрес представителя власти при исполнении им служебных обязанностей или в связи с их исполнением. Преступный результат этих действий находится за рамками состава, но может быть учтен при назначении виновному наказания.

С точки зрения субъективной стороны рассматриваемый состав преступления следует рассматривать как исключительно умышленный. При этом умысел является прямым, то есть виновный осознает, что публично унижает честь и достоинство представителя власти в неприличной, противоречащей нормам морали форме, подрывает и личный авторитет конкретного сотрудника, и авторитет органов государственного управления, поскольку оскорбляет представителя власти в связи с правомерным осуществлением последним своих обязанностей. В качестве субъекта данного преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

По итогам рассмотрения проблем в сфере регламентации ответственности за посягательство на честь и достоинство представителя власти важно отметить, что нормы в целом справляются со своей задачей по охране регулируемых ими объектов. Однако в связи с развитием общественных отношений в данной сфере, появлением новых способов совершения анализируемого преступления требуется оптимизация законодательства, а значит, внесение изменений в уголовный закон.

С учетом того, что оскорбление с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) является деянием с повышенной степенью общественной опасности, ст. 319 УК РФ требует законодательного совершенствования. Целесообразно включение в закон уголовно-правовой нормы части второй, которую необходимо сформулировать следующим образом:

...
2. Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), наказываются...

Список источников

1. Международная защита прав и свобод человека: сб. документов / сост. Г. М. Мелков. М.: Юрид. лит., 1990. 661 с.
2. Пулман Д. Достоинство человека, боль и страдание // Человек. 2001. № 3. С. 104–114.
3. Постановление Верховного Совета РСФСР о Декларации прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
4. Матросова М. Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 26 с.

5. *Поезжалов В. Б.* К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм о защите чести и достоинства // Проблемы совершенствования российского законодательства в обеспечении законных прав и интересов личности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (6 декабря 2001 г.): в 2 ч. Ч. 2. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2002. С. 43–44.
6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
7. *Цанава М. А.* Уголовная ответственность за преступления против чести, достоинства граждан по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 23 с.
8. *Егизарян Н. А.* Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 226 с.
9. Уголовное дело № 1-474/19 // Московский районный суд г. Санкт-Петербурга. URL: <http://msk.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.02.2022).
10. *Тасаков С. В.* Оскорбление личности (уголовно-правовой и нравственный аспекты) // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. М.: Проспект, 2007. С. 397–399.
11. Уголовное дело № 1-722/19 // Московский районный суд г. Санкт-Петербурга. URL: <http://msk.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.02.2022).

Информация об авторе

Е. И. Кирюшкина — инспектор отделения мобилизационной подготовки и мобилизации; 236022, Калининград, Советский пр., д. 7.

Information about the author

E. I. Kiryushkina — Inspector of the department of mobilization training and mobilization; 7 Sovetskiy Ave., Kaliningrad 236022, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Научная статья

УДК 340.131.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-105-114

О допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в контексте угрозы распространения социально значимых заболеваний (эпидемий, пандемий)

Максим Геннадьевич Шишкин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, maks.schischkin2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен порядок введения ограничений в Санкт-Петербурге в связи с распространением в городе коронавирусной инфекции COVID-19. Утверждается, что в российском обществе отсутствует единое мнение о необходимости и целесообразности введения ограничений. Автор считает, что ограничительные меры следовало ввести. Вместе с тем, по его мнению, введенные ограничения не имеют под собой нормативного обоснования в полной мере. Сделан вывод о том, что нормы законодательства Санкт-Петербурга требуют корректировки в аспекте наделения органов государственной власти указанного города полномочиями по ограничению прав и свобод человека. Научная новизна статьи находит отражение в комплексном анализе нормативных правовых актов федерального и регионального уровней.

Ключевые слова: Конституция РФ, федерализм, ограничение прав и свобод, законодательство, коронавирус, верховенство права

Для цитирования: Шишкин М. Г. О допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в контексте угрозы распространения социально значимых заболеваний (эпидемий, пандемий) // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 105–114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-105-114>

Original article

On the admissibility of restricting human rights and freedoms by a regulatory legal act of a constituent entity of the Russian Federation in the context of the threat of the spread of socially significant diseases (epidemics, pandemics)

Maksim G. Shishkin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, maks.schischkin2011@yandex.ru

Abstract. The article discusses the procedure for introducing restrictions in St. Petersburg in connection with the spread of coronavirus infection in the city. The author notes that there is no consensus in Russian society about the necessity and expediency of introducing restrictions. The author believes that restrictive measures should have been introduced. At the

same time, according to the author, the restrictions imposed do not have sufficient regulatory justification. At the same time, the author comes to the conclusion that the norms of the legislation of St. Petersburg require adjustments in terms of giving the state authorities of St. Petersburg the authority to restrict human rights and freedoms. The scientific novelty of the article is based on a comprehensive analysis of regulatory legal acts of the federal and regional levels.

Keywords: Constitution, federalism, restriction of rights and freedoms, legislation, coronavirus, rule of law

For citation: Shishkin M. G. On the admissibility of restricting human rights and freedoms by a regulatory legal act of a constituent entity of the Russian Federation in the context of the threat of the spread of socially significant diseases (epidemics, pandemics). *Sociology and Law*. 2022;14(1):105-114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-105-114>

Приоритет прав и свобод личности, установленный Конституцией Российской Федерации (РФ), не может при его реализации вступать в противоречие с интересами публичными и нивелировать их. С учетом наличия возможности ограничить права и свободы человека и гражданина посредством принятия федерального закона, а также ввиду федеративного характера территориального устройства России возникает проблема допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта РФ.

В настоящее время мир, включая Россию, столкнулся с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, источник возникновения которой неизвестен до сих пор. Комплекс соответствующих мероприятий разрабатывали и принимали в сжатые сроки. Высокая вероятность передачи инфекции от человека к человеку предопределила выполнение органами государственной власти действий, направленных на минимизацию контактов между людьми. Следствием этого стало принятие нормативных актов, направленных на ограничение прав и свобод граждан, а также на ограничение деятельности организаций.

Актуальность темы состоит в том, что в российском обществе отсутствует согласие относительно вопроса о необходимости и целесообразности введенных изначально на территории нашей страны ограничений. Дискуссия об этом имеет несколько направлений: от необходимости установления ограничений (среди обывателей) как таковых до эффективности, правомерности действий со стороны федеральных органов государственной власти и органов государственной власти регионов.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [1]. Применительно к экономической стороне жизни человека конституционно-правовые нормы гарантируют свободу предпринимательства и иной хозяйственной деятельности, включающую в себя право на использование своих способностей для извлечения прибыли в соответствии с законом и возможность беспрепятственного перемещения товаров, услуг, финансовых средств. В развитие указанных норм закреплено положение о единстве экономического пространства на территории России.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина разрешается посредством принятия федерального закона (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Но жесткость таких ограничений должна отвечать целям защиты государства, прав и интересов человека и гражданина, интересов общества. Вместе с тем нормой ч. 3 ст. 56 Конституции РФ установлено императивное правило, согласно которому не могут быть ни при каких условиях ограничены наиболее необходимые права и свободы. В их число входит право на свободное ведение хозяйственной

деятельности. Тем не менее нельзя не согласиться с необходимостью введения режима ограничений с целью противодействия распространения инфекции. Об этом свидетельствуют данные статистики, ежедневно обновляемые и размещаемые в открытом доступе. Однако рассмотрение принятых мер с точки зрения соблюдения принципов верховенства права, законности и соразмерности вызывает тревогу.

Прежде всего укажем, что установление любых правил поведения индивидов, как и их объединений, следует считать правовым режимом. По мнению С. С. Алексеева, правовой режим представляет собой порядок регулирования, основанный на комплексе правовых средств (среди них — дозволения, запреты, позитивные обязывания), особое сочетание которых обеспечивает направленность регулирования [2, с. 245]. Н. Г. Янгол под правовым режимом понимает систему условий и методик осуществления правового регулирования, определенный «распорядок» действия права, необходимый для оптимального достижения соответствующих целей [3, с. 13]. О. С. Родионов считает правовым режимом установленный законодательством особый порядок регулирования [4, с. 38]. А. П. Ситников делает акцент на том, что правовой режим есть специальный регламент деятельности субъектов права, применяемый в исключительных обстоятельствах [5, с. 11].

Одновременно в научной литературе разработано определение понятия «правовой режим ограничения». В частности, Г. С. Беляева, говоря о правовом режиме ограничения, акцентирует внимание на таких его характеристиках, как детальная нормативная правовая регламентация, наличие специфической цели, особый порядок регулирования, совокупность средств для создания оптимальных условий взаимодействия субъектов права, согласованная структурированность [6, с. 11–12].

Из преамбулы постановления Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее — Постановление № 121) следует, что Постановление № 121 принято во исполнение Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон РФ № 68-ФЗ) и Закона Санкт-Петербурга от 28 мая 2009 г. № 514-76 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге» (далее — Закон Санкт-Петербурга № 514-76) [7].

Пунктом 1 Постановления № 121 на территории Санкт-Петербурга вводится режим повышенной готовности для органов государственного управления, а в соответствии с пунктом 2 Постановления № 121 для граждан и организаций на территории указанного города устанавливаются меры, предусматривающие ограничения на занятие определенной деятельностью, посещение мероприятий и объектов. В марте 2020 г. для граждан установлены запреты на посещение развлекательных мероприятий, а также мест проведения досуга (аквапарков, кафе, ресторанов, спортивных и тренажерных залов и др.). Вследствие принятия данных мер напрямую затронуты интересы предпринимателей, поскольку отсутствие потребителей услуг исключает спрос и возможность получения доходов. К сожалению, аналогичные меры стали применяться в субъектах РФ и осенью 2021 г.

Между тем ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» определен исчерпывающий перечень случаев, при наличии которых на основании законов РФ могут быть ограничены приведенные права граждан. Ограничения должны быть установлены путем введения особых условий и режимов проживания

населения и хозяйственной деятельности. Речь идет в том числе и об опасности распространения инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей [8]. Порядок введения ограничений при наличии угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний предусмотрен Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее — Закон РФ № 52-ФЗ). Статьей 1 Закона РФ № 52-ФЗ определено понятие «ограничительные мероприятия (карантин)», которое предполагает административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных. Исходя из содержания ст. 31 Закона № 52-ФЗ, становится очевидным, что ограничения вводятся внутри определенной территории (России, субъекта РФ, муниципального образования) либо в местах осуществления хозяйственной и иной деятельности. В этой связи представляется верным введение на территории субъекта федерации карантина [9].

Нельзя не отметить, что на основании ст. 8 Закона РФ № 5242-1 на отдельных территориях и в населенных пунктах могут быть введены особые условия, режимы проживания населения и ведения хозяйственной деятельности. На наш взгляд, приведенное основание по содержанию совпадает с определением понятия «карантин», закрепленным в Законе № 52-ФЗ. Указанное обстоятельство, полагаем, позволяло применить перечисленные нормативные правовые акты для установления ограничительных мер.

В то же время нормой абзаца 1 ст. 1 Закона РФ № 68-ФЗ в редакции, действовавшей до 1 апреля 2020 г., чрезвычайной ситуацией признана обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [10]. Согласно положениям частей 6, 7 и 8 ст. 4.1 Закона РФ № 68-ФЗ в той же редакции режим повышенной готовности вводится, в частности, на территории субъекта РФ решением высшего должностного лица соответствующего субъекта федерации при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее — Закон РФ № 98-ФЗ) в Закон РФ № 68-ФЗ внесены изменения. Статья 1 Закона РФ № 68-ФЗ дополнена словами «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих», как одна из характеристик понятия чрезвычайная ситуация [11]. Пункт 1 ст. 11 дополнен подпунктом «у», с учетом которого органам государственной власти субъектов РФ предоставили полномочия по установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Обратим внимание на ст. 21 Закона РФ № 98-ФЗ, которой определено вступление в силу закона датой его опубликования. При этом в Законе РФ № 98-ФЗ не содержатся нормы, которые распространяли бы действие на отношения, возникшие до момента его вступления в законную силу. Данное обстоятельство минимизирует усилия законодателя по оперативному внесению изменений в нормативное правовое регулирование, о чем пишут ряд представителей науки [12, с. 51].

Безусловно, норма ч. 10 ст. 4.1 Закона РФ № 68-ФЗ предоставляет органам государственной власти субъекта федерации возможность ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации, и приостанавливать деятельность организаций в зоне чрезвычайной ситуации. Тем не менее, как указывает А. М. Коновалов, приведенная норма не позволяет вводить запрет на передвижение внутри зоны чрезвычайной ситуации и не предусматривает возможности ограничить (или даже запретить) деятельность индивидуальных предпринимателей [13, с. 33].

Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Постановление № 304) установлены критерии, при наличии которых должен быть введен режим чрезвычайной ситуации. В частности, к таким критериям относятся количество жертв, размер причиненного ущерба. При наличии указанных условий вводят режимы чрезвычайной ситуации муниципального, межмуниципального и регионального характера [14].

Анализ нормы п. «б» ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее — Закон РФ № 3-ФКЗ) [15] позволяет установить, что формулировка обстоятельств, при которых возможно введение на территории РФ или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения содержательно практически идентична понятию чрезвычайной ситуации, приведенной в Законе № 68-ФЗ. Иными словами, препятствия для введения на территории РФ чрезвычайного положения также, по нашему мнению, отсутствуют.

Наряду с этим на территории РФ с 30 марта 2020 г. правовой основой введения ограничений являлись указы Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239, от 28 апреля 2020 г. № 294, от 11 мая 2020 г. № 316. Указами Президента РФ в нашем государстве установлен режим нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы. Нормативной правовой основой указов, как следует из их преамбулы, стали положения Закона РФ № 52-ФЗ [16; 17; 18; 19]. Тем не менее, исходя из содержания Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239, можно сделать вывод о том, что руководителям субъектов РФ предписано реализовать в соответствующих субъектах РФ комплекс ограничительных и иных мероприятий, включая приостановление деятельности организаций и введение особого порядка передвижения на территории.

Учитывая, во-первых, масштабы распространения коронавирусной инфекции в России, во-вторых, наличие критериев, определенных Постановлением № 304, на наш взгляд, не лишены логики и правовой основы возможные меры по введению режима чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации либо карантинных ограничений как на территории России в целом, так и в Санкт-Петербурге в частности. Это тем более представляется справедливым, поскольку нормативные правовые акты, регламентирующие порядок введения и действия данных режимов, устанавливают гарантии возмещения ущерба, который, очевидно, может быть причинен гражданам и организациям вследствие действия ограничительных мер.

Следует учитывать оперативность реагирования Президента РФ на такой существенный вызов, как распространение инфекции. Посредством принятия указов глава государства, как нам кажется, потребовал активных действий от органов государственного управления субъектов РФ с целью недопущения создания или минимизации угрозы жизни и здоровью граждан.

Введение различных правовых режимов ограничений (от повышенной готовности до чрезвычайного положения) посредством внесения изменений и

дополнений в федеральное законодательство, а чаще всего — принятия подзаконных (например, в Санкт-Петербурге) нормативных правовых актов, не способствует ясности и предсказуемости регулирования общественных отношений. В юридическом сообществе также выражают сомнения в связи с этим. По мнению И. А. Алебастровой, введение режима ограничений в совокупности с возложением бремени компенсации убытков на работодателей «вообще не соответствует» Конституции РФ [20, с. 14]. Интерес представляет работа В. Ю. Гулаковой и Н. С. Касторнова, в которой говорится о том, что меры, принимаемые на территории страны, не отвечают критериям режима повышенной готовности, а выходят за его пределы [21, с. 28].

Полагаем, существуют основания утверждать, что федеральное законодательство допускает широкое усмотрение федеральных органов исполнительной власти при разрешении вопроса о введении особых правовых режимов деятельности граждан, поскольку предмет регулирования Закона РФ № 3-ФКЗ, Закона РФ № 68-ФЗ, Закона РФ № 52-ФЗ сформулирован недостаточно конкретно.

Такое положение не соответствует правовым позициям Конституционного суда РФ, который неоднократно отмечал, что федеральный законодатель обязан строго, без возможности расширительного толкования, определить цели и меры ограничения прав и свобод граждан и обеспечить их соразмерность [22; 23; 24]. В этой связи в условиях распространения инфекционных заболеваний должны быть установлены ограничения, предусмотренные исключительно действующими в текущий момент времени нормами. Изменения законодательства, приведенные в статье, не требовались, поскольку нормы, регулирующие соответствующие отношения, представлены в нормативных правовых актах.

По нашему мнению, фактически осуществлена модернизация режима повышенной готовности органов государственной власти. Органам исполнительной власти федерального и регионального уровня делегированы полномочия по установлению конкретных ограничений прав и свобод граждан и организаций. Однако предоставление таких полномочий противоречит как назначению исполнительной власти, так и нормам федерального, в том числе конституционного законодательства. В сущности, оказались легитимированы директивные акты, принятые субъектами РФ, в том числе Постановление № 121.

До изменения норм федерального законодательства главы субъектов РФ обладали полномочиями по объявлению режима чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ. Запрет на введение такого режима отсутствовал в упомянутых ранее нормативных правовых актах Президента РФ. Между тем установленные сегодня в регионах «пандемийные ограничения» представляют собой комплекс мер, обеспечивающих особый порядок перемещения граждан, режим работы организаций и т. п. Иными словами, «пандемийные ограничения» — это специальный правовой режим, нормативную основу которого составляют подзаконные по своей природе акты (постановления исполнительных органов власти). До сих пор парламенты субъектов РФ, по сути, отстранены от участия в разработке необходимых мероприятий по ограничению, реализуя свои полномочия лишь общим указанием на наличие у органов исполнительной власти полномочий по введению любых ограничений.

Не стоит забывать о том, что установление ограничительных мер, не предусмотренных законодательством РФ, ранее было предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ. К примеру, Конституционный суд РФ в постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П признал противоречащими Конституции РФ правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, которыми на территории Чеченской

Республики введены правовые режимы, не предусмотренные законодательством РФ [25].

В этой связи представляются не вполне обдуманно принимаемые попытки введения в законодательство QR-кодов [26], которые будут подтверждать вакцинацию человека; факт того, что человек перенес заболевание вследствие коронавирусной инфекции; наличие у человека медицинского отвода от вакцинации. Беспокойство автора детерминировано тем фактом, что коды должны обеспечить реализацию права гражданина на посещение общественных мест. Предполагаемая «рамочность» будущего федерального закона [27] также вызывает ряд вопросов. Передача соответствующих полномочий органам государственной власти субъектов РФ, полагаем, вступает в противоречие с нормой ч. 3 ст. 55, поскольку именно федеральный законодатель должен определить меры, направленные на ограничение прав и свобод человека.

Далее обратимся к проблеме соответствия установленных ограничительных мер Уставу Санкт-Петербурга. В преамбуле Постановления № 121 в первоначальной редакции отсутствовала отсылка к п. «о-10» ст. 7 Закона Санкт-Петербурга № 514-76, поскольку указанная норма введена в действие Законом Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. № 205-43 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге”» (далее — Закон Санкт-Петербурга № 205-43) [28]. Пунктом «о-10» по аналогии с нормой Закона № 68-ФЗ Правительству Санкт-Петербурга предоставлены полномочия по установлению обязательных для граждан и организаций правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации [29]. Из этого следует, что и в Санкт-Петербурге произошла легитимация ранее принятых Правительством данного города мер, ограничивающих права граждан и организаций. Законодателями Санкт-Петербурга также не установлены меры, которые могут быть применены в отношении граждан и организаций.

В то же время в Уставе Санкт-Петербурга отсутствуют нормы, предусматривающие порядок введения ограничительных мер и форму соответствующего правового акта, кроме общей отсылки в ст. 3 Устава Санкт-Петербурга к Закону РФ № 3-ФКЗ [30]. Между тем ст. 4 Закона № 3-ФКЗ предусмотрено, что только Президент РФ обладает полномочиями по установлению правового режима чрезвычайного положения на территории страны либо в отдельных ее местностях. Следовательно, Уставом Санкт-Петербурга органам государственной власти указанного города не предоставлены полномочия по ограничению прав и свобод граждан и их объединений, организаций.

Таким образом, полагаем, что положения Закона Санкт-Петербурга № 514-76 в аспекте возложения на Правительство указанного города полномочий по введению обязательных правил поведения, предусматривающих ограничения прав граждан и организаций, вступают в противоречие с Уставом Санкт-Петербурга. Изложенное обуславливает важность корректировки норм Устава Санкт-Петербурга в целях нормативного правового обеспечения деятельности по предотвращению угрозы безопасности жизни и здоровью граждан.

Итак, нельзя не согласиться с необходимостью введения режима ограничений с целью противодействия распространения инфекции. Однако рассмотрение принятых мер с точки зрения соблюдения принципов верховенства права, законности и соразмерности вызывает тревогу. Нормы федерального законодательства не позволяли вводить запрет на передвижение внутри зоны чрезвычайной ситуации и не предусматривали возможности ограничения (или даже запрета) деятельности индивидуальных предпринимателей. Постановле-

нием № 304 установлены критерии (количество жертв, размер причиненного ущерба), при наличии которых должен быть введен режим чрезвычайной ситуации.

Вместе с тем федеральное законодательство РФ допускает широкое усмотрение федеральных органов исполнительной власти при разрешении вопроса о введении особых правовых режимов деятельности граждан, поскольку предмет регулирования Закона РФ № 3-ФКЗ, Закона РФ № 68-ФЗ, Закона РФ № 52-ФЗ сформулирован не вполне конкретно. Такое положение не соответствует правовым позициям Конституционного суда РФ, который неоднократно отмечал, что федеральный законодатель обязан строго, без возможности расширительного толкования, определить цели и меры ограничения прав и свобод граждан, обеспечить их соразмерность.

Таким образом, изменение норм федерального законодательства не требовалось, поскольку нормы, регулирующие соответствующие отношения, уже содержались в нормативных правовых актах. При этом предоставление органам исполнительной власти полномочий по введению ограничений без согласования с представительными органами государственной власти противоречит как назначению исполнительной власти, так и нормам федерального, в том числе конституционного законодательства.

Между тем нормы Устава Санкт-Петербурга следует скорректировать в целях нормативного правового обеспечения деятельности по предотвращению и минимизации угроз безопасности жизни и здоровью лиц, находящихся на территории Санкт-Петербурга. Сегодня установление ограничений прав и свобод человека в отсутствие факта введения режима чрезвычайного положения вступает в противоречие с нормой ст. 3 Устава Санкт-Петербурга.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
3. Янгол Н. Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2006. 207 с.
4. Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 157 с.
5. Ситников А. П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31. С. 9–11.
6. Беляева Г. С. К вопросу о понятии правового режима ограничений // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4. С. 11–13.
7. О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <http://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
8. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227.
9. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Российская газета. 1999. 6 апреля.
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Российская газета. 1994. 24 декабря.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ // *Российская газета*. 2020. 3 апреля.
12. *Воронцов С. А.* О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020. № 5 (120). С. 50–53.
13. *Коновалов А. М.* Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 7. С. 32–34. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-7-32-34
14. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 // *Российская газета*. 2007. 26 мая.
15. О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // *Российская газета*. 2001. 2 июня.
16. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // *Российская газета*. 2020. 27 марта.
17. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // *Российская газета*. 2020. 3 апреля.
18. О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 // *Российская газета*. 2020. 30 апреля.
19. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 // *Российская газета*. 2020. 13 мая.
20. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще. Интервью с И. Алебастровой // *Закон*. 2020. № 5. С. 14–18.
21. *Гулакова В. Ю., Касторнов Н. С.* Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России // *Базис*. 2020. № 1 (7). С. 26–29.
22. По делу о проверке конституционности постановлений Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 6 марта 1993 г. «О Программе комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших территорию Северной Осетии» и от 26 марта 1993 г. «О переговорах официальных делегаций Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики 18–20 марта 1993 года»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 сентября 1993 г. № 17-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1994. № 6. С. 12–26.
23. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова: постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1995. № 10. С. 48–53.
24. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 г.) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан»: постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1998. № 4. С. 39–46.
25. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта».

- Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 3. С. 45–57.
26. В ГД внесены законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/52707/> (дата обращения: 18.11.2021).
27. Путин назвал закон о QR-кодах рамочным и последнее слово дал регионам // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2021. 9 декабря. URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20211209/307589019.html (дата обращения: 11.12.2021).
28. О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. № 205-43 // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npra (дата обращения: 11.12.2021).
29. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 20 октября 2005 г. № 514-76 // Санкт-Петербургские ведомости. 2005. 1 ноября.
30. Устав Санкт-Петербурга // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (специальный выпуск). 1998. 23 января.

Информация об авторе

М. Г. Шишкин — аспирант третьего года обучения кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

M. G. Shishkin — Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.